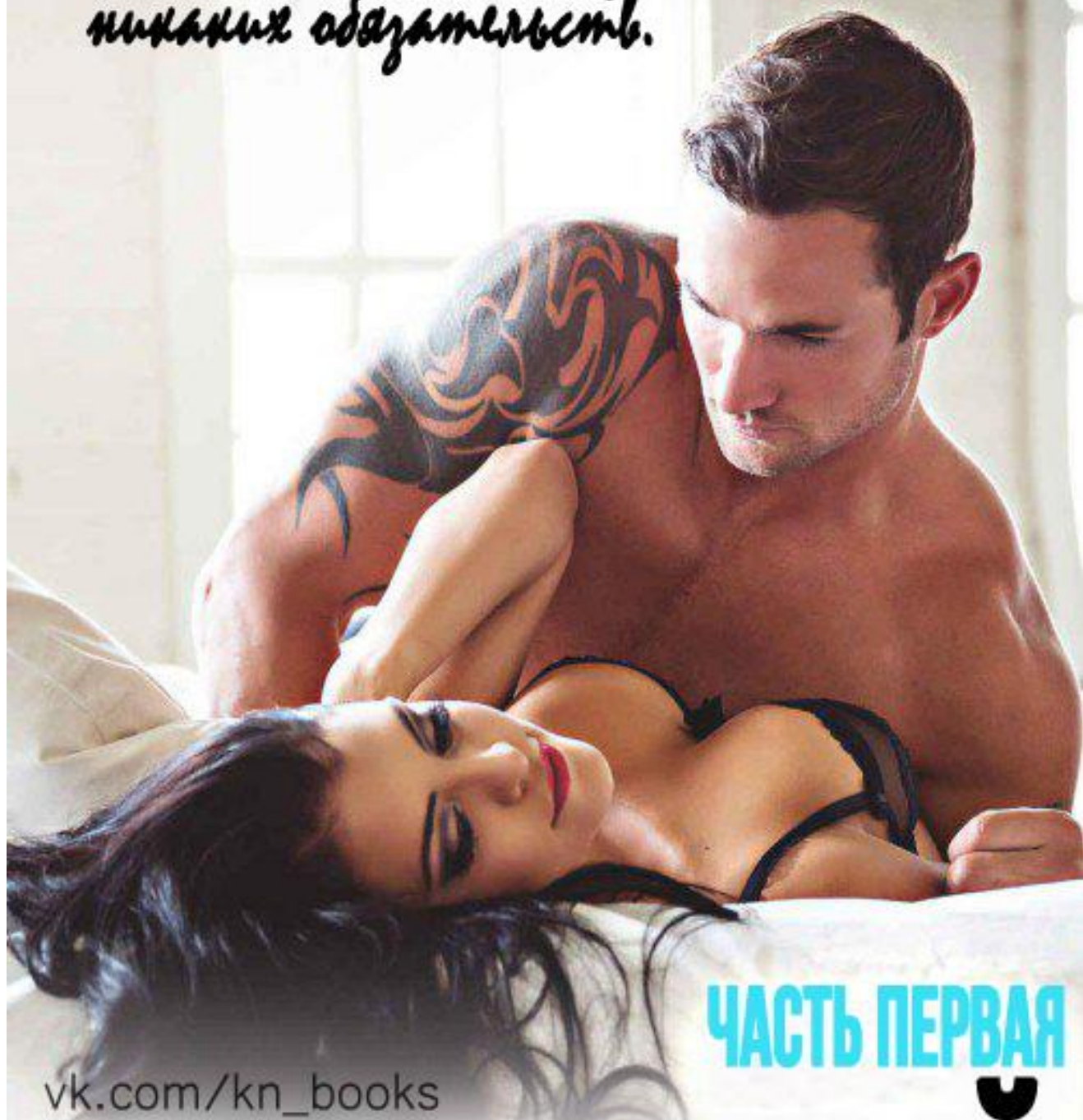

*одна неделя. любая поза.
никаких обязательств.*

vk.com/kn_books

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

НЕНАСЫТНЫЙ

Дж. Д. Хоккинс

НЕНАСЫТНЫЙ

Книга: Ненасытный

Автор: Дж. Д. Хокинс

Рейтинг: 18+

Серия: Ненасытный #1 (про одних героев)

Главы: 15 глав

Переводчик: Юлия Михайлова

Редактор: Таня Панайоти

Вычитка и оформление: Натали Иванцова

Обложка: Таня Панайоти

ВНИМАНИЕ! *Копирование без разрешения переводчиков запрещено!*

Специально для группы: [K.N](https://vk.com/kn_books)

(https://vk.com/kn_books)

Аннотация

Совершенно не дерзко, если у тебя имеются необходимые качества, и ты используешь их.

Творец похоти. Даритель удовольствия. Воплотитель фантазий. Я могу свести вас с ума ровно за пять секунд, но поверьте мне, вы захотите, чтобы это продлилось всю ночь.

Не существует ни одной женщины в городе, которая сможет сопротивляться мне. Кроме одной. И у нее есть предложение. Семь дней. Любая поза. Никаких обязательств.

Она хочет узнать, что упускает.

Кто я такой, чтобы сказать «нет»?

ВНИМАНИЕ!

**Копирование и размещение перевода
без разрешения администрации группы, ссылки на группу
и переводчиков запрещено!**

**Данная книга предназначена только для предварительного
ознакомления! Просим вас удалить этот файл с жесткого
диска после прочтения. Спасибо.**

Глава 1

Джакс

Я захожу в бар.

Это, может, и не похоже на что-то впечатляющее, но вы ошибаетесь.

Позвольте рассказать вам кое-что. Я могу сказать, как женщина трахается лишь по тому, как она двигается; посмотрев на походку мужчины, можно понять, как он владеет «делом» под простынями.

И моя походка говорит лишь об одном, очень громко и ясно. Я лучший трахальщик на свете.

Когда я опираюсь на барную стойку, мне не нужно привлекать внимание бармена. Все внимание клуба уже сосредоточено на мне.

— Привет, Джакс, — говорит бармен, придвигая ко мне пиво. — Брандо придет?

— Да, — отвечаю я, снимая очки и оборачиваясь, чтобы оценить обстановку.

Когда вы будете проводить в клубах столько же времени, сколько и я, то научитесь распознавать жесты так же легко, как сигналы светофора.

Девушка со слишком большим количеством складок на обтягивающем платье. Ее волосы не идеально прямые. Танцует всю ночь. Она не постоянный клиент, иначе я бы ее узнал. Ей нравится, когда это длится всю ночь, любит быть сверху, потому что таким образом она может двигаться в своем темпе.

Женщина, которая не смеется так же громко, как ее друзья. Ее руки плотно обхватывают стакан, потому что она не знает чем занять их. Ее утомила эта ночь. Она неуклюже перетаптывается с ноги на ногу, как будто ей холодно, словно она не чувствует жары клуба. Она хочет, чтобы ее взяли медленно. Мое дыхание на ее шее, наши едва соприкасающиеся тела, чтобы каждое движение становилось неожиданностью. Вероятно, она дрожит, когда кончает.

Высокая сексуальная блондинка в крошечном коротком черном платье, танцует в центре в собственном ритме, выделяясь среди всех. Она ищет лучшего мужчину из присутствующих. Прямо сейчас ее цель заключается в том, чтобы все взгляды клуба были направлены на нее. Когда она перестанет танцевать, то оценит обстановку и сама выберет парня, который станет королем вечера для ее королевы. Им стану я, если все еще буду находиться здесь.

Я поворачиваюсь обратно к своему пиву, опустошаю половину бутылки и чувствую, как меня хлопают по плечу.

— Привет, — говорит высокая чувственная женщина с удивительными формами. — Я знаю тебя?

Я позволяю ей разглядеть меня, пока мой взгляд блуждает по ее телу от шпилек до озорного блеска в глазах. Я ухмыляюсь.

— А ты хочешь?

Она смеется таким насыщенным голосом, который большинство женщин приберегают для спальни. Я оцениваю ее еще раз. У нее хорошая задница, которой я позволил бы сидеть на моем лице в течение многих часов, ложбинка между грудями достаточно большая, чтобы сойти с ума и провести остаток ночи, пытаюсь найти его снова.

— Ты похож на Райана Гослинга, — флиртует она. *(Примеч. Райан Гослинг — канадский киноактер).*

— Возможно, это я.

Она придвигается ближе.

— Правда?

— Нет. Я не наношу макияж, и мои черты лица естественны.

Я обдумываю, стоит ли купить ей выпивку, когда через ее плечо замечаю, как Брандо входит в помещение. Он делает несколько шагов в сторону бара, тратит пару секунд, танцуя рядом с пьяной девчонкой, затем подходит ко мне и кричит свой заказ бармену через весь зал.

Таков стиль Брандо. Громкий, полный жизни и всегда привлекающий внимание.

— Привет, Джакс, — говорит он, пожимая руку. — Чувствуешь себя лучше сегодня? — он бросает оценивающий взгляд на женщину рядом со мной, и она отвечает ему тем же.

Брандо из Бруклина. У него темные волосы, темные глаза, смуглая кожа, и он использует свои итальянские корни, как только выпадает шанс. Ему нравится говорить о том, что он разговаривает на французском и итальянском языке, но думаю, его познания начинаются и заканчиваются текстами старых песен на дискотеках.

— Зависит от того, с какой девушкой я буду.

Немного обо мне. Я люблю изящество. Мне нравятся утонченные наряды, подчеркивающие фигуру и соответствующие месту; женщины с сексуальным желанием, которые выглядят столь же прекрасно, как и я. Когда моя одежда на мне, я самый шикарный парень в помещении, но как только она снята, я тот мужчина, который заставит почувствовать, что раньше тебя трахали только мальчишки. Мужчина, в сравнении с которым, другие будут казаться лишь бледными копиями. Мужчина, о котором мечтаешь, когда лежишь обнаженная в ванной...

— Кто эта очаровательная молодая штучка? — спрашивает Брандо, поворачиваясь лицом к соблазнительной девушке.

— Я еще не узнал ее имя, — говорю я, предоставляя Брандо шанс. — Но как раз собирался.

— Софи, — мурлычет она.

Я потираю левую бровь — это знак для меня и Брандо, означающий «она твоя» — и поворачиваюсь в сторону танцпола.

Танцующие тела извиваются вокруг меня, когда я прохожу по клубу. Я позволяю глазам блуждать от загорелых ног до трясущихся бедер. Проходя мимо, провожу рукой по талии девушки, она смотрит на меня и облизывает губы. Другая обхватывает меня руками за шею и отводит в угол, где практически вешается на меня, словно проходит кастинг на работу в стриптиз бар. Она прижимает губы к моей шее, затем отступает и улыбается. Я улыбаюсь в ответ, подмигиваю и ухожу — слишком легко.

Меня забавляет идея о сексе втроем: с блондинкой, которая выделяется на фоне своих подружек посреди танцпола, и худощавой цыпочкой с татуировкой на щиколотке.

И затем это происходит.

Весь клуб исчезает. Девушки, бар, музыка. Единственное, что осталось, это девушка с просто идеальным телом. Она одета, но юбка настолько обтягивает задницу, а вырез на спине так сексуален, что глядя на нее, ощущаешь возбуждение. Это как ЛСД, вызывающий галлюцинации, и я четко вижу будущее. Волнистые каштановые волосы, взлетающие в экстазе, ритмично подпрыгивающая каплеобразная грудь, мои руки, обернутые вокруг этой стройной талии, словно направляющие заряженный снаряд.

Помните, я сказал, что моя одежда сидит прекрасно? Ну и что теперь делать с несколькими дополнительными сантиметрами в моих боксерах?

Я нахожусь достаточно близко, чтобы увидеть ее губы, и уже думаю обо всех способах, которыми она смогла бы боготворить меня с их помощью.

Она замечает меня и завораживает своими карими глазами, которые смогли бы покорить более слабого мужчину даже на расстоянии десяти метров. Рядом с ней

несколько подруг, но меня не волнует все это дерьмо, а вскоре не будет волновать и ее тоже.

Она пьет джин-тоник с лимоном, и я ревную к стакану между ее губ. Я мягко беру ее за локоть, и она наклоняет голову ко мне.

— Я увидел тебя час назад, и с тех пор неспособен сосредоточиться на любой другой женщине в этом баре.

Она ухмыляется.

— Это ложь.

— Ты права, это ложь. Я только что увидел тебя, и уже знаю, что ты самая привлекательная женщина, которую я увижу за всю ночь.

— Что ж, всегда есть и другие ночи, — она рассеянно облизывает кожуру лимона, находящуюся на ободке ее стакана, и мой пульс стремительно учащается.

Я улыбаюсь. Она нахальна, но не может отвести от меня глаз. Новая тактика: прекратить нести чушь и действовать.

— Тебе следует вручить свое удивительное тело тому, кто знает, как максимально использовать его, — я поднимаю бровь. Женщины, которые знают в этом толк, сказали мне, что это сексуально как черт, а я редко чувствую необходимость играть честно.

Она открывает рот в притворном шоке.

— Я серьезно, — продолжаю я, — не думаю, что ты понимаешь, что на самом деле имеешь.

— Возможно, и нет, — говорит она, — но уверена, что мой парень понимает.

Я отступаю, прикольно.

— Оу! Парень? Вот это уже настоящий грех. Отдать все это, — я оглядываю ее с головы до ног, — в руки только одного мужчины. Особенно когда этот мужчина не я.

Девушка смотрит на своих подруг, глаза которых все еще сконцентрированы на мне, ожидая того, что я переключу свое внимание на них. Но этого не произойдет.

— Спасибо за совет, — говорит она, толкая своих подруг подальше от меня. — Я сообщу своему парню, что он недостаточно хорош для меня.

— Оу, он знает, — говорю я, когда она уходит.

Она поворачивается, собираясь сказать что-то, но вместо этого просто смотрит на меня, дарит странную улыбку и уходит со своими подругами. Игра закончена. На данный момент.

Я наблюдаю, как ее задница исчезает из виду, и это делает меня таким твердым, что я готов наброситься на первую попавшуюся девушку на танцполе.

Я оборачиваюсь и встречаюсь взглядом с сексуальной блондинкой. Она все еще танцует. Руки подняты вверх, тело изгибается как змея, но взгляд направлен на меня. Какое-то время я наблюдаю за ней, и она продолжает двигаться, извиваясь так, что мне открывается прекрасный вид на изгибы ее тела. Каждый парень в клубе в течение прошлого часа пускал слюни, глядя на нее.

Я направляюсь в сторону черного выхода, и она следует за мной. Мы находимся в разных концах помещения, но действуем слаженно. Она видит, что говорят мои глаза, и я вижу то, что говорят ее. Желание. Власть. Секс. Мы пересекаем клуб, как хищные акулы после охоты, все еще смотря друг на друга, пока не приближаемся к выходу.

Она почти одного роста со мной, а я не карлик, во всех смыслах. На ней маленькое черное платье, которое прекрасно подчеркивает ее длинные светлые волосы и сверкающие голубые глаза. Оно также позволяет продемонстрировать длинные стройные ноги, между которыми я хочу оказаться.

Мы выходим в переулок, который, как я знаю, в это время темный, незаметный и более чем безопасный. Я открываю дверь для нее, и это последний жест джентльмена, который я делаю. Как только за нами закрывается дверь, мы хватаемся друг за друга и соединяем наши тела вместе, словно ненавидим друг друга так же сильно, как и хотим трахнуть.

Она кладет руки мне на затылок и тянет на себя, засовывая свой язык мне в глотку, трахая меня языком, пока я кусаю и сосу ее губы со вкусом вишни. Я настойчиво провожу руками по изгибу ее спины, который приводит к заднице, с жадностью хватаю ее, поднимаю ее ногу и оборачиваю вокруг своего бедра. Другой рукой спускаюсь вниз по ее бедру, затем обратно вверх под юбку.

Мисс Длинные Ноги не успевает даже отдышаться, чтобы застонать должным образом. Влияние ее задницы на танцполе было достаточной прелюдией, и теперь она влажная и готовая. Я прижимаю ее к стене и просовываю руку между бедер, чтобы нащупать ее сладкую влажность. Она лишь слегка вздрагивает и настойчиво притягивает меня ближе.

Я провожу пальцами вокруг ее едва заметного нижнего белья, чувствуя привлекательную мягкость ее киски. Она откидывает голову назад, смотрит на небо и глубоко вздыхает, ее грудь красиво покачивается в такт дыханию.

Я крепко захватываю ее трусики и срываю их одним резким движением.

Это заводит ее еще больше.

С ее губ слетает задыхающийся стон, и она изящно оборачивает загорелые длинные ноги вокруг моей талии.

— Дай его мне.

Ей не нужно говорить ни слова, я уже знаю, что она хочет меня внутри себя. Я ощущаю этот запах, восхитительный аромат зрелой киски, соблазняющий меня, как сладкое кондитерское изделие.

Эта женщина сильна, и если бы я не проводил часы в тренажерном зале, оттачивая пресс до таких форм, что вы смогли бы даже выпить шампанское с него, то она раздробила бы мои кости своей свирепой сексуальной хваткой. Я спускаю свои брюки и быстрым движением натягиваю презерватив — практиковался много раз — затем подношу свой член, твердый как скала, к ее влажности.

— Это то, что ты хочешь?

— Черт, да.

Она вертится на мне как профи, пока я располагаюсь напротив ее киски. Сжимает ткань моих брюк, ее грудь вздымается, а тело умоляет меня войти полностью.

Я толкаюсь в нее, и на ее модельном лице появляется выражение безудержного удовольствия. Как будто я заполняю ее больше, чем ее киска может принять, словно заполняю каждый сантиметр ее тела; достигаю тех потаенных уголков, о которых она никогда и не знала. Настолько глубоко, что это почти божественно, если она верит в такие вещи.

Она снова тянет меня на себя, все глубже и глубже, приятно удивившись тому, сколько еще я могу ей дать. А я только начинаю. Она кладет свои руки на голову, хватая и оттягивая волосы, словно испугалась, что голова вот-вот взорвется.

Я спускаю лямки ее платья и тяну его вниз, чтобы раскрыть ее формы: упругие груди, твердые женственно-розовые соски, так и приглашающие меня поместить на них свои губы. Я нежно целую их, и она стонет — сочетание моего твердого члена, который глубоко вторгается в нее, и нежное прикосновение моего влажного рта к ее соскам — это слишком много для нее, чтобы сдержаться.

Я готов кончить. Я был готов еще с того момента, как она обхватила меня этими удивительными ногами, но мое главное правило — леди кончают первыми. Неважно, сколько времени это займет у них, хотя со мной это никогда не занимает много времени.

Я поглощаю ее грудь, затем провожу губами по ее изящной шее, слегка дотрагиваясь языком, в это же время опускаю руку на ее грудь и сжимаю сосок между пальцами.

— О, Боже, — стонет она, растягивая последнее слово. Меня называли и хуже.

Затем ритмичная пульсация ее тела вокруг моего члена меняется на хаотичные судороги удовольствия. Она визжит, стиснув идеальные зубы между пухлыми губами. Я чувствую, как ее соки стекают по моему вколачивающемуся в нее члену. Ее киска

сжимает мой член так приятно, что приходится контролировать каждый мускул своего тела, чтобы сдержаться.

Ее ноги спускаются с моей талии обратно на землю. Теперь моя очередь. Я захватываю ее волосы в кулак, толкаю голову к своему члену, и она охотно подчиняется. Срывает презерватив и начинает использовать свой рот. Если я думал, что ее киска сладкая, то губы оказались еще слаще. Она оборачивает их вокруг головки моего члена, берет яйца в руку, перебирая их, как будто умоляя меня кончить ей в рот. Ее язык прижимается к изгибам моего члена, словно она ваяет его.

— Соси его, — говорю я. И она подчиняется.

Моя рука на ее голове, но ей не требуется моя помощь, она точно знает, что нужно делать. Она стонет и поглаживает себя свободной рукой, пока сосет, и довольно скоро я так возбужден, что она открывает голубые глаза и смотрит на меня из-под прядей прямых светлых волос, и я кончаю между ее эротическими алыми губами. Она слизывает мою сперму с губ, ее глаза наполовину прикрыты от приятного наслаждения. Она улыбается, смакует ее во рту, прежде чем сглотнуть, словно это марочное вино, которое она только что испробовала.

Она встает и подтягивает лямки платья на плечи, я застегиваю свою ширинку. Мы поправляем свою одежду, приходим в себя, и теперь смотрим друг на друга уже здравомыслящим взглядом, отмечая хорошо проделанную работу.

Я киваю в сторону ее порванных трусиков, лежащих в центре переулка.

— Прости за это.

Она прищуривает свои кошачьи глаза самого яркого голубого цвета.

— Тебе не за что извиняться, — и, прежде чем я смог попросить ее номер в знак любезности, она уходит прочь. Не то чтобы я устраиваю вторые свидания — если то, что произошло сейчас можно так назвать.

— Мой типаж девушки, — думаю я. — Если бы у меня имелся типаж.

Глава 2

Джакс

Когда люди задают вопрос, что вдохновило меня стать архитектором, я говорю им правду — женщины.

Конечно же, люди сразу предполагают, что это ради денег, власти и образа жизни, но это не совсем так.

Вы когда-нибудь видели изящные колонны отеля на 8-й улице? Я спроектировал их, после того, как провел выходные в постели с красавицей амазонкой, которая никогда не снимала свои каблуки.

Кстати, купол спортивного комплекса на Ривер-стрит привлекает ваш взгляд, заставляя посмотреть вверх и открыть рот от изумления? Так же и София, латиноамериканка, заставившая меня испытать такие же чувства при виде ее груди.

А овальный вход в небоскреб Ван Нелле? Тот, который заставляет задуматься о всевозможных удовольствиях, ожидающих вас, как только вы войдете внутрь? Ну... теперь вы понимаете истинный смысл.

Здания должны быть красивыми, а женщины самые красивые творения на планете. Эта связь заставила меня предпринять шаги в правильном направлении; архитектурная фирма, которую я создал еще в колледже, стала успешной, и теперь я в состоянии браться за те проекты, которые хочу. Мы регулярно отклоняем контракты на миллионы долларов, но имеем хороший доход, чтобы позволить себе даже заниматься благотворительностью.

И они по-прежнему говорят, что ты никогда не должен смешивать бизнес и удовольствие...

Я подъезжаю к новой стройплощадке на 23-й улице на своем «Феррари Тестаросса». (Да, «Феррари» — это клише, но только до того момента, пока ты не сядешь за руль этого автомобиля). Как только я въезжаю и вижу объект, который, как предполагается, должен стать новым музеем — мое величайшее творение на данный момент (и, ода одной из самых поразительных цыпочек, которых я когда-либо встречал) — во мне закипает гнев.

— Что это, черт побери?! — кричу я бригадиру Фрэнку, выскочив из автомобиля с все еще работающим двигателем. — Где этот проклятый подъемный кран? Ты поднимаешь материалы *тросами*?

Фрэнк подбегает так быстро, как только позволяет его живот? и складывает руки в извинении.

— Нет никакого подъемного крана. Мы можем поднять профиль только так.

— Черта с два. Что толку от стройки без подъемного крана? Набери сейчас же эту чертову компанию. Я вырву горло тому, кто в ответе за это.

— Уверена, так и будет, — доносится мелодичный голос позади меня. — Ты уже переспал с его дочерью.

Я оборачиваюсь и вижу энергичную фигуру Люси, она моя правая рука в команде и владелица самых милых рыжих волос и самой сладкой улыбки, словно из диснеевского мультфильма.

— Что ты имеешь в виду?

Она кивает на балки.

— Парень, который владеет компанией по подъемным кранам, узнал, что ты переспал с его дочерью, Клэр. Помнишь ее?

Я мысленно перебираю в голове последних женщин, с которыми развлекался, по крайней мере, тех, чьи имена помню, но эту Клэр не припоминаю.

— Нет!

Взгляд Люси, который она бросает в мою сторону, мог бы оторвать член, прежде чем ты даже успеешь сказать слово «боббит». *(Примеч. боббит — термин, возникший в 1993 году после того, как Лорена Боббит кастрировала своего мужа, пока он спал. Этот термин используют, когда говорят о мужчине, которого кастрировала жена).*

— Конечно же, нет, Джакс. И теперь это вышло нам боком. Он недоволен тобой и удержал арендную плату за подъемный кран. Надеюсь, она того стоила.

— Я тоже, — отвечаю искренне, и теперь Люси не может сдержать улыбку, которую она скрывала за этим притворно-укоризненным выражением лица.

Люси удивительна. Она умеет преподнести даже самые плохие новости как пикантную изюминку, и как-то умудряется оставаться выше всего этого, создавая ощущение легкости. Я уже чувствую, как из стадии гнева перехожу на стадию принятия. Тем не менее, я все же высказываю несколько слов недовольства, чтобы не выглядеть мудаком перед своей бригадой рабочих.

— Что было, то было. Он не может сделать этого, — говорю я и достаю телефон.

Ее мрачное выражение лица вернулось.

— Он может, и он сделал. И теперь ты единственный, кто облажался, — ухмыляется она. В точку, Люси. — Я говорила тебе никогда не смешивать бизнес с удовол...

— Не говори этого, Люси. Ты знаешь как я...

— Ненавидишь эту фразу. Да, знаю.

Я вздыхаю и смотрю на веселое улыбающееся лицо Люси.

— Ладно. Тогда скажи мне, что у тебя есть решение.

Она поджимает губы, небрежно кивает и смотрит на балки.

— Я только что договорилась с другой компанией об аренде подъемных кранов, но им потребуются сутки, чтобы предоставить нам технику. До тех пор мы будем использовать этот способ и тем самым минимизируем убытки...

Целый день работать, используя этот примитивный веревочный метод?

— Но...

— И прекрати свое бесконечное нытье, — прерывает она. — Я пообедаю с тобой, и, надеюсь, доберусь до сути того, что вызвало это, — она указывает на мое лицо, — скверное настроение. Хотя, я больше чем уверена, что, скорее всего, дело в женщине.

Я улыбаюсь.

— Скажи, что ты выйдешь за меня, Люси.

— Только если ты пообещаешь развестись в будущем и сделать меня богатой женщиной.

Люси ведет меня в небольшое кафе, где мы располагаемся на террасе. Она обладает чутьем, которое позволяет ей найти лучшие места в городе, где можно поесть. Обычно я ненавижу, когда другие люди принимают решения за меня, но доверяю Люси во всем. Вероятно потому, что она задира, которая никогда не воспринимает все дерьмо от меня всерьез.

— Знаешь, Люси. Однажды ты встретишь парня, остепенишься, и мне придется преодолевать трудности без тебя.

Она смеется, попивая свой чай со льдом.

— Однажды ты встретишь девушку, и она займет мое место, чтобы бороться с трудностями вместе с тобой.

Я знаю Люси еще с колледжа. Сначала она ненавидела меня. Она была бескомпромиссной феминисткой, а я — ну почти такой же, как и сейчас. Это, конечно, означало, что она была трудным завоеванием, золотым недосягаемым призом. Я

преследовал ее месяцами, но переспали мы лишь однажды, а затем произошло что-то странное. Что-то, чего я до сих пор до конца не понимаю — мы стали друзьями.

— Так что произошло вчера, Джакс? — спрашивает она, откусывая кусок пиццы, тем самым нарушая свою диету. — Блондинка, брюнетка, официантка, голливудская актриса? Зеленая сексуальная инопланетянка с планеты Зарг?

Я проглатываю свою пасту и киваю.

— Джентльмен никогда не рассказывает, Люси.

— Хорошо, что ты не джентльмен, — говорит она, изящно вытирая губы. — А если серьезно, ведь что-то случилось. Я же вижу. Мне жаль, что я не могу помочь, но да поможет мне Господь, я попробую.

Я втыкаю вилку в пасту и говорю со знающей ухмылкой.

— Все так же, как и в любую другую ночь, — и засовываю вилку в рот.

— Нет, нет. Я вижу это в твоих голубых глазах. Да еще и тот факт, что твои волосы в беспорядке.

Я роняю вилку и провожу рукой по своим каштановым волосам. Знаю, что это шуточки Люси, но мне нравится подыгрывать ей. Она смеется, и я делаю вид, что оглядываюсь, словно параноик, и именно тогда замечаю девушку из бара. Мисс Великолепие. Суперженщину. Настолько сексуальную, что так и хочется посмотреть куда-то в другую сторону только для того, чтобы оглянуться вновь и восторгаться снова и снова. Она сидит с парнем, одетым в обычный костюм, его лицо такое милое, что вы смогли бы успокоить им пациентов, пришедших на прием к стоматологу.

Люси замечает мой интерес и поворачивается, чтобы увидеть, куда я смотрю.

— В самом деле, Джакс? Ты собираешься сделать это прямо здесь и сейчас? Она с парнем! Ты ничего не должен мне доказывать, ты же знаешь. Я хорошо знакома с твоим «очарованием».

— Ты думаешь это ее парень? — спрашиваю я, и вся моя невозмутимость мгновенно испаряется. Эта девушка раздражает меня, как незаконченное дело. Вызов.

Люси в замешательстве поворачивает голову обратно, снова смотрит на них и говорит:

— Иначе, зачем еще ей терпеть обед с парнем, который полностью сосредоточен на своем телефоне. Посмотри на него. Есть только одна причина, по которой девушка вынесла бы это.

— Вот, — говорю я, тыча вилкой в сторону парочки, — почему я не в лучшем настроении сегодня.

— Оу? — я слышу веселье в голосе Люси, и черт бы ее побрал за то, что она считает это забавным.

Я киваю, отводя взгляд от женщины, чтобы посмотреть на Люси.

— Я увидел ее в клубе вчера вечером.

— Уже поняла, — говорит Люси, и озорная ухмылка расплзается на ее щеках с ямочками, — и ты...

— Нет. Ничего не произошло. Она отшила меня, — тихо бормочу эту последнюю часть фразы, но Люси не одурачить ни на секунду.

Люси хлопает рукой по столу так сильно, что несколько девушек, сидящих рядом, подпрыгивают и смотрят на нас недоуменным взглядом. Она откидывает голову назад и так сильно смеется, что если бы не была симпатичной девушкой, то выглядела бы как суперзлодей.

— Так великому Джаксу отказали?! Ха! Он смертен, в конце концов!

— Да, да, — говорю я. Люси будет припоминать мне это неделями.

— Срывающий корсеты и коллекционирующий трусики Казанова ЛА стареет!

(Примеч. ЛА — Лос-Анджелес). Теряешь сноровку. Ты знаешь, Джакс, это нисходящая кривая. Скоро ты создашь аккаунты на сайтах знакомств, будешь проводить ночи в

одиночестве, приглашать друзей на вечеринки и обедаться во время просмотра дурацких комедий.

Я сердито смотрю на нее.

— Мне не следовало говорить тебе...

— Оу, но я рада, что ты сказал, Джакс! Я так счастлива, что сказал! — она смеется, как ведьма, и машет официанту. — Еще чай со льдом, пожалуйста, мы пробудем здесь еще некоторое время, пытаюсь исправить все это.

— Не нужно ничего исправлять, — говорю я, вставая из-за стола.

— Эй, ты куда? Я просто пошутила.

Время прекратить это веселье.

— Удобный момент, — говорю я, кивая на девушку. Люси оборачивается и видит, что теперь девушка сидит одна, а ее парень в скучном костюме направляется в туалет, все еще приклеенный к своему телефону.

Люси поднимает бровь, подносит соломинку ко рту и говорит.

— Оу, будет весело.

Я направляюсь к столику женщины и с легкостью сажусь на недавно освобожденный стул. Мисс Красотка поднимает голову, и на ее лице появляется недоверчивая улыбка.

— Ты преследуешь меня? — спрашиваю я.

Ей требуется мгновение, чтобы справиться с удивлением.

— Я собиралась спросить тебя о том же.

— Видимо, это судьба. Знаешь, действительно следует прислушаться к тому, что Вселенная пытается сказать тебе.

Она слегка надувает губы, а ее глаза искрятся озорством.

— И что же Вселенная пытается сказать мне?

— То, что ты и я должны встретиться. Ты знаешь, я рад, что все так вышло. Моя мама всегда говорила мне, что я не смогу найти хороших девушек в клубах.

— Тебе следовало послушать ее.

— Ты права. И теперь ты здесь.

Она слегка закусывает губу, и это жест сводит меня с ума. Я запомню, что хочу укусить эту губу сам. Она скрещивает ноги и наклоняется вперед.

— На твои уловки, в самом деле, ведутся девушки?

Я наклоняюсь вперед, опираясь на стол руками, тем самым позволяя ей увидеть мышцы на моих руках.

— Хочешь узнать секрет? — спрашиваю шепотом.

— Конечно.

— Суть не в уловках. И даже не в том, что я невероятно привлекателен. Не в том, что я самый изысканно одетый мужчина в любом помещении, в которое вхожу. Причина не в моем прессе. Дело даже не в «Феррари», моем многомиллионном бизнесе или красивых домах, которыми я владею.

Я говорю медленно и ритмично, соблазняя ее. Она закатывает глаза.

— В самом деле? В чем же тогда?

Она отклоняется, но я подзываю ее ближе к себе, чтобы посвятить в тайну. Ее хладнокровное поведение явно защитный механизм, и я собираюсь разрушить его.

Затем тень падает на стол. Мы смотрим вверх. Великолепно, Мистер Скучный вернулся.

— Привет, — говорю я, вставая — игра закончена. Я протягиваю парню руку, и он пожимает ее. — Джакс. Я старый друг... — я смотрю на нее. Вот оно. Она может оставить меня в подвешенном состоянии или дать окончательный удар по яйцам.

— Лиззи, — говорит она, усмехаясь.

— Да, верно. Черт. Я так плох в запоминании имен, — я крепче сжимаю руку парня, но он сжимает ее в ответ. Это обычное состязание рукопожатий, но мы сохраняем наши дружественные выражения лиц. Дружелюбная чушь.

— Броуди, — говорит он.

— Я попытаюсь запомнить, — говорю я, похлопывая его по спине свободной рукой.

Он свирепо смотрит на меня, ведь я не тот тип мужчины, которого парни хотят видеть рядом со своими девушками. И тут звонит его телефон. Броуди мгновенно тянется за ним. Я киваю в знак «до свидания» ему и затем подмигиваю Лиззи, которая, я чувствую, провожает меня взглядом, пока я возвращаюсь к своему столику.

— Так быстро? — спрашивает Люси, когда я сажусь на свое место.

— Некоторые истории стоит оставить на потом.

— Верно, — говорит она с сарказмом, — а некоторые истории имеют парней и должны быть полностью оставлены в покое.

— Этот парень мудак, — смеюсь я. — И ты когда-либо видела, чтобы я отступал из-за препятствий, Люси?

— Нет, — говорит она. — Особенно, когда это самый разумный поступок.

Глава 3

Джакс

Следующий день я провожу на пляже, занимаясь серфингом с Брандо и слушая его рассказ о том, что произошло после того, как он ушел из клуба с Софи, дерзкой, соблазнительной девушкой. Поскольку мы медленно гребем на доске для серфинга, он продолжает рассказывать все, чем они занимались, в мельчайших подробностях. О каждом покачивании ее задницы, каждом потягивании волос, стуканье о стену, умоляющих и стонущих моментах.

Когда он спрашивает о моей ночи, то я абсолютно забыл о высокой блондинке в переулке; прошлой ночью существовала лишь одна девушка для меня — Лиззи. Она до сих пор присутствует в моих мыслях, как будто дразнит, а я ненавижу, когда меня дразнят. В общей сложности мы разговаривали с ней минут десять, но в мыслях я уже раздел ее, облизал каждый мягкий изгиб ее тела и поцеловал каждое сладкое место дюжину раз. Мне нужна эта девушка, и мое тело не успокоится, пока я не получу того, в чем нуждаюсь.

Джейсон, мой старый клиент, звонит мне позже и приглашает к себе на вечеринку. К тому времени, когда он переходит к деталям, я уже выбираю рубашку. Это голливудское мероприятие, проходящее в месте высоко на холмах, которое я спроектировал несколько лет назад. С его связями, у него всегда имеется несколько самых горячих молодых актрис на вечеринках. Восходящая звезда кино как раз то, что мне нужно прямо сейчас.

Я подъезжаю туда с опущенным верхом автомобиля, позволяя прохладному вечернему воздуху очистить мой разум. Я всегда хорошо одет, но сегодня вечером я одет так хорошо, чтобы сразить наповал. Костюм, сшитый по индивидуальному заказу, с элегантным вырезом, который показывает все необходимые мышцы, и слегка соответствует старой школе Голливудского обаяния. Все это подчеркивается итальянскими кожаными мокасынами ручной работы, потому что я знаю, что многие женщины судят о мужчине по его обуви.

Подхожу к дому, ощущая гордость за то, что выгляжу так удивительно элегантно на фоне невоодушевленной архитектуры Голливудских Холмов, и вручаю ключи парковщику, чтобы он припарковал автомобиль среди других европейских суперкаров. Как только ступаю внутрь дома, сразу же ощущаю взгляды, направленные на меня. Я чувствую десяток женщин, решающих по первому же взгляду, что я тот, кого они хотят трахнуть сегодня вечером.

— Джакс! — кричит Джейсон, выходя из толпы, чтобы обхватить меня рукой за шею и сопроводить в комнату. — Давно не виделись.

— Разве я не был здесь в прошлом месяце?

Он хватает напиток у официанта, стоящего поблизости, и дает его мне.

— Месяц — это долго в Голливуде, чувак. И если я правильно помню, ты находился здесь лишь пятнадцать минут, прежде чем исчезнуть — примерно в то же время исчезла и Скарлетт.

Он бросает на меня взгляд.

— Возможно, просто совпадение.

Джейсон смеется и ведет меня через толпу горячих женщин, прилагающих усилия, чтобы скрыть взгляды, которые они бросают на меня.

— Возможно... вероятно, не просто совпадение. Скарлетт приезжала каждую

неделю после этого в поисках тебя, — говорит он. — Хотя бедняжка даже не знала твоего имени. Боюсь, я не очень-то помог ей с этим.

Я киваю высокой брюнетке, которую помню, видел на киноафише.

— Меня не очень-то заботят имена, — пожимаю плечами.

— Ты все еще должен мне.

Джейсон снова смеется и оставляет меня, чтобы проявить внимание к некоторым другим гостям. Он знает, что я здесь не для бесполезной беседы. Я выпиваю остатки своего напитка и осматриваюсь вокруг. Приятное зрелище. Прекрасное сочетание классически красивых цыпочек, одетых так, словно они звезды на церемонии вручения Оскара, и выгодного соотношения женщин и мужчин.

Нет никаких сомнений, что большинству этих девочек нравится это. Они хотят, чтобы ими восхищались. На пьедестале, в зеркале. Они желают ощутить твой взгляд на их теле так же сильно, как и руки. Они хотят услышать, как ты восхваляешь их красоту.

Я незаметно подхожу к группе из трех девушек, сидящих на диване. Одна из них, с краю, привлекает мой взгляд. У нее короткие платиновые светлые волосы, как у эльфа, и кожаные леггинсы, которые отражают свет, тем самым показывая великолепные линии ее ног.

Я приподнимаю свой стакан напротив нее, и когда она смотрит на меня, говорю:

— Твое здоровье, — и делаю глоток своего напитка.

— И твое здоровье, — она усмехается, делая глоток.

Я сажусь рядом с ней на диван, положив руку на спинку позади ее головы. Она придвигается ко мне ближе. Я полностью уделяю ей свое внимание.

— Ты певица?

Ее рот открывается от шока, и я оцениваю изгиб ее красных губ всего лишь мгновение.

— Как ты догадался? Ты подслушивал?

Я смеюсь.

— Мне не нужно. Только два типа девушек приходят на вечеринки Джейсона: несостоявшиеся актрисы и певицы. И ты слишком эксцентрична, чтобы быть актрисой.

Она хихикает, ее тело склоняется ко мне.

— Эксцентрична? Правда? Что именно эксцентричного во мне?

— Тебе нравится ощущение кожа к коже, — говорю я, указывая на ее обтягивающие леггинсы. — И ты любишь выделяться, — я провожу пальцем по отвороту ее красного блейзера (*Примеч. блейзер — пиджак спортивного покроя*), останавливаясь только немного слишком близко к ложбинке между грудями, выглядывающей из-под ее черного топа. — Ты не любишь корчить из себя типичную девушку, — продолжаю я, убрав прядь коротких светлых волос подальше от ее зеленых глаз. — И у тебя такое лицо, которое может убедить мужчину сделать все, что ты захочешь.

Она быстро отводит от меня взгляд и осматривает комнату, словно пытаюсь напомнить себе о том, где она находится, но затем ее взгляд возвращается ко мне, и она вновь оказывается под властью моих чар.

Я понижаю свой голос и наклоняюсь к ее уху так, что она может почувствовать мое дыхание на своей шее.

— Держу пари, что парни всегда разочаровывают тебя в постели.

Она хихикает снова, но тихо в этот раз, а ее тело слегка содрогается.

— Ну, я хочу показать тебе, насколько хорошо это может быть на самом деле.

Она смотрит на меня, затем подносит палец к нижней губе, нежно потирая ее.

— Хочешь, покажу тебе? — спрашиваю я. Но это не совсем вопрос.

Она ничего не говорит, просто сглатывает. Затем прикрывает глаза и едва заметно опускает голову. Это незначительный жест, но его вполне достаточно. Я беру ее напиток, ставлю на стол рядом со своим и увожу ее с дивана через толпу людей к выходу. Ее рука

хватается за мою, и я могу почувствовать безотлагательность ее возбуждения от силы сжатия моей руки.

Я почти у двери, когда вдруг чувствую, как длинные тонкие пальцы прижимаются к моей груди, мешая идти вперед. Я поднимаю взгляд, следуя по голой руке ее владелицы — Лиззи.

Я видел ее уже дважды. И целыми днями вспоминал каждый сантиметр ее невероятно сексуального тела, но увидев снова, в красном платье, которое облегает изгибы ее тела, словно оно желает ее так же сильно, как и я, у меня перехватывает дыхание. Я смотрю в эти карие глаза, но что-то изменилось. Это все еще она. Все та же женщина, по которой у меня текут слюнки и которая будоражит мою кровь, но в этот раз она смотрит на меня без той дерзости. В третий раз она пленит меня — и я не собираюсь перечить вселенной.

— Прости, блондинка, — говорю я девушке, чью руку все еще держу. — Мне нужно идти. Возможно, в другой раз.

Я отпускаю ее руку, игнорирую обиженное лицо, которым меня награждает певица, и кладу руку на спину Лиззи, уводя ее в тихое местечко в доме Джейсона — или, по крайней мере, туда, что напоминает тихий уголок. Вечеринка в самом разгаре, музыка громче, и осталось не так много комнат для приватного разговора.

— Так ты преследуешь меня, — говорю я, когда мы останавливаемся и смотрим друг на друга.

— Знаешь, в чем твоя проблема? — говорит она, лишь наполовину шутя. У нее такой взгляд, словно она на миссии. — Ты слишком много болтаешь.

И затем ее губы обрушиваются на мои. Полные, красные губы цвета вина, вдвойне такие опьяняющие. Она кладет руки мне на лицо, прижимая их к щетине. Я скольжу по ее талии, ощущая очаровательный изгиб, где он превращается в милую задницу.

Она отстраняется, тяжело дыша, ее грудь поднимается и опускается напротив моей груди.

— Я рассталась со своим парнем.

Ах.

— Не может быть.

Она пристально смотрит на меня, и я понимаю, что она не пьяна. Интересно.

— Хочешь узнать почему?

Я пожимаю плечами.

— Не очень.

Я веду ее наверх, к ближайшей открытой двери, которую нахожу, и, убедившись, что никто не видит, толкаю ее внутрь.

Это гостевая спальня с низкой двуспальной кроватью по центру и со скудной обстановкой вокруг. Когда я закрываю дверь, ведущую в коридор, комната почти полностью погружается в темноту. Единственный свет поступает снаружи, где располагается бассейн, проникая через жалюзи тонкими полосками и подчеркивая изгиб ее шеи и волнистость ее волос.

— Я не вижу тебя.

— Так прикоснись ко мне, — отвечаю я, притягивая ее к себе. Вновь прижимаю свои губы к ее, провожу руками вниз по задней части ее шеи. Кусаю за то место на губе, где недавно она кусала сама себя, нежно потянув, и короткая заминка в ее дыхании говорит мне о том, что ей нравится это.

Хватаю ее за талию, поворачиваю к кровати и толкаю спиной на нее. Она вскрикивает от удивления, но мягкое покрытие смягчает ее падение. Снимаю свой пиджак и кидаю на пол, затем заползаю на нее, ориентируясь на звуки ее вздохов. Она протягивает руку, ища меня в темноте, и кладет ее на мой затылок. Я целую ее запястье, проводя губами по руке, нахожу ее рот вновь и нежно посасываю ее губы, отстраняясь, когда она ложится на спину.

Ее руки направляются к моей заднице, она запускает пальцы в задние карманы брюк и тянет мой пах к себе. Это движение я никогда не видел прежде, и в сочетании с тем, как она продолжает выгибать спину, могу сказать, что она хочет, чтобы это произошло быстро.

Слишком плохо.

Я собираюсь сделать все по-своему. Я потратил слишком много времени, думая об этой девушке, чтобы не выжать все до последней капли из этого момента. Хочу найти каждое сладкое местечко на каждом сантиметре тела этой женщины. Желая узнать обо всех вещах, которые заставляют ее кричать. Я хочу, чтобы она потеряла контроль.

Я опускаю губы к ее шее, целую и вращаю кончиком языка вдоль изгибов. Кладу руку на ее шею, лаская мягкость ее кожи до тех пор, пока мои пальцы не оказываются на ее губах. Она берет их в рот и сосет так настойчиво, что я мгновенно становлюсь твердым, как скала. Прокладываю путь вниз, прослеживая языком контуры ее груди. Легким движением она стягивает бретельки своего платья, позволяя мне спустить его ниже ее сисек, которые я не вижу, но они прекрасно помещаются в моей руке. Нежно провожу языком по ее соску, медленно целую кожу вокруг, прежде чем взять его в рот и нежно облизать.

Из нее вырываются глубокие гортанные стоны. Я отстраняюсь и дую на сосок, теперь уже влажный от моего поцелуя. Эти ощущения заставляют ее тело слегка содрогаться от прикосновений моих рук. Между прерывистым дыханием она снова стонет, и это звучит как боль, как жажда того, что накапливалось долгое время.

Я опускаюсь и запускаю руки под ее платье, кончиками пальцев медленно двигаясь вверх по бедрам, затем перемещаюсь к ее заднице. Стягиваю с нее трусики и облизываю внутреннюю сторону ее бедер, не в силах удержать себя от мягких укусов нежной кожи. Осторожно подув на ее влажность, я чувствую дрожащие мышцы ее ног под своими руками.

— Соси меня, — говорит она.

Она кладет руки на мою голову, потянув за волосы. Я продолжаю лизать и целовать, медленно приближаясь к ее киске. Ее запах соблазняет и сводит с ума. Как валерьянка для кота, только это заставляет меня ощущать себя больше тигром.

Я хочу все это на себе.

Я достигаю ее клитора и нежно располагаю между губами, целую его нежно и медленно, как я люблю. Ее спина выгибается, приподнимая грудь.

— Сделай это, — бормочет она между прерывистыми стонами. — Сделай это, — повторяет Лиззи.

Я отступаю, нежно дую, и холодный воздух щекочет ее влажный клитор. Ее спина падает на кровать, и Лиззи издает громкий стон.

Я собираюсь начать вновь, как вдруг дверь приоткрывается. Мы замираем.

— ...находится где-нибудь здесь, я думаю. Нет? Свет выключен, должно быть, виноват напиток. Я говорил тебе, Джейсон кладет что-то в этот ко...

Дверь снова закрывается, и я поворачиваюсь обратно, чувствуя чудовищное давление в члене. Хотя я и не вижу ее, но могу сказать, что Лиззи сидит в вертикальном положении.

— Кто-нибудь найдет нас здесь, — говорит она, большая часть бормочущей сексуальности испарилась из ее голоса, хотя она все еще не может отдышаться.

— Я знаю. Чертовски возбуждает, — говорю я.

— Нет, это не для меня, — говорит Лиззи, и я слышу шорох, поскольку она натягивает платье обратно на плечи. Но это еще не конец.

— Я заберу свою машину и встречу тебя снаружи через пять минут, — говорю я. Она молчит всего мгновение, но достаточно долго для моего сердца.

— Дай угадаю, — говорит она, наконец. — Красная?

Я фыркаю.

— Я похож на любителя?

Глава 4

Джакс

То, как ты одеваешься, место, где ты живешь, говорит многое о тебе. Особенно когда ты один из самых востребованных архитекторов на Западном побережье.

Я мчусь вниз по извилистым дорогам Голливудских Холмов, Лиззи находится на пассажирском сиденье моего автомобиля, который, для справки, черный. Окно открыто, и воздух проносится через ее дикие волосы, посылая рябь по красному платью — и я стараюсь изо всех сил не спускать глаз с дороги.

Мы ничего не говорим. Я все еще ощущаю ее вкус на губах, и то, как она сжимает ноги вместе, говорит мне о том, что она по-прежнему возбуждена. Мой дом попадает в зону видимости, ландшафтные светильники подчеркивают каждую прекрасную его особенность, и она смотрит прямо на него.

— Красивый, — говорит Лиззи, я поворачиваю руль и сворачиваю на съезд, который ведет к нему.

— Мой.

— Ага, — усмехается она.

Я сворачиваю на подъездную дорожку и останавливаюсь перед входом. Когда поворачиваюсь к Лиззи, ее рука прижата ко рту.

— Что-то не так?

— Ты издеваешься надо мной? — говорит она, выходя из автомобиля и обходя вокруг, глядя вверх и любуясь изогнутыми стенами и тонированными стеклами моего дома в Голливуде. — Что это? Ты один из врагов Бонда?

Я глушу двигатель и следую за ней.

— Пойдем внутрь, я налью тебе что-нибудь выпить. Ты свернешь шею, если продолжишь так оглядываться вокруг.

Она следует за мной по ступенькам в дом. Я оглядываюсь посмотреть на нее, и она выглядит, как одна из принцесс диснеевских мультфильмов — руки раскинуты в стороны и оглядывается по сторонам, как Золушка на балу.

Я нажимаю несколько кнопок на встроенной стенной панели, и синеватый свет превращается в более теплое желтое свечение, потом нажимаю еще пару кнопок, и тонировка на окнах исчезает, чтобы показать вид на холмы ЛА. Огни города простираются далеко в темноту, пока не сливаются со звездами в небе.

— Боже мой, — говорит Лиззи, глубоко вздыхая. — Ты меня чем-то накачал или что-то еще? У меня галлюцинации? Это безумие...

Она следует за мной в гостиную, где я открываю бар и смешиваю несколько напитков. Когда возвращаюсь к ней, она стоит у окна и смотрит, словно ждет, что покажется Санта Клаус.

Я передаю ей стакан. Она бросает свой взгляд на него и недоверчиво смеется.

— Ладно. Хорошо. Постой, — говорит она, оборачиваясь и смотря вверх, а затем оглядываясь на меня через плечо. — Как ты узнал, что это мой любимый напиток?

— Ты же это пила, когда я впервые увидел тебя в баре, верно?

Она поворачивается ко мне, пытаясь найти на моем лице признаки того, что я шучу.

— И ты помнишь?

— Ты, кажется, очень наслаждалась лимонной кожурой, — я развожу руки в стороны и пожимаю плечами. Она смотрит на свой напиток и смеется, а затем делает большой глоток.

— Почему ты так реагируешь? — спрашиваю я.

— Как?

— Так, словно это странно, что парень помнит, что ты пила в баре. Как будто ты удивлена, что парень может проявить интерес к тебе. Словно твое место не здесь.

— Я *не* принадлежу этому миру. Это...

Я перебиваю ее.

— Твое место здесь, — я пытаюсь удержать ее пристальный взгляд, но она отводит глаза.

— Нет, это не так.

Она может думать так сейчас, но я собираюсь показать ей, как она неправа. Всю ночь напролет. Я медленно подхожу к ней, она потягивает свой напиток, словно прячется за ним. Кладу руку на ее поясницу и поворачиваю к окну.

— Посмотри на этот вид. Почувствуй, как это просто выворачивает тебя изнутри, когда ты впервые видишь это. И куда ни посмотришь — изгиб тех холмов, — я провожу пальцами вниз по ее спине, — огни, которые исчезают, — я слегка касаюсь рукой ее руки. — Ты признаешь, что красота имеет много граней?

— Да, — говорит она задумчиво, затем смотрит на меня.

Я ничего не говорю. Она знает, что я говорю о ней.

— Черт, — говорит она, отстраняясь и тяжело дыша. — Это слишком много.

— Что? Джин?

— Нет, это, — говорит она, указывая на все вокруг. — Ты, все это! Прекрасный дом, удивительный вид, отличный костюм, идеальное лицо...

— Идеальная девушка.

Она отстраняется.

— Остановись! Вау. Ты всегда так красноречив? — теперь слышится разочарование в ее голосе, но я знаю, что это направлено не на меня. Есть что-то еще. Возможно, это расставание с этим мудаком.

Я стараюсь дать честный ответ.

— Только когда чувствую вдохновение.

Она залпом допивает остатки напитка и глубоко вздыхает, ее грудь вздымается над верхом ее платья.

— Я только что рассталась с парнем, с которым встречалась еще со средней школы. И я даже не уверена почему. Я думала, что он заботился обо мне. Но затем поняла, самое забавное, что произошло со мной за последние несколько месяцев, это ложиться спать в десять вечера после просмотра канала Animal Planet, в то время как он отсутствует, обзаводясь связями, и даже не приглашает меня прийти.

Я подхожу к бару и начинаю смешивать еще один напиток. Вручаю его ей, и она сразу же делает глоток. Ее дыхание наконец-то успокаивается, так же как и она сама.

— Тебе лучше?

Она пожимает плечами.

— Немного.

— Хорошо. Ну, теперь, когда ты пришла в себя, как насчет того, чтобы я устроил тебе экскурсию по дому? — она кивает, и я протягиваю руку.

Я провожу ее по дому, тратя время на демонстрацию предметов искусства, которые собрал во время деловых поездок по всему миру, мебели и безделушек, выбранных мной со вкусом — а чего вы ожидали от человека, проектирующего дома. Я наблюдаю, как ее рука скользит по гранитной стойке и текстуре на стенах.

— Так, как ты заполучил это место?

— Построил его. Я архитектор.

Она разворачивается, и вновь на ее лице эта смертоносная улыбка, которая добавляет немного озорства в ее глаза, а затем Лиззи говорит:

— Ну, конечно же.

— Как это понимать? — спрашиваю я дразня.

— Ох, никак, — но она все еще улыбается.

Бассейн я оставил напоследок. Он располагается с другой стороны дома, и с него открывается прекрасный вид на океан. Огни светят со дна зеленовато-голубой воды, а для обстановки и обшивки вокруг использована древесина, привезенная из Японии.

Когда она обращает внимание на все это, то вновь вздыхает и качает головой.

— Это... потрясающе, — она указывает на вид, бассейн, дом позади нас.

— Спасибо, — и я не говорю это, как болван.

Увидев то, как она потеряла дар речи, вызвало во мне что-то, чего я не ощущал уже некоторое время — гордость. Не ту гордость, которая возникает от выполнения работы в точности по требованиям клиента или от получения кучи денег за это, а тот вид гордости, когда ты чувствуешь, что создал то, что приводит в трепет других.

Я подвожу ее ближе к бассейну, чтобы открылся вид за его пределами на бушующий океан.

— Как я понимаю, твои другие парни никогда не показывали тебе такой вид, как этот?

Она поворачивается ко мне, и язвительный взгляд, который я видел ранее, полностью исчез с ее лица.

— У меня был только один парень. Я имею в виду, помимо того, чем мы занимались на вечеринке, что на самом деле не совсем осознаю, хотя это происходит потому, что...

Подождите.

— *Один* парень?

— Да, — говорит она, пожимая плечами. — Я же сказала тебе, что мы были вместе еще со средней школы.

Бедная девочка. Она абсолютно неопытна.

И я знаю, что сделать с ней.

— Это многое объясняет, — говорю я. И по ее лицу я понимаю, что мои слова прозвучали неправильно.

— *Что?* — говорит она, теперь возмущаясь.

Я иду на попятную.

— Нет. Я имею в виду то, почему ты так несчастна.

Она складывает руки на груди.

— Знаешь, ты такой...

Я жду, пока Лиззи закончит, но она просто качает головой.

— Хочешь, я закончу предложение за тебя? Красивый парень? Мужчина, одевающийся со вкусом? Отличный создатель коктейлей?

— Блядун, — заканчивает она. Но я вижу блеск в ее глазах.

— Ой! — говорю я, прижимая руку к груди, словно она прострелила мне сердце.

— Я просто хочу, чтобы ты поведал мне хотя бы что-нибудь о себе, что не является совершенным, — говорит она, искренне умоляя. — Одна вещь, которая не является «Феррари», удивительным домом или «Прада»...

— Том Форд. (*Примеч. Том Форд — американский дизайнер и кинорежиссер. Получил широкую известность во время работы в доме моды Гуччи*).

Она улыбается, затем на ее лице появляется беспомощное выражение.

— Всего одна вещь. Именно так я пойму, что ты смертный. Давай же.

Я слегка качаюсь на пятках, затем делаю несколько шагов в сторону и оглядываюсь на нее.

— Ладно. Я скажу тебе только одно. Так ты поймешь, что я несовершенен. Или бездушный человек, которым я не являюсь.

Она убирает волосы в сторону и выпрямляется, словно готовится к частичке правды.

— Я... Эм... Я никогда не бываю доволен. У меня есть «Феррари» — теперь я хочу «Бентли». Я получил этот дом — теперь покупаю квартиру в Париже. У меня был выбор из сотни девушек, которых я мог бы пригласить сегодня... но я хочу тебя, — она покусывает губу. — Всегда в поисках совершенства. Неудовлетворенный. Но я кое-что понял.

Лиззи делает шаг ко мне и наклоняет голову.

— Что это?

— Совершенство... это мгновение. Не жизнь. Нет совершенства в долгих разговорах, в дерьмовой работе или возлюбленном со средней школы. Совершенство приходит и уходит. Совершенство — это мгновение. Когда оно приходит, ты максимально используешь его, а затем позволяешь ему уйти.

Она прислушивается к каждому моему слову, и я понимаю — прямо сейчас я не говорю ерунду. И есть что-то опьяняющее в том, что я просто высказываю то, что думаю, и в том, как именно она вникает в то, что я говорю.

Я делаю шаг назад и, прежде чем продолжить, понижаю голос до низкого манипулирующего рычания.

— Совершенство для меня — это смотреть на тебя, снять твоё платье прямо сейчас и окунуть в бассейн. Твоё обнажённое тело, мерцающее под водой. Твои волосы, развевающиеся так, словно ты спускаешься с небес. Это совершенство.

Мы стоим и смотрим друг на друга. Её губы раскрываются, словно она хочет что-то сказать, но не может. Не знает, что сказать, и осознаёт, что время для слов истекло.

Одним изящным движением она тянет платье вверх через голову, кидает его в сторону и ныряет в бассейн.

Вид её обнажённого тела рядом заставляет гореть всё моё тело. Я снимаю свою одежду в считанные секунды, наблюдая, как её упругое тело рассекает волны.

Я наблюдаю за ней некоторое время. Затем снимаю своё нижнее бельё и ныряю. Мы видим друг друга под водой, кружимся вокруг друг друга, касаемся друг друга в прохладном, освещённом голубым светом бассейне. Она отплывает, и я догоняю её, сделав пару мощных гребков, затем провожу рукой по её ноге, скольжу по заднице, а затем поглаживаю по спине. Она подплывает к бортику бассейна, чтобы вдохнуть воздух, доносящийся от океана. Я подплываю к ней сзади, и мои руки хватаются за бортик по обе стороны от неё.

Я целую её шею, направляясь вниз вдоль плеча, и она нетерпеливо прижимается спиной к моей груди. Моя рука опускается ей на живот, а затем направляется ниже.

Она поворачивается, и мы смотрим друг на друга, так близко, что можем ощущать жар наших тел. Звук нашего тяжелого дыхания смешивается с отдалённым звуком океанских волн, разбивающихся о скалы.

Я целую её. Не так, как она поцеловала меня. Не нежно или невинно. Не как первый поцелуй на выпускном, а жадно, как изголодавшийся мужчина. Я думал об этой женщине в течение многих дней, подготавливая себя к этому, прокручивая эту похоть внутри себя, пока она не превратилась в нечто, что я не могу контролировать.

Засовываю язык в её рот, дегустирую в очередной раз сладкий пьянящий аромат темно-красного вина. Моё тело прижимает её к краю бассейна, и она скользит изящными пальцами по моей груди, двигаясь вниз, к прессу.

Её пальцы прижимаются к головке моего члена, и я едва контролирую себя, чтобы не проникнуть в неё. Отталкиваюсь от бортика, всё ещё крепко сжимая её, и мы кружимся в центре бассейна, наши тела переплетены и касаются, словно запутанные змеи, не понимая, где начинается один и заканчивается другой.

Я тяну её по ступенькам бассейна, она спотыкается несколько раз, и я беру её на руки. Она вскрикивает, кладёт ладонь мне на щеку, поглаживая щетину, и находит мои губы.

— Я пригласил бы тебя к себе, но, кажется, ты уже здесь.

— Отнеси меня наверх, — говорит она, задыхаясь. — Сейчас же.

Я несу ее в спальню. Это большая комната со стеклянными стенами, открывающая вид на океан с одной стороны и на город с другой. Кровать низкая, и я так возбужден, что почти бросаю Лиззи на нее. Наши тела все еще мокрые, но меня это не волнует. Я едва соображаю, ее тело превращает меня в сумасшедшего.

Залажу на кровать к ней и стягиваю ее кружевное нижнее белье прочь. Когда оно достигает ее ног, она скидывает его на пол. Я захватываю ее волосы в горсть. Она стонет, откидывая голову назад, и ее глаза начинают закрываться. Останавливаюсь, чтобы посмотреть на нее, и она смотрит на меня.

Лиззи мягкая и женственная под моими руками, ее красивое тело слабее моего. Одним быстрым движением я переворачиваю ее на себя и толкаю ее голову к моему твердому члену. Направляю ее рот к нему, и она обхватывает губами головку. Нежно посасывает, и я удерживаю ее голову, чтобы она поцеловала головку, пока я еще могу сдерживаться. Я желаю ее влажность, ее жар. Я вынуждаю ее взять остальное, прижимая член к щеке. Ее зубы задевают чувствительные изгибы, но я настолько желаю эту девушку, что даже легкая боль ощущается приятно.

С ладонью на ее голове я управляю ее толчками, вынуждая приспособиться к моему ритму. Разворачиваю ее задницу так, что теперь она располагается боком ко мне, и резко шлепаю. Она стонет, ее тело содрогается. Нежно провожу по красноте, которая появляется на соблазнительных изгибах ее задницы, и когда ее рот набирает темп, шлепаю ее снова. Сильнее.

Я нахожу ее киску своими пальцами, исследую стенки указательным, большим пальцем нежно прижимаюсь к ее анусу, а средним потираю клитор. Перебираю пальцами вокруг ее щели, словно виртуозный пианист. Другая рука все еще толкает ее рот на член, и все ее тело находится под моим контролем.

Мне не раз делали минет, но прямо сейчас эта женщина заставляет меня забыть свое собственное имя.

Я дразню и поглаживаю до тех пор, пока ее киска не начинает истекать от разочарования, пока непреодолимое желание не становится настолько огромным, что еще чуть-чуть, и она начнет кричать на меня для того, чтобы я проник глубоко внутрь нее. Я поднимаю ее голову от своего члена, и теперь она похожа на другого человека. Другая Лиззи. Рот открыт, она выглядит умоляющей, отчаянной, ненасытной, задыхающейся. Горячие потоки удовольствия проносятся по ее телу.

Одним толчком я бросаю ее вниз, упирая голову в подушку, и располагаюсь позади нее. Прекрасно отточенным движением я достаю презерватив из ящика прикроватной тумбочки и в считанные секунды натягиваю его на свой член. Приподнимаю ее бедра вверх, тем самым размещая ее задницу в воздухе и заставляя взвизгнуть. Головка моего члена находится напротив губ ее киски.

— Черт, да, — стонет она.

Такая узкая, но настолько влажная, что я скольжу внутрь, словно она была создана для меня.

Ее киска сжимает и затягивает, она чувствует, как моя длина входит в нее, проталкивается глубже, пока не упирается в ее сладкую точку.

Лиззи снова стонет, томно и громко, приподнимает голову, чтобы посмотреть на меня, и ее лицо искажается необузданной похотью. Я шлепаю ее по заднице еще раз, другую руку кладу ей на затылок, прижимая лицо обратно к подушке, и трахаю сильнее.

— Ммм, — стонет Лиззи, и я едва контролирую себя.

Она стонет громче, ее тело пульсирует, а задница толкается к моим бедрам. Я наклоняюсь, мышцы моего живота соприкасаются с ее спиной, и член проталкивается еще глубже. Ее киска пульсирует от вколачиваний моего члена, и Лиззи начинает кончать. Я наклоняюсь к ее уху и шепчу хриплым голосом:

— Совершенство. *Это* совершенство.

Толкаюсь в нее сильнее, чувствуя горячую и влажную пульсацию ее оргазма, сжимающего мой член, а затем она кричит мое имя, и я больше не могу сдерживаться.

Я позволяю себе кончить, выпуская из яиц свое вожеление к этой девушке, сдерживаемое на протяжении многих дней. Оно вырывается из меня с такой силой, словно хочет пробить кирпичную стену.

Откидываю голову назад, наслаждаясь моментом, а затем смотрю вниз на Лиззи. На изгибы талии, расслабленные мышцы плеч, после чего приподнимаюсь с ее спины, проводя пальцами вдоль покрасневших отпечатков моей руки на ее заднице.

Она все еще тяжело дышит, ее голова прижата к подушке, а задница по-прежнему приподнята.

Люблю такие моменты. Это напоминает восхождение на гору, когда ваше дыхание сбивается, а затем вы просто позволяете всему этому поглотить вас. Это похоже на то, когда ты разгоняешь автомобиль до сотни, а затем просто убираешь ногу с педали газа и созерцаешь скорость. Ничто не может испортить такие моменты, кроме...

— Тебе было хорошо?

Ненавижу этот вопрос. Частично потому, что это на самом деле глупо — разве пот на моем лице и ухмылка на губах не является ответом, в котором она нуждается — и отчасти потому, что это своего рода опасный вопрос, который женщины любят задавать.

К счастью я учел свои прошлые ошибки, и теперь всегда даю единственный ответ, на который способен.

— Лучше, чем когда-либо.

Не могу сказать, каково это «лучше, чем когда-либо», но эта девушка была чертовски хороша. Лиззи улыбается и прижимается к подушке, но она уловила смысл моих слов. И если я и осознал что-то за сегодня, так это то, что эта цыпочка доставит намного больше неприятностей, чем может показаться.

— Это было хорошо, — говорит она, затем переворачивается и отодвигается подальше от меня. — Ты не так уж и плох.

Глава 5

Джакс

Свет от восходящего солнца пробивается сквозь стеклянную стену, падая мне на лицо, и тем самым будит меня. Я открываю глаза, и требуется всего несколько секунд, прежде чем запах воды от бассейна и секса напоминает мне о прошлой ночи. Я потягиваюсь в постели и переворачиваюсь набок.

Звук душа доносится из ванной, и я потираю глаза, в то же время думая, как справиться с этим. Если и есть одна вещь, которую я ненавижу, так это утро после секса. Я сталкивался со всем этим. От «итак, когда ты позвонишь мне...» до «у меня есть друг и я хотела бы тебя познакомить». Номера телефонов, написанные губной помадой на зеркале в ванной, приготовленные завтраки, а однажды одна девушка исчезла, не оставив ничего, кроме тысячи долларов на прикроватной тумбочке.

Надеваю спортивные штаны и начинаю подготавливаться к тому, что выкинет Лиззи, понимая, что у меня все еще нет хорошей отмазки для нее. Ожидаю чего угодно — от ее действий по поводу того, в каких мы теперь отношениях, до пощечины.

То, чего я *не* ожидаю от нее, так это, что, выйдя из душа, уже одетой и готовой уходить, она вскользь скажет:

— Спасибо за прекрасное времяпрепровождение, — без намека на горечь или сожаление — но это именно то, что она и делает.

Я следую за ней к двери.

— Мне это было в удовольствие, — говорю я, открывая для нее дверь.

Она ступает наружу, затем поворачивается ко мне, словно забыла что-то.

Начинается. Старая тактика заманивания.

— Знаешь, я весело провела время. У меня такое чувство... словно я многое узнала.

— Правда? — отвечаю я, и будь я проклят, если она не звучит и не выглядит сексуальной для меня снова и снова. Я, должно быть, проспал десять часов, но прямо сейчас готов на еще один раунд, хотя прекрасно осознаю, что это плохая идея.

— Я... эм... — она снова закусывает губу. Я улыбаюсь, наблюдая за ее прекрасным лицом, и обдумываю всевозможные варианты, пока она набирается храбрости, чтобы сказать, что хочет.

— У меня есть предложение для тебя.

— Предложение? — спрашиваю я.

Лиззи выглядит лукаво.

— Да.

— Хорошо, — говорю я, проводя пальцем по своему щетинистому подбородку. — Что за предложение?

Сложив руки на груди и прищурившись, она оглядывает меня сверху вниз, кивая, словно оценивает товар.

— Я хочу, чтобы ты научил меня трахаться.

Что происходит. Не знаю, виновато ли отсутствие кофе в моем организме, или из-за странного напряжения от этого утреннего десерта, или странности тех слов, исходящих от такого удивительно милого лица. Но я впервые в своей жизни совершенно лишился дара речи.

— Ты... хочешь...

— Да, я хочу знать все, что мужчина может желать в постели. Хочу знать, как свести его с ума. Хочу знать, как сделать все в спальне. Диким, безумным, сексуальным, все сразу. Я...

— Не обязательно должна быть спальня, — прерываю я.

— Видишь! Это! Я хочу знать это! — говорит она, указывая на меня. — Я никогда не додумалась бы до этого. Я должна научиться думать так. Таким образом, я узнаю, как сделать это удивительным. Как прошлой ночью.

Я переступаю с ноги на ногу, пытаюсь скрыть растущую эрекцию, в которой виновата она. Это, должно быть, довольно очевидно в этих свободных спортивных штанах. Этой девушке совершенно точно не требуются уроки, чтобы стать невероятно сексуальной. Я пытаюсь думать о холодных вещах, таких как снег, белые медведи и град. Но это бесполезно.

— И ты хочешь, чтобы я *обучил* тебя?

— Да, — говорит Лиззи нетерпеливо, бросая на меня взгляд, словно она посреди интервью.

Я смотрю на фасад дома, «Феррари», все еще стоящий на подъездной дорожке, день только начинает становиться оживленным. Такси сворачивает к моему дому.

— Ну, должен сказать, это весьма... безумно. Ты потрясающая девушка. Ты не...

— Прекрасно, — прерывает она, положив руку на мою грудь. — Я хочу быть способна сделать все это. Идеально. Так, чтобы, когда я встречу подходящего парня, то смогла бы предоставить ему все, в чем он нуждается, и получить то, что желаю взамен.

Я киваю. Не знаю, почему, но я киваю. Я понимаю ее.

— Что самое плохое может произойти? Прямо сейчас я вижу в твоих глазах, что ты хочешь меня. Ну... разве ты не этого хотел? Секс без обязательств, когда ты захочешь, — она наклоняется ближе, облизывая губы, а затем говорит тихим хриплым шепотом. — Ты сможешь сделать со мной все, что пожелаешь, — она подносит губы ближе к моему уху, и еще с большим придыханием говорит. — Сделай меня идеальной любовницей.

— Не знаю. Я никогда не делал ничего подобного раньше. Не уверен...

Она отстраняется, огонь пылает в ее глазах.

— Ты собираешься отказаться? Разве ты не говорил мне, что никогда не отступаешь от проблемы? Ну, вот и подвернулся случай. Я знаю, что ты подходящий парень для этого. Тебе все равно и ты не станешь привязываться.

Я потираю лицо. Если бы я не был так возбужден, то подумал бы, что все еще сплю.

— Ты права, не стану. Но ты привяжешься. Я имею в виду, ты действительно думаешь, что сможешь справиться с этим? Никаких чувств. Никакой связи. Никаких эмоциональных привязанностей вообще.

Она закатывает глаза.

— Конечно, я смогу справиться с этим. Я только что сделала это.

Я ощущаю ее готовность к большому количеству аргументов, поэтому останавливаю ее при помощи одного слова.

— Нет.

Но вместо того чтобы расстроиться, Лиззи вновь складывает руки на груди.

— Тогда, дай мне неделю, — она направляет суровый пристальный взгляд на меня. — Семь дней. Любая поза. Никаких обязательств.

У меня пересыхает горло, поскольку миллион непристойных образов проносится в моем сознании. Я потираю подбородок и смотрю на горизонт ЛА. Город, который полон девушек, но, вероятно, нет ни одной столь же удивительной, как она.

Лиззи тяжело вздыхает, показывая на такси на подъездной дорожке позади нее.

— Видишь, моя машина ждет. Итак? Ты согласен?

— Если честно, то я бы с удовольствием. В самом деле. Но дело в том, что невозможно научить такого рода вещам. Ты или рождаешься с этим, или нет. А ты? Ты не родилась с этим. К сожалению.

На ее лице появляется щенячье выражение, которое вызывает во мне желание почесать ее под подбородком.

— Правда? — говорит она голосом, столь источающим обиду, что я почти чувствую себя плохо.

Я смеюсь.

— Нет. Неправда. Вот твой первый урок. Не сомневайся. Никогда не сомневайся. Как только ты сомневаешься в себе, в то же мгновение ты сдерживаешься. Нет места сомнению в сексе, так же, как и в жизни.

Она расплывается в улыбке, перед которой я не могу, кажется, устоять, однако очень хочу.

— Вот мой номер, — говорит она, доставая визитку и вручая ее мне. — С нетерпением жду практики с тобой, — и подмигивает.

Потом спускается по ступенькам и садится в такси. Я наблюдаю, как оно уезжает, а затем возвращаюсь внутрь и смотрю на твердую визитку, которую она вручила мне. Как только я прохожу через входную дверь, мои глаза пробегаются по имени: Элизабет Типтон.

Моя рука висит над мусорной корзиной. Ничего, кроме неприятностей. Эта девушка не принесет ничего, кроме неприятностей. Это так очевидно, что должно быть написано большими буквами по краю этой визитки.

Но будь я проклят, если мне не нравится эта идея.

Глава 6

Лиззи

Вы когда-нибудь просыпались утром и просто чувствовали себя *фантастически*? Да, я тоже нет.

Я не жаворонок. Вставая, как правило, я чувствую себя, словно меня разрывают на части четыре всадника апокалипсиса: работа, отсутствие кофе, будильник и мой парень, занимающий большую часть кровати королевских размеров, отчего каждую секунду я рискую упасть с нее.

Вот только не сегодня. Сегодня я просыпаюсь, чувствуя себя *великолепно*.

Я просыпаюсь прежде, чем срабатывает будильник, тем самым у меня остается достаточно времени перед работой. Мое тело уже полно энергии, поэтому я даже не испытываю свою привычную потребность в кофе.

И мой парень? Ну, мы расстались. Поскольку я встаю с середины кровати вместо того, чтобы свалиться с края, полагаю, что это, возможно, самый разумный поступок, который я совершила за последнее время.

Мне все еще нужно пописать, но некоторые вещи просто не предназначены для изменения.

Войти в ванную — это для меня всегда непросто, главным образом потому, что я не хочу смотреть на себя. Не хочу видеть себя прежде, чем сон исчезнет из моих глаз, волосы прекратят выглядеть так, словно кто-то засунул их в машину для изготовления сахарной ваты, а горячий душ снимет напряженность мышц достаточно, чтобы я не передвигалась, как плохой робот.

Но сегодня я ощущаю себя так, словно проснулась в чужом теле. Кем-то, кто выносливее, счастливее и гораздо менее застенчив. Я захожу в ванную и смотрю на свое отражение без страха.

Мои волосы, конечно, взлохмачены, но это изысканный профессиональный беспорядок. Тот тип прически, когда ты взъерошиваешь волосы, но они все равно остаются прекрасно уложенными. Либо мое хорошее настроение делает меня неспособной замечать привычные недостатки, или я действительно проснулась в сказке. Я оглядываю себя похотливым взглядом парня в дешевом баре и кручусь, глядя на свою задницу.

— Черт, девочка, да у тебя прекрасные ноги, — говорю я себе.

Даже грудь выглядит больше, более дерзкой или, возможно, это просто от того, что я так стою. Не знаю, что на меня нашло, но я наклоняюсь вперед и выгибаю спину, словно нахожусь на фотосессии. Сжимаю грудь, надуваю губки и смотрю на себя в зеркало. Это, вероятно, самый бесцеремонный поступок, который я когда-либо совершала, но, Господи, я кусаю губу от того, как хорошо выгляжу.

Ничего из этого не нормально для меня. Я имею в виду, я не уродлива, как и большинство девушек в ЛА. Обычно я сражаюсь со своим телом в тренажерном зале или на занятиях йогой. Тело — мой враг, искушающий меня всякий раз, когда я прохожу мимо фастфуда или пекарни, чтобы после наказать прыщом или сыпью в самых непредсказуемых местах.

Сейчас же, словно сработал какой-то переключатель, и все ощущается просто хорошо.

Я медленно пробегаю кончиками пальцев вниз от шеи, между грудей, прокладывая путь к пупку, и это нежное прикосновение напоминает мне о том, кто щелкнул этим переключателем.

Джакс Уайлдер. Сокрушительно красивый мужчина в шикарном костюме и с еще более шикарными чертами. Альфа-самец с уверенной походкой, которая может исходить только от такого скульптурного тела, как у него. Умник в теле пещерного человека.

Воспоминания о нем проносятся в моей голове. Каким грубым и доминирующим способом он берет все под свой контроль; в спальне и за ее пределами. Безоговорочная уверенность мужчины, который всегда говорит подходящие слова. Какое приятное освобождение, когда позволяешь взять ему все под свой контроль...

И затем я вспоминаю наш уговор. Мое предложение.

Я писаю, затем захожу в душ. Даже горячая вода и пена, скатывающаяся по моим изгибам, ощущается лучше, чем обычно, напоминая о том, как Джакс мастерски меня исследовал; жадно, чувственно.

И по правде говоря, я дала ему полную свободу действий, чтобы трахать меня когда угодно, где угодно и как он пожелает. Как минимум в течение следующей недели.

Мне следует сожалеть об этом. Я должна слышать мамин голос, твердящий о преимуществах стабильного, скучного мужчины. Мне следует задуматься, что подумают мои друзья и коллеги, слышали ли они — не говоря уже о том, видели ли — что именно Джакс будет со мной вытворять. Мне следовало бы позвонить и притвориться больной, чтобы я смогла купить Ben & Jerry (*Примеч. Ben & Jerry's — марка мороженого, замороженного йогурта, сорбета и продуктов на основе мороженого*) и провести день, плача от разрыва со своим парнем, с которым встречалась еще со школы.

Но все, о чем я могу думать, это как Джакс ныряет вслед за мной в свой удивительный бассейн и как прижимает свое твердое, словно камень, тело ко мне. Как трахает меня до изнеможения, уткнув лицом в подушку и держа мою задницу в воздухе. Никогда в жизни я не кончала так сильно.

Я выхожу из душа и одеваюсь. Надеваю туфли на шпильке — это обычно занимает все утро, чтобы набраться храбрости и надеть их — и юбку, которую обычно надеваю только в клуб. Сегодня я хочу выглядеть прекрасно. Хочу ловить на себе взгляды.

Так чувствуют себя шлюхи? Если да, тогда включите меня в их число. Вручите подходящие трахни-меня сапоги и презервативы, потому что это действительно прекрасное безобразие.

После нанесения макияжа и оглядывания себя еще раз, я хватаю сумочку и направляюсь к своей машине. Бросаю взгляд на телефон, ожидая только подходящего момента, чтобы увидеть, нет ли сообщений или пропущенных звонков от Джекса — поскольку он сказал, что свяжется со мной — но ничего нет. Вместо этого, там только сообщение от Броуди, который спрашивает в порядке ли я. Я отправляю ему сообщение, что все хорошо. Больше сказать мне ему нечего.

До прошлой ночи Броуди был единственным парнем, с которым я когда-либо была. Мы встречались в средней школе и оставались вместе на протяжении всех лет обучения, даже несмотря на то, что поступили в разные колледжи. Но теперь, когда мы находимся в реальном мире, последние несколько лет были тяжелыми. Он был не в состоянии дать мне то, в чем я нуждалась. Он привлекателен, конечно же, но совсем не сексуален. Он упорно работал, но никогда не был действительно амбициозен. Когда я поднимала вопрос о будущем, он не обращал внимания на это или менял тему. Броуди любил меня, конечно, но никогда по-настоящему *не трахал* меня.

Мы занимались сексом, и это было хорошо. Но «хорошо» не будоражит твою кровь, когда ты вспоминаешь об этом. Ты не промокаешь в предвкушении «хорошо». Не просыпаешься на следующее утро, чувствуя себя богиней после ночи «хорошо».

Для этого нужен такой парень, как Джакс.

Броуди из тех парней, по которому подруги будут вздыхать и говорить «я хотела бы кого-то, как он» и который отлично подходит для знакомства с вашими друзьями. Парень, у которого представление о пошлых разговорах сводится к «Ох, что-то новенькое» или «Ты уверена?». Такой парень, который отказывается от секса, потому что ему «завтра на работу». Парень, который слишком вежлив, чтобы потянуть меня за волосы. Парень, который будет поедать твою киску только потому, что хочет сделать одолжение, а не потому, что ему это нравится.

Что делать девушке? Когда мои друзья развлекались и трахались ночи напролет, у меня был повседневно-деловой секс с парнем, который мог оставить меня в подвешенном состоянии, как только звонил его мобильный телефон или один из его дружков по работе хотел пропустить по стаканчику в пятницу вечером.

Затем, откуда ни возьмись, появляется Джакс. Джакс — парень, который всегда тверд. Джакс — парень, который может использовать мое тело и заставить меня кричать, как электрогитара. Джакс — парень, который согласился обучить меня искусству трахаться, чтобы, когда я действительно встречу парня, с которым захочу провести остаток своей жизни, то буду знать, как удивить его, удержать и максимально выжать все соки из него. Из нас.

Знаю, что не должна, но постоянно проверяю свой телефон, пока еду на работу. В сочетании с возбуждением, которое все еще чувствую после прошлой ночи, я разрываюсь от предвкушения того, что произойдет. Это наш первый день «уроков», и мое воображение разыгралось насчет разных диких вещей, которые Джакс сотворит со мной сегодня вечером.

Когда выхожу из машины и иду на работу, я думаю о его великолепном члене и о том, как сильно хочу сосать его, ласкать, погрузить его в себя и управлять им, как джойстиком, на пути к райскому наслаждению. Улыбка появляется на моем лице, словно я знаю что-то, чего все остальные еще нет, и мне плевать. Сегодня я не тот человек, который собирается скрывать свои эмоции.

Вы когда-нибудь видели мультфильмы, где, когда происходит что-то замечательное, они показывают, как птицы и животные суетятся или неодушевленные предметы оживают и поют? Вот так я себя чувствую, только вместо милых и пушистых зверей я везде вижу секс. Я чувствую, как парни раздевают меня глазами, ощущаю, как их головы поворачиваются, чтобы взглянуть еще раз, когда я прохожу мимо. Я иду с высоко поднятой головой, большими шагами, позволяя юбке дразняще двигаться вверх и вниз по бедрам. Говорят, что лучшее в жизни не стеснено правилами, и прямо сейчас, я, конечно же, чувствую себя свободной.

Захожу в лифт и встречаюсь взглядом с милым молодым парнем. Нет больше смотрящих застенчиво в пол взглядов для этой девушки. Требуется мгновение, после чего он понимает, что я ему не по зубам, и отводит взгляд. Я улыбаюсь с чувством удовлетворения, нажимаю на кнопку своего этажа и жду.

Прямо сейчас ничего не сможет разрушить мой кайф. Ничего, кроме Броуди, ведущего себя как придурок. И он, конечно же, именно сейчас случайно оказывается здесь.

— Ох, привет Лиззи, — говорит он, появившись из ниоткуда, заходит в лифт и становится рядом со мной.

— Броуди? Что ты здесь делаешь? — медленно спрашиваю я, боясь ответа.

Он улыбается той бессовестно-скромной улыбкой в своей манере, и внезапно я вспоминаю столько вещей, которые никогда не позволяла себе ненавидеть в нем.

— Я работаю здесь. Наша компания расширилась, поэтому теперь мы владеем двумя верхними этажами этого здания.

— Ох, ничего себе. Это... здорово.

Он кивает слишком восторженно, словно я только что сделала ему огромный комплимент. Броуди никогда не был хорош в понимании моих эмоций.

— Да, так и есть. Я являюсь одним из руководителей нового отдела, — он смотрит мне прямо в глаза, — со всеми вытекающими из этого *преимуществами*.

Я смотрю на него с выражением, которое, с одной стороны, является отвращением, с другой — удивлением и, в конце концов, с выражением убейте-меня-прямо-сейчас-пожалуйста. На этого мужчину я потратила почти половину своей жизни. Мужчина, который обращается к своей компании «мы», и думает, что рассказывая о прибавке к зарплате, заставит меня скинуть свои трусики от возбуждения. Впервые, как ни странно, я надеюсь, что телефон Броуди зазвонит и тем самым он отведет свой гнусный взгляд от меня.

От его внимания меня спасает большое количество людей, входящих в лифт, включая приятеля Броуди, подозрительно-выглядящего парня с большим пузом и хитрой усмешкой, которая заставляет задаться вопросом, какое вопиющее должностное преступление ему сошло с рук.

— Броуди! Первый день здесь, предвкушаешь его?

— Ты же знаешь меня, я всегда в предвкушении.

Я съеживаюсь и отступаю в угол, взывая ко всем святым, чтобы этот лифт работал сегодня бесперебойно и быстро.

— Ты все еще думаешь о той рыжей с прошлой ночи? — смеется толстяк, причмокивая губами так, что мой желудок выворачивает наизнанку, — Вау. Она была действительно сногшибательна. Я имею в виду, девочка одевается так, что ты знаешь, чего она хочет. Но она? Черт возьми. Она была действительно десяткой. Слава тебе, мой друг.

— Вот почему они платят мне большие деньги, — отвечает Броуди — мой бывший парень, хотелось бы напомнить вам еще раз.

— Как ее звали?

— Знаешь, что, — говорит он, не прилагая никаких усилий, чтобы замять разговор, — я даже не знаю.

Они вместе громко смеются, и у меня внезапно появляется желание принять долгий душ с отбеливателем.

Толстяк наклоняется к уху Броуди и говорит тихим заговорщицким шепотом:

— Какой она была?

Броуди косится на меня, убеждаясь, что я в пределах слышимости, и не понижает голос, когда говорит:

— Давай просто скажем, что она была очень страстной, и к моменту...

Они смеются вновь, и это раздражающе действует на каждую клеточку моей кожи, словно китайское устройство пытки. Лифт издает сигнал на моем этаже, и я протискиваюсь через толпу.

— Было приятно увидеть тебя вновь, — быстро говорю я, когда выхожу.

— Полагаю, мы будем часто видеться, — говорит он, на его лице по-прежнему та же улыбка.

— Да, — все, что я говорю, а затем отворачиваюсь так быстро, как только могу.

Из лифта я вышла другой женщиной. Вдруг мои убийственные каблуки причиняют боль, а юбка ощущается слишком короткой для рабочего места. Смотрю в пол перед собой и удивляюсь, как я шла теми большими легкими шагами несколько минут назад. Внезапно я чувствую, что нанесла недостаточно макияжа, и что мне действительно следовало расчесать свои волосы намного лучше.

Я подхожу к своему столу и падаю в кресло, словно отработала уже восемь часов, затем обхватываю голову руками и глубоко дышу, пытаюсь подавить желание заплакать прямо посреди офиса.

Что, черт возьми, я делаю? Что, черт возьми, я собираюсь сделать? Есть ли такой круг в аду, заставляющий людей слушать о сексуальных подвигах своих бывших? Прямо рядом с тем кругом, где ты вынужден видеть своего бывшего каждый день на работе?

Если нет, то он должен находиться там, потому что это была самая ужасная поездка в лифте за всю мою жизнь.

Возможно, мне, правда, следовало позвонить и притвориться больной. Возможно, ведерко с Ben & Jerry, DVD с «Касабланкой» и бокал «Маргариты» то, что мне нужно. Возможно, я совершила ужасную ошибку.

Голова все еще находится в моих руках, когда я слышу, как телефон вибрирует в сумочке. Требуется еще минута глубокого дыхания, прежде чем я готова выпустить голову из рук и проверить телефон.

Пришло смс от неизвестного номера.

Ты готова к своему первому уроку?

Джакс умеет выбирать время.

Глава 7

Джакс

Да. Я готова, приходит в ответ ее сообщение. Должно быть, это рекордно-быстрый по времени ответ.

Любопытно. Обычно девушки выжидают, прежде чем ответить. Несколько минут, чтобы не показаться слишком нетерпеливыми. Час, возможно, если хотят, чтобы я подумал, что у них насыщенная полноценная жизнь и они совсем не думают обо мне. Иногда они недооценивают насколько мне плевать на это, и я не собираюсь ждать весь день — к тому времени я обычно уже удаляю их номера.

Это как танго. Танец, состоящий из преследования. Великая игра блефа и уловок между мужчиной и женщиной.

Но отправка ответного сообщения незамедлительно — это что-то новенькое. Есть только две причины, по которым женщина поступила бы так: первая, она в отчаянии, и ее не волнует, кто знает об этом, и вторая, она уверена в себе и ей все равно, что ты подумаешь.

В случае с Лиззи я даже не уверен. Она прошла путь от холодной натуры к страстной быстрее, чем разогревается еда в микроволновке, и одарила меня как дерзким отказом, так и колоссальными размышлениями на весь день. С другой стороны, у нас есть только неделя. Возможно, она просто не хочет тратить время впустую.

Все же, часть меня задается вопросом «Что ты делаешь?». Я парень, который предпочитает одноразовые встречи. Ведь вы не ездите на Ниагарский водопад или пирамиды каждый день, но вы запомните их навсегда. Вот, что я и предлагаю. Незабываемая ночь и такси обратно домой.

Возможно, дело в поставленной задаче по превращению Лиззи в лучшую дьявольски сексуальную шлюху, которую город ЛА когда-либо видел. Возможно, причина в упоении властью от получения контроля над женщиной, которая посмела меня отшить. Или, возможно, тот факт, что я провел целое утро, сидя на террасе моего любимого кафе и наблюдая за самым величайшим в мире скоплением гламурных, физически привлекательных и хорошо одетых женщин. Но все, о чем я могу думать, это как мои руки снова сжимают упругую задницу и милые сиськи Лиззи. Это редкость, чтобы я трахнул женщину так, как Лиззи, но все еще остался неудовлетворенным.

Я ставлю свой эспрессо на стол и печатаю ей сообщение с адресом магазина нижнего белья, находящегося на другой стороне улицы.

Мой телефон подает звуковой сигнал прежде, чем я даже успел положить его обратно на стол.

Сейчас? Я на работе. Как насчет четырех?

Теперь моя очередь отправить быстрый ответ. Всего одно слово.

СЕЙЧАС.

Она не отвечает. Я смотрю на часы и представляю, как она закидывает свои вещи в сумочку, а ее милый носик морщится от раздражения. Я потягиваю кофе, воображая, как при помощи своих невинных карих глаз она отпрашивается у босса и ускользает из офиса на своих загорелых ногах.

Требуется около десяти минут и она приезжает. Спотыкаясь, она идет на каблуках по пешеходному переходу, словно малыш на ходулях, постоянно оттягивая вниз свою

юбку. Она тянет на себя дверь магазина нижнего белья и в то же время роняет свой телефон, затем поднимает его, наконец-то открывает дверь и входит.

Я смеюсь. Лиззи ходячая катастрофа, но черт подери, она все еще заводит меня. Правда, какого черта я делаю?

Я бросаю десятку на стол и встаю. Поправляя солнцезащитные очки, пересекаю дорогу и вхожу в магазин нижнего белья.

Это большой магазин. Шикарный. Внутренняя отделка выполнена из темного дерева. Я прогуливаюсь между стеллажами и вижу Лиззи. Она стоит ко мне спиной и оглядывается по сторонам с широко раскрытыми глазами, пытаюсь действовать незаметно. Я не знаю, смеяться или чувствовать себя виноватым оттого, как милы и неуклюжи ее действия.

Я не делаю ничего из того, о чем подумал. Вместо этого незаметно подхожу сзади, закрываю руками ей глаза, затем подношу губы к ее шее и шепчу:

— Скажи что-нибудь сексуальное.

Она замирает на мгновение.

— Джакс?

Я убираю руки, и она оборачивается, чтобы увидеть меня.

— Придется потрудиться, — говорю я, хватая ее за руку, быстро оглядываюсь вокруг и тяну ее в большую примерочную, окруженную с двух сторон зеркалами. Я закрываю занавеску, упираюсь спиной в стену и внимательно смотрю на нее.

— Это замечательный наряд, — говорю я.

— Спасибо, — говорит она, на ее лице все еще такое выражение, словно она приняла неверное решение.

— Но ты носишь его ужасно.

Ее рот открывается от удивления, но это правда. Ярость вспыхивает на ее лице, и у меня есть достаточно времени, чтобы подготовиться к ее гневу, прежде чем следующие слова вылетают из этого прекрасного рта.

— Знаешь что, у меня было адское утро. Мой бывший парень, с которым я встречалась восемь лет, просто перевелся в здание, где я работаю. Я только что нажила себе множество врагов, свалив груз работы на них и сбежав посреди рабочего дня, не говоря уже о боссе, который теперь думает, что я ненадежная — за три недели до обзора, смею добавить — и я еще даже не выпила кофе. Поэтому уж извини, если я вся такая не «напускаю важность и не надлежаше ношу», и... вообще, это ты привел меня в извращенный магазин нижнего белья!

Она сильно жестикулирует и сжимает свои тонкие губы так гневно, как только может, но все, что я чувствую, это что мои брюки ощущаются более обтягивающими, а улыбка становится больше похожа на искреннюю.

— Я отказался от сделки на семь миллионов долларов и сказал одному из крупнейших в Нью-Йорке подрядчиков, что у него расстройство личности, но ты видишь, чтобы я выглядел так, словно только что вылез из мусоровоза? — она прищурила глаза, и могу предположить, что Лиззи думает о том, чтобы ударить меня. — Я имею в виду, посмотри на себя. Ты сутулишься, вся съежилась, как будто сейчас середина зимы, одергиваешь юбку, словно это аварийный рычаг. Твое равновесие нарушено. Ты носишь эти каблуки или они носят тебя? С этого места, где я стою, все выглядит так, словно ты надеешься, что твоя одежда заставит тебя выглядеть прекрасно, когда должно быть все наоборот.

Я слышу ее раздраженный вздох, вижу щеки, покрасневшие от гнева. Она в нескольких градусах от того, чтобы выдохнуть огонь. Я замечаю, как ее руки сжимаются в кулаки — это будет не пощечина, это будет полноценный удар.

— Ты... такой...

— Не заканчивай это предложение, — говорю я, — ты слишком много говоришь. Бросай сумку и становись сюда.

Я указываю в центр примерочной.

— Ну же, встань здесь и посмотри на себя, — стою на своем я. Она смотрит вверх, словно на ангела-хранителя, затем вниз в пол, где также нет никаких ответов, и после этого сдается.

Становится в центре маленькой комнаты и смотрит на себя.

— Итак, у тебя было плохое утро, и теперь ты чувствуешь себя раздраженной, напряженной и усталой, верно?

Она кивает.

— И теперь ты выглядишь так же. Видишь этого человека в зеркале? Ты бы хотела находиться рядом с таким человеком? Хотела бы встречаться с кем-то таким? Хотела бы трахнуться с кем-то таким?

Ей требуется секунда, и затем она качает головой.

Я подхожу к ней сзади и слегка прижимаю руку к ее спине.

— Что... — бормочет она, прежде чем я запускаю другую руку вперед, прослеживая изгиб от ее живота к груди, после чего обхватываю ее грудь и приподнимаю. Я прижимаюсь грудью к ее спине, и тяну ее плечи на себя, затем обхватываю пальцами ее за шею и нежно приподнимаю подбородок, пока она не становится на несколько сантиметров выше. Гордая и прямая, как красивая девушка, которую я встретил в баре; как женщина-вамп, которая заставила меня видеть обнаженную плоть в моих снах.

— Теперь, — говорю я, отступая назад, чтобы полюбоваться ею, — просто дыши.

Мне не нужно ничего больше говорить. Я вижу огонь, возвращающийся в ее глаза. Хороший огонь, тот, который заставил ее прыгнуть в бассейн и вынудил заключить мой член между своих щечек. Часть той сексуальности возвращается в ее глаза, и когда она отводит свое бедро в сторону и кладет на него руку, мой член, как и моя уверенность в ней, начинают расти.

— Я чувствую себя... лучше.

— Хорошо, — говорю я, — теперь раздевайся.

Она поворачивается лицом ко мне.

— Ты слышала меня, — говорю я, — снимай свою одежду.

Примерно в третий раз за последние несколько минут она раздумывает над тем, ударить меня или послушаться, но, в конце концов, слегка вздыхает и начинает раздеваться.

— Ты видел все это раньше, — говорит она.

— Это не означает, что я не наслаждаюсь, увидев снова, — отвечаю я.

Я не отвожу свой пристальный взгляд от ее тела, продолжая смотреть в зеркало, и наблюдаю, как она раздевается. Отчасти потому, что хочу увидеть, что скрывается под одеждой, и отчасти потому, что если встречу с Лиззи взглядом, то знаю, что просто трахну ее прямо здесь и забуду об истинной цели нашей встречи. Наконец, она спускает юбку вниз по ногам и отбрасывает ее в сторону.

— Ничего себе, — говорю я.

Она улыбается с благодарным восторгом.

— Нет, — говорю я, — нет, не в этом смысле. Я имею в виду, да, твое тело удивительное. Но, думаю, что по случайности ты надела нижнее белье своей матери.

Она смотрит на свои серые трусики-шортики с завышенной талией.

— Что не так с ними?

— Ты планируешь позировать для каталога нижнего белья двадцатых годов?

— Что?

— Мне интересно. Они увеличиваются вдвое, как парашют, в случае возникновения чрезвычайных ситуаций? Потому что они могли бы.

— Ладно. Я поняла.

— А если серьезно, ты уверена, что приобрела их в отделе нижнего белья? Они похожи на тряпку, которой мой механик вытирает руки.

Она скрещивает руки на груди, возможно, не понимая, что тем самым только подчеркивает восхитительную ложбинку между грудей, которой она одарена. Я с сожалением отвожу взгляд.

— Они удобные.

— Эй. Я уверен, что сандалии с носками удобные. Мешковатые шорты тоже. Плохой секс удобен. Ты хочешь удобства? Поскольку где-то там есть дедушка в удобных мокасынах и с удобным париком, кому понравились бы эти трусики.

Я подхожу к ней сзади.

— Не думаю, что они выглядят так уж плохо, — продолжает она, но часть дерзости испарилась из ее голоса.

Я провожу пальцем вниз по ее ягодице, поглаживаю мягкую хлопчатобумажную ткань и громко вздыхаю.

— Иисус Христос. Где твоя задница? Я знаю, что она у тебя есть. Эти трусики не показывают ее. Вот это да. Надевать эти трусики на такое тело, это как граффити на Микеланджело.

— Это просто трусики, — восклицает она, возвращаясь к своему прежнему разочарованию.

— Нет, — говорю я резко, — это никогда не «просто трусики».

Лиззи открывает рот снова, но затем закрывает его. С меня довольно.

— Куда ты идешь? — спрашивает она, поскольку я выхожу из примерочной и начинаю рыскать по стеллажам. Это облегчение выйти оттуда. Эти трусики из всех сил пытаются сделать ее непривлекательной, но тело Лиззи по-прежнему сводит меня с ума. Примерочная большая, но я редко нахожусь на расстоянии в полметра от женщины, не намереваясь трахнуть или уже трахая ее, и эту привычку трудно подавить.

Я нагружаю свои руки трусиками, лифчиками, чулками, корсетами и всем остальным, что хочу увидеть на Лиззи — хотя, честно говоря, каждый инстинкт моего тела направлен на ее раздевание. Это первый раз, когда я фактически пытаюсь убедить женщину надеть одежду, а не снять ее.

Я обмениваюсь взглядами с парой девочек-подростков, которые не могут отвести от меня взгляд.

— Ты собираешься надеть их сам? — одна из них хихикает, указывая на нижнее белье, навешанное на моей руке.

— Нет, но я сниму их сам, — я улыбаюсь, вызывая у них ямочки на щеках, и румянец появляется на их лицах от смущения.

Я возвращаюсь в примерочную и обнаруживаю Лиззи, застенчиво прикрывающую себя.

— Где ты был?

— Попробуй эти для начала, — говорю я, подавая ей несколько вещей, а остальные вешаю на вешалку.

— Как ты узнал мой размер? — недоверчиво спрашивает она.

Я присаживаюсь на скамейку в углу и беспечно ухмыляюсь.

— Легко. Я хорош в этом. И я знаю, что делаю.

— Ты собираешься смотреть, как я одеваюсь? — говорит она, как только я прислоняюсь к стене.

Тщательно отработанным жестом, я поворачиваю голову в сторону и смотрю на стену слева от меня. Мне совсем не нужно наблюдать за ней, чтобы возбудиться. Я чувствую запах ее духов, слышу шелест шелка напротив ее нежной кожи, вижу ее лопатки краем глаза. Глубоко дышу, пытаюсь упорно сдерживать мое неистовое либидо, но если ад не собирается замерзнуть в течение следующего часа, то эта ситуация закончится вполне предсказуемо. Замечательно предсказуемо.

— Ладно, — говорит она, спустя несколько минут, — теперь можешь посмотреть.

Я оборачиваюсь и, увидев ее только мельком, вынужден закрыть глаза. Чулки до бедер, трусики, которые подчеркивают линию ног и облегают ягодицы, лифчик, поддерживающий грудь. Абсолютно безупречна.

Я открываю глаза и замечаю, что рассеянно покусываю свой кулак — жест, который я не использовал с тех пор, как моя страстная учительница средней школы пришла на работу в мини-юбке в одну удачную среду.

— Как ты себя чувствуешь? — спрашиваю я.

— Хорошо, — говорит она, пока регулирует лямки лифчика при помощи небольшого поперечного зажима, — все довольно-таки облегающее.

Я выражаю неодобрение.

— Позволь мне спросить еще раз. Как ты себя чувствуешь?

Она смотрит на меня, замолкает и слегка поглаживает свое бедро.

— Это... по-другому?

Я ерзаю на своем месте.

— В третий раз спрашиваю. Как ты себя чувствуешь?

Она смотрит на меня, затем обратно на свое отражение. Лиззи выдвигает колено вперед, сгибает руку перед грудью в кокетливом жесте, некоторое время размышляет, а затем говорит:

— Я чувствую себя... Страстной. Сексуальной.

— Хорошо. Держи эту мысль в уме и повернись ко мне.

Она медленно оборачивается. Я упиваюсь изгибами ее тела, словно стал очевидцем чуда.

— Я никогда не носила ничего подобного прежде, — говорит она, нарушая напряженную тишину.

— Почему нет?

Она смотрит на меня в замешательстве.

— Честно?

— Конечно, — я пожимаю плечами.

— Я не понимаю этого. Я имею в виду, если ты собираешься заняться сексом, то ты просто раздеваешься и делаешь это. Так какой смысл в этом?

Я сдерживаюсь, чтобы моя челюсть не отвисла до пола.

— Ты это серьезно прямо сейчас?

— Ты либо голый, либо одетый. Так какая разница, что ты носишь под одеждой? Для тех нескольких секунд между раздеванием и собственно выполнением этого дела?

— Выполнением *этого дела*? — повторяю я.

— Почему парням нравится это? Уверена, что это выглядит возбуждающе, но мне кажется... подожди, ты смеешься?

Моя голова находится в моих руках. Требуется усилие, чтобы убрать руки и посмотреть на нее вновь.

— Не могу сказать точно, является твоя наивность удивительно странной или невероятно возбуждающей, — говорю я, качая головой, — не хочу даже думать, какой была твоя сексуальная жизнь до этого момента, чтобы сказать что-то вроде этого.

Она непонимающе смотрит на меня.

Я встаю позади нее и кладу руки ей на плечи, глядя на ее отражение в зеркале.

— Секс не начинается и не заканчивается в спальне. Секс происходит везде вокруг тебя. Это танец. Мир полон его. Он начинается с того момента, когда ты утром решаешь, что надеть. Он проявляется, когда ты обмениваешься взглядом с незнакомцем. В том, как ты ходишь, как говоришь, места, которые посещаешь, и то, чем занимаешься. Прекрати думать, что секс заключается лишь в снятии твоей одежды в спальне и траханье, как старая супружеская пара. Хороший секс — это образ жизни, а не событие.

— Я полагаю... — говорит она без энтузиазма. Ее уверенность сходит на нет, и я должен исправить это.

Я отступаю, таким образом, теперь она может смотреть на меня в зеркало.

— Все это образ. Посмотри на меня. Знаешь, почему я закатываю рукава? Так женщины смогут взглянуть на мои предплечья и сделать вывод, что мое тело мускулистое, фактически не видя его. Они *захотят* увидеть его. Они *знают*, что там, но на самом деле не увидят его, пока не наступит нужный момент.

Она кивает и хмурит брови, и могу сделать вывод, что она действительно внимательно слушает.

— Я ношу солнцезащитные очки, — продолжаю я, — знаешь почему? Потому что это дает мне власть, ощущение тайны. Ты не знаешь, как выглядят мои глаза, не знаешь, куда я смотрю, *как* я смотрю на тебя. Я выбираю нужный момент и снимаю их, и это становится разоблачением, очередным шагом в танце.

— Ничего себе, — говорит она, и улыбка появляется на ее лице, — ты, в самом деле, все продумал.

— Я не думаю об этих вещах. Я просто знаю их.

Лиззи опускает свои плечи и поворачивается ко мне лицом.

— Возможно, я не гожусь для этого. Такое ощущение, словно попала на глубину, но для начала я должна научиться держаться на воде.

Я разворачиваю ее обратно лицом к зеркалу, обнимаю за талию и нежно шепчу ей на ухо, глядя на ее отражение:

— Послушай, тебе не понравится то, что я скажу. Вероятно, это заденет твои чувства. Ты, возможно, будешь желать, надеяться и верить, что это неправда, но это так и есть. И чем скорее это поймешь, тем скорее ты и мужчина, которого ты выберешь, станете намного счастливее.

Я замолкаю, и она кивает.

— Меня не волнует, удобны ли твои трусики. И мне плевать слишком ли обтягивающие эти чулки, или является ли все это *по-другому* для тебя. Ни одного мужчину не волнует. Ты хочешь стать умелой девушкой? Умной девушкой? Решительной, энергичной, интересной, забавной девушкой? Великолпно. Будь такой. Ты хочешь трахаться и заниматься этим на высшем уровне? Тогда ты оставляешь все это дерьмо за порогом, поскольку ничего из этого не сексуально, а ты должна стать такой сексуально привлекательной, насколько это возможно.

Я наклоняюсь и поднимаю ее серые трусики с пола, болтая ими рядом с ней.

— Знаешь, о чем они говорят? Когда ты разденешься в спальне и покажешь то, что носишь их? Они говорят «Привет, я Лиззи. У меня есть жизнь, надежды, страхи, мечты и неуверенность в себе. Я занимаюсь бумажной работой, которая требует, чтобы я носила удобное нижнее белье, и я понятия не имею, насколько сексуальной являюсь на самом деле. И я собираюсь принести все эти проблемы в спальню, так что, удачи тебе бедолага».

Я бросаю трусики в сторону и прижимаю свою руку к ее бедру, где тонкие чулки пристегиваются к кружевным трусикам.

— Знаешь, что они говорят о тебе? Они говорят «Эй, я на сто процентов сексуально привлекательна. Я фантазия. Я та девушка, которую ты всегда мечтал встретить. Из тех, о ком твоя мать предупреждала тебя. Девушка, которую ты представлял, когда мастурбировал в средней школе. Та девушка, которой, ты думал, не существует вне городских мифов и порнографических историй. Я наездница и доведу тебя до высочайшей точки наслаждения, которой ты когда-либо достигал. Я с другой планеты. Ангел и дьявол, и могу стать для тебя кем угодно. Девушка, с которой ты должен держаться наравне, не сбавляя темпа. Искусительница, соблазнительница, нимфа, фантазия, ставшая реальностью. И если ты хочешь все это, то тебе лучше держать свое дерьмо при себе, поскольку я точно знаю, что делаю».

Когда я замолкаю, воздух вокруг нас наэлектризован сексуальной интонацией моего голоса, говорящего то, что Лиззи необходимо было услышать. Сдерживаемые феромоны

медленно просачиваются из нас. Власть женщины, обнаружившей свою сексуальность, и мужчины, который точно знает, как пользоваться своей.

Она поворачивается, и мы с хлопком соединяем наши тела, как вступившие в борьбу быки. Наши губы соединяются во влажном и голодном поцелуе взасос. Я прижимаю ее к зеркалу, она поднимает ногу в чулках и закидывает ее мне на бедро. Рукой провожу по напряженным мышцам ее бедра, сжимая, словно человек, падающий со скалы, пока не добираться до кружевных трусиков.

Она откидывает голову, постанывая и задыхаясь, поскольку я покусываю и посасываю ее нежную шею.

Зажатое между моей грудью и стеной, ее тело дрожит напротив меня. Грудь вздымается, она часто дышит от охватившего ее возбуждения.

Я прижимаю ладонь к ее киске, и тело Лиззи реагирует, словно я воспламенил его. Другой рукой я удерживаю ее за горло, заставляя смотреть прямо мне в глаза и не позволяя отводить взгляд, пока мои пальцы проскальзывают под кружевные трусики и прижимаются к теплой коже, раскрывая губы ее киски. Я ввожу в нее два пальца и круговыми движениями большого пальца дразняще ласкаю клитор. На ее лице вспыхивает выражение мучительного удовольствия. Ее умоляющие глаза в нескольких сантиметрах от моего пристального взгляда. Я трахаю ее и мысленно и физически.

— Джакс... — с трудом выдыхает она, но я накрываю ее рот своим, не останавливаясь ни на секунду.

Она ерзает и извивается под моими руками, пока мои пальцы глубже погружаются в ее приятную влажность, и откровенная похоть во мне не ослабевает.

Когда Лиззи становится еще более влажной, я начинаю толкаться пальцами глубже — да, у меня длинные пальцы. Как говорят, у меня пальцы пианиста, хотя я предпочитаю трахать пальцами, вместо того, чтобы барабанить ними по клавишам.

Ее тело выгибается, проталкивая мои пальцы еще глубже, и я снова прижимаюсь ртом к ее губам, но теперь нежно и мягко, словно это первый поцелуй. Она хочет жестче. Она сбита с толку от безжалостных и быстрых толчков моих пальцев в ее киску и в то же время нежного прикосновения моих губ. Эта безумная пытка заставляет ее потерять над собой контроль.

Она кончает и мурлычет, как котенок. Откуда-то из глубины ее порочного тела вырывается стон. Ее соки стекают по моим пальцам, я чувствую, как ее мышцы сокращаются в оргазме, а с губ срываются последние слабые стоны удовольствия. Я хватаю ее за подбородок и заставляю смотреть, как кладу два пальца, покрытые соками ее оргазма, себе в рот, и слизываю с них ее сладкий нектар.

Когда я отпускаю ее, она слегка соскальзывает вниз по поверхности зеркала, запустив руку в волосы, словно ей необходимо удержать свою голову от падения. Она смотрит на меня сквозь полуприкрытые веки, и прерывистые удовлетворенные вздохи слетают с ее припухших губ.

Глядя в зеркало, я поправляю свою одежду, и перед тем, как отодвинуть занавеску, чтобы уйти, говорю:

— Купи что-нибудь, что тебе понравится, и надень это сегодня вечером. Увидимся позже.

Глава 8

Лиззи

Прежде чем я встретила Джакса, самое сексуальное, что со мной происходило, это непристойный сон. Прежде чем я встретила Джакса, самое дикое, что я когда-либо делала, это однажды пошла в колледж без трусиков. Прежде чем я встретила Джакса, самое смелое, на что я была способна, это побрить свои лобковые волосы в форме сердца для Броуди (который, конечно же, даже не заметил).

Теперь я медленно надеваю нижнее белье, глядя в зеркало ванной, затаив дыхание в ожидании того момента, когда Джакс увидит его. Теперь мое тело постоянно покалывает, наполнено новыми ощущениями и готово совокупляться в любую секунду. Теперь я одеваюсь, чтобы выйти и встретить его. Вторая ночь подряд — личный рекорд. И я знаю, что будет намного больше рекордов в течение следующей недели.

Я всегда знала, что такие парни, как Джакс, существуют. Также я знаю, что и парни в париках существуют, но фактически никогда не встречала парня, как Джакс. Я знакома с ним всего несколько дней, а он уже поедал мою киску, трахнул меня в своем бассейне и довел пальцами до оргазма в примерочной магазина нижнего белья. И до сих пор у меня такое чувство, словно все только начинается. За эти последние несколько дней я узнала намного больше о том, на что способно мое тело, чем за годы сексуальной практики.

Броуди был предсказуем. Это заставило меня полюбить его, но по этой же причине все пришло к тому, что теперь я ненавижу его. Джакс же является полной его противоположностью. Я знаю, что никогда не буду чувствовать себя в безопасности с Джаксом. Никогда не смогу предугадать, как он собирается поступить в следующую минуту. Никогда не буду решительной с Джаксом. И вот почему он именно тот, в ком я нуждаюсь прямо сейчас.

После нескольких лет рутинного отбойного молотка Броуди в спальне, Джакс ощущается подобно открытию. Это походит на то чувство, когда ты обнаруживаешь, что Санта Клаус ненастоящий, что растет грудь, и то ощущение, когда учишься ездить на велосипеде — все вместе и сразу.

Буду честной — я немного боюсь. Не только потому, что всего за несколько дней прошла путь от невинности, как в диснеевских мультфильмах, до румянца на щеках из-за развратности происходящего. Не только потому, что вступаю в совершенно новый мир сексуального декаданса с Джаксом в роли мускулистого, утонченно одетого наставника. Не только потому, что Джакс парень, который, кажется, раздвигает границы все дальше каждый раз, когда я позволяю ему.

Я боюсь того, насколько мне это нравится.

Боюсь себя. Того, что происходит со мной. Как реагирует каждая частичка моего тела, каждый нейрон в моей голове, словно я ждала этого всю свою жизнь. Боюсь, что Джакс на самом деле не может ничему меня научить, вместо этого он просто раскрывает то, что я никогда не знала о себе, но уже хранила в глубине души.

Я надеваю красное платье — обычно мне требуется несколько напитков для того, чтобы решиться надеть его — а затем начинаю наносить макияж. И снова я удивлена отражением женщины в зеркале. Тем, как она стоит, как непринужденно элегантна, как поворачивает свое тело, чтобы преподнести свои изгибы на первый план. У этой женщины тело предназначено для секса. Если я когда-нибудь прежде и допускала эти мысли касательно себя, то, вероятно, была слишком пьяна, чтобы заметить.

Таксист, который отвозит меня к бару, так часто смотрит на меня в зеркало заднего вида, что я беспокоюсь о том, что мы разобьемся. Я подъезжаю к бару, когда уже наступает ночь, и уверенно выхожу из такси во тьму улицы, освещенную неонам, представляя себя какой-то гламурной кинозвездой. С количеством голов, которые поворачиваются в сторону моих голых ног и дерзкого декольте, это не так уж и сложно.

Даже если бы я находилась здесь не для того, чтобы встретиться с Джаксом, то все равно заметила бы его. Что-то в нем привлекает взгляд. Он стоит у бара в своей небрежно-доминирующей манере: одной рукой держит напиток, другая его рука в кармане. Три самые привлекательные женщины в баре стоят рядом с ним в различных позах фальшивой застенчивости.

Я замечаю, что почти все внимание клуба сконцентрировано на Джаксе. Парни наблюдают за ним с целью изучения того, как он удерживает пристальное внимание этих женщин, а женщины поглядывают, ожидая шанса отодвинуть претенденток и завладеть вниманием этого очаровательного, самого красивого парня в баре.

На какую-то долю секунды, мне захотелось развернуться и уйти. Мне не особо нравилась идея присоединиться к компании из трех девиц. Знаю я таких. Они из тех, кто «случайно» проливают какой-нибудь напиток на тебя, если хотят убрать со своего пути. Тот тип женщин, которые могут даже угрожать, когда обнаруживают, что ты заинтересована в парне, на которого они сами положили глаз.

Однако прежде чем я успеваю развернуться на своих десятисантиметровых каблуках, Джакс замечает меня. Понятия не имею, как он заметил меня, потому что эти сирены так мастерски окружили его, блокируя поле зрения. Если бы мне сказали, что у Джакса имеется своего рода рентген, радар, тепловое наведение или обостренное обоняние, когда дело доходит до женщин, я с легкостью поверила бы этому.

Он демонстрирует ямочки на щеках, применяет какие-то искусные отговорки и в конечном итоге высвобождается от тянущихся рук и воркующих просьб этих сирен, после чего направляется ко мне. Женщины провожают его глазами, а затем смотрят на меня смертоносными взглядами. Я задумываюсь о том, чтобы подмигнуть им, но в этом нет необходимости — битва уже выиграна.

— Привет, Лиззи, — говорит Джакс, наклоняясь ко мне. Он игнорирует мою щеку и вместо этого прижимает губы к чувствительной коже прямо за ухом. Я подавляю дрожь. Я уже видела его голым, но то, как костюм плотно облегает его тело, давая намек на мышцы как у греческого Бога, позволяет мне очень легко вообразить, как я разрываю его одежду на части, словно упаковочную бумагу на долгожданном подарке в честь дня рождения.

— И тебе привет, — говорю я, направляясь в сторону кабинки, на которую он указывает рукой.

Мы устраиваемся в кабинке, и жестом, который даже я едва могу заметить, Джакс умудряется позвать официанта к столику.

— Двойной солодовый виски для меня, без всего, — говорит он, затем указывает на меня, — и джин с тоником и лаймом, верно?

— Нет, — говорю я с хитрой ухмылкой, — пытаюсь поменять привычки. Я буду «Космополитен».

— Только посмотрите, кто-то полон сюрпризов сегодня, — дразнит он. — Ты прекрасная ученица. Не могу дождаться, чтобы увидеть, что ты приобрела в магазине.

Мы улыбаемся друг другу в течение нескольких секунд.

— Прости, что оторвала тебя от твоей маленькой компании, — говорю я, указывая на тех трех женщин, которые сейчас прилагают все усилия, чтобы притвориться, что не смотрят.

— Они пытались напоить меня в течение последних тридцати минут.

— Ну, я надеюсь, что это стоило того.

— Ты всегда стоишь этого, — говорит Джакс, и я смеюсь над тем, как легко он говорит комплименты, которые казались бы глупыми, если бы слетали с уст большинства парней.

Нам приносят напитки, и мы чокаемся бокалами, прежде чем выпить; наши взгляды по-прежнему сосредоточены друг на друге.

— Итак, почему ты пригласил меня сюда? — спрашиваю я, скрывая улыбку за бокалом.

Джакс качает головой и слегка пожимает плечами.

— Просто... поговорить.

— Поговорить? Это должно было быть на первом этапе.

— Общение всегда на первом месте. Ну... не всегда.

Я провожу рукой по волосам и делаю еще глоток, позволяя выпивке согреть меня и помочь моим мышцам расслабиться и устроиться на мягком кожаном сиденье.

Джакс щелкает пальцами.

— Ох, знаешь, я хотел спросить тебя кое о чем.

— Да?

— Тот мужчина. Твой парень... Гэри?

— Броуди. И не мой парень. Больше нет.

— Почему?

Я ставлю свой напиток на стол и оглядываю помещение, пытаюсь придумать ответ. В животе появляется ощущение тяжести, словно мой напиток с камнями, а в голове разрастается какое-то беспокойное чувство, будто я забыла вытащить белье из стиральной машины. Я действительно не задумывалась о своем разрыве — и Джакс очень хорошо отвлекал меня от этого. Хотя теперь, когда он упомянул об этом, огромное количество нехороших слов пытается вырваться наружу.

— Мы начали встречаться около восьми лет назад...

Джакс делает удивленное лицо, когда я говорю число, несомненно, потому, что его отношения длятся приблизительно восемь часов, а не восемь лет.

— ...да, я знаю, что это достаточно долгий срок. Мы были детьми. Он был милым, забавным, трудолюбивым. Он относился ко мне хорошо, у него был автомобиль. Я была застенчива, спокойна. Невинна. Когда мы начали встречаться, это было лучшее, что когда-либо происходило со мной. Это было романтично. Он притягивал меня. Это было как в кино. И все такое прочее и так далее, — я беру свой напиток и делаю неподобающий леди большой глоток.

— И? Что произошло? — спрашивает Джакс.

— Я думала, что кино о нас и что у меня главная роль. Оказывается, кино о нем, а я просто второстепенный персонаж.

Джакс барабанит пальцами по стакану и кладет вторую руку на спинку рядом стоящего стула.

— Они больше не пишут хорошие роли для женщин.

— Я не осведомлена по этому поводу, — говорю я, бросая на него взгляд, столь же развратный, как и мысли, которые он пробуждает во мне, — ты проделываешь хорошую работу, выставляя меня на первый план.

— Ты прекрасно прошла прослушивание, — говорит Джакс, лукаво улыбаясь.

Я смеюсь. Вот так он обычно завершает все свои речи, это похоже на прелюдию к самому эротичному поцелую, который когда-либо у вас был.

— В общем, его карьера пошла в гору, и я последовала за ним в ЛА около шести месяцев назад. С тех пор наши отношения стали похожи на треугольник, состоящий из меня, его и его работы. Хотя определенно не в таком порядке. Я устроилась на работу, и предполагаю, что это стало просто ожиданием неизбежного.

— Неизбежного?

— Дети, ипотека, пенсия...

Джакс поднимает руку.

— Остановись. Ты утомляешь меня. На самом деле, нет, ты угнетаешь меня.

— Ты думаешь это угнетающе? Тебе следует попробовать пожить так.

Мы смеемся над этим, и Джакс подает знак официанту принести нам еще выпивки. Я даже не заметила, как все выпила. Когда я нахожусь рядом с Джаком, у меня просто появляется желание поднести что-нибудь к своим губам. Улыбку, напиток, его...

— Я все еще не знаю, чем ты занимаешься, — говорит Джакс.

— Тебе не все равно?

— Не совсем, — говорит он и меняет позу, положив лодыжку на колено, позволяя мне увидеть насколько гибкое и спортивное его тело. Я улавливаю смысл его игры, но совсем не означает, что это не действует.

— Я работаю в PR-агентстве. И если начну вдаваться в подробности, то просто доведу нас обоих до состояния комы.

Глаза Джака слегка блестят. Он указывает подбородком на меня.

— Ты довольно забавна для девушки, которая так сексуальна.

— Ты довольно сексуален для парня, который так богат, — отвечаю я.

Почему-то мне так легко флиртовать в разговоре с Джаком. Мы как кремень и камень — когда соприкасаемся, между нами летят искры.

Подносят напитки, и я наклоняюсь к своему.

— Ты, правда, архитектор? Или это просто выдумка для соблазнения?

Джакс смеется так громко, что все в баре оглядываются на нас. Впервые я осознаю, какой у него властный голос.

— Когда мне было десять, родители взяли меня с собой в поездку по Европе. Я помню богатство еды. Помню музыку на разных языках. Больше всего я помню то, как красиво все выглядело. Великолепие замка Пьерфон, цвета Эль-Каприччо Гауди, Храм Святого Семейства. То, как замок Алник заставляет каждого почувствовать себя подобно королю, когда оказываешься на его территории. Как Сикстинская капелла заставляет тебя ощутить, словно ты находишься в присутствии Бога. Как Эйфелева башня дарит ощущение, словно ты паришь среди звезд. Мне не нужно было фотографировать, это все врезалось в мою память. Запахи, звуки, атмосфера.

Его глаза горят возбуждением, пока он рассказывает, как и в ту ночь, когда он говорил о своей работе. Архитектура значит так много для него, делает его таким заведенным, что эта страсть заразительна, и я наклоняюсь вперед, чтобы впитать все, что он говорит. Броуди никогда не говорил так о своей работе или о чем-либо другом. Но Джакс? Он всецело увлечен тем, чем занимается. Это абсолютная эйфория.

— Тогда я и решил стать архитектором, — продолжил Джакс. — Я начал с «Лего», затем последовала миллиметровая бумага, ну и закончилось все университетскими стипендиями и премиями. В детстве у нас не было много денег и у моей семьи не имелось связей. Но у меня был талант и решимость. Достаточно для того, чтобы преодолеть трудности. Достаточно для того, чтобы поднять меня и любого, кто разделит мое видение, туда, где я теперь нахожусь.

— И где ты теперь? — говорю я, впитывая каждое его слово.

— Я один из лучших архитекторов в мире, и это я только начал.

Я краснею, улыбаюсь и отвожу взгляд. Я вижу его внушающий страх взгляд. Чувствую глубину его убежденности. Это пугающе, страшно. Я чувствую, что буду сокрушена всем этим.

Я открываю рот, чтобы заговорить, но ничего не получается. Джакс смеется, и выражение его лица меняется на привычное для меня мягкое очарование.

— Ты удивлена, что я реально занимаюсь этим, верно? — говорит он, наслаждаясь тем, что у меня нет слов. — Ты думала, что я просто глупый парень, который цепляет цыпочек. Как ты там назвала меня... «блядун»?

Он снова смеется. Никакой обиды. Ни в каком проявлении вообще.

— Я просто полагала, раз ты так хорош в этом, то, должно быть, это является твоей основной работой.

Джакс улыбается, и я замечаю, как что-то загорается в глубине его глаз.

— Это никогда не станет моим основным родом деятельности, — говорит он, допивая напиток и делая небрежный жест, который доходит до бармена в ту же секунду. К моему удивлению, в этот раз он заказывает нам содовую с лаймом.

— Теперь безалкогольные напитки? — дразню я. — Думала, что ты профессионал.

— Ох, так и есть, — он наклоняется вперед и смотрит на меня жаждущим взглядом, — но я намерен удовлетворять тебя всю ночь напролет, и не хотел бы, чтобы ты пропустила ни одной секунды из этого.

Я скрещиваю ноги под столом и отвожу взгляд от совершенно очевидной похоти в его пристальном взгляде.

Мы разговариваем в течение нескольких часов. Флиртуем и исследуем друг друга, как синхронно двигающиеся танцоры. Джакс говорит так, будто трахает меня, каждый звук срысывается с его губ в четком ритме. Он знает, как рассмешить, знает, как вогнать в краску и как порадовать меня. Он опьяняет сильнее, чем напитки, которые мы уже выпили, и я позволяю ему снова увести меня в свой мир, где секс и власть, подобно ангелам и демонам.

Джакс смотрит на свои часы непосредственно перед полуночью, жестом просит счет и говорит:

— Пойдем, я отвезу тебя домой.

Отвезет меня домой? Джакс довел меня до такого предела, что я испытаю оргазм, если выпрямлю ноги. Два напитка назад я была близка к тому, чтобы ухватиться за его прекрасно выбранный костюм, прижать его к полу и присесть на его восхитительное лицо. И он хочет *отвезти меня домой* сейчас?

Впервые в своей жизни я испытываю сочувствие к миллионам парней, которых отшили по всему миру сегодня вечером, и мне жаль, что я не выпила еще «Космо», чтобы побороть свое испорченное настроение. Что происходило весь вечер? Это наверняка не свершится в моей небольшой квартире со всеми любопытными соседями и тонкими, как бумага, стенами, и он знает это. Тогда, к чему бы это?

Я ожидаю его действий прямо на улице. Ожидаю, что он бросит меня на капот своего черного «Феррари Тестаросса» и начнет вдальблываться в меня со всей мощностью своих мускулистых бедер. Вместо этого он как джентльмен открывает пассажирскую дверь и улыбается, пока я сажусь. Спустя мгновение он садится за руль рядом со мной, и все, что я могу делать, это держать свои руки при себе, пока сексуальное напряжение исходит от его крепкого мускулистого тела, находящегося всего в нескольких сантиметрах от меня.

Мы едем по улицам ЛА, и я ожидаю, что он расстегнет мой ремень, потянет к себе и позволит оседлать его, подобно величайшей наезднице родео по эту сторону Техаса. Вместо этого он не спускает глаз с дороги, а его рука покоится на моем бедре, периодически перемещаясь на коробку передач и посылая жар по всему моему телу.

Если это уловка, чтобы заставить меня извиваться в предвкушении, то она работает. Я в таком отчаянии, что тру друг об друга бедра, как потирают палочки, когда пытаются разжечь огонь. Я знаю, он не пьян, потому что заменил наши напитки на содовую с лаймом после первых двух раундов. Жар внутри меня настолько отвлекает, что я едва замечаю, как он сворачивает на шоссе Малхолланд. *(Примеч. шоссе Малхолланд — одна из самых знаменитых дорог Лос-Анджелеса, тянется почти на 80 км с севера Голливуда до побережья Малибу. Петля по горам Санта-Моника, она дарит проезжающим по ней потрясающие виды на город, долину Сан-Фернандо и самые дорогие дома в Лос-Анджелесе).* Я все еще подозрительно смотрю на него, пока он ведет свой полированный, с кожаным салоном автомобиль в уединенное место, не обращая внимания на вид мерцающих огней ЛА на горизонте.

— Где мы? — осторожно спрашиваю я.

Джакс заглушает двигатель и намеренно медленно перемещает правую руку на подголовник моего сиденья. Он смотрит таким взглядом, который заставляет меня почувствовать, словно я погружаюсь в бездну. Когда он начинает говорить, его слова неторопливые и решительные. Как мощные барабаны, гипнотизирующие меня в своем похотливом ритме.

— Я был тверд для тебя с того момента, как посмотрел на твою задницу в той примерочной. Думаю, ты готова обучаться. Ты хочешь знать, как трахаться? Тебе следует знать, как делать минет.

Я смотрю в его глаза, а затем протягиваю руку к его ширинке. Он хватается мою руку и убирает ее обратно.

— Нет. Сейчас это ублажение меня, а ты должна сделать это, чтобы ублажить себя. Скажи мне, чего ты хочешь.

Я понимаю, что во рту пересохло, и сглатываю.

— Я хочу твой член.

Джакс кивает, затем приподнимает бровь, словно ожидая большего.

— Я хочу твой большой... красивый... член. Хочу попробовать тебя. Хочу почувствовать, насколько ты тверд.

Джакс регулирует свое сиденье, пока не устанавливает его в почти горизонтальном положении, и я понимаю намек, словно мы заранее спланировали это. Я отстегиваю ремень безопасности, наклоняюсь, расстегиваю его ширинку и просто делаю то, что сказала раньше. Но когда выпускаю его твердый как камень член из нижнего белья, то он действительно большой и красивый и я, в самом деле, хочу попробовать его. Я действую медленно, потихоньку стягивая его боксеры вниз, тем самым раскрывая невероятно красивую линию мышц его бедер.

— Очень медленно, — говорит Джакс, его голос одновременно и мягкий и решительный, — облизни меня от яйца к головке.

Я не колеблюсь, ведь так же возбуждена, как и он. Я прикасаюсь языком к его коже и чувствую жар его плоти.

— Смотри мне прямо в глаза, пока делаешь это.

Я поднимаю свой взгляд и встречаюсь с его взглядом. Его пронизывающим, жестким, сосредоточенным взглядом. Мне следует обучаться прямо сейчас, но так сложно думать, когда делаешь минет самому сексуальному мужчине, которого когда-либо встречала.

— Хорошо, — говорит Джакс, когда я провожу языком по его члену еще раз с другой стороны, — теперь используй губы. Поцелуй мои яйца, затем всю длину члена, и делай это медленно.

Я делаю именно так, как он велит.

Когда мой поцелуй достигает верхней части его члена, я беру на себя инициативу и нежно обхватываю губами его головку, дегустируя выступивший предэякулят. Голова Джакса откидывается назад на подголовник, и когда он вновь смотрит на меня, я улыбаюсь, пока нежно сосу головку его члена.

— Правильно, — говорит он. — Вот так действительно чертовски правильно.

Я начинаю двигать головой, проводя языком по его изгибам.

— Пососи его нежно губами вплотную с языком. Да. Хорошо. Теперь возьми меня в рот. Заставь почувствовать, насколько там горячо и влажно. Почувствуй, как близко я нахожусь. Соси быстрее. Жестче. Еще.

Я чувствую, как рука Джакса зарывается в мои волосы, направляя мои движения.

— Контролируй. Вот так. Не замедляйся.

Я, может быть, и делаю минет, но я контролирую ситуацию. Имея Джакса у себя во рту, я чувствую каждую волну удовольствия, каждый маленький трепет, которые приближают его к кульминации. Мы снова встречаемся с ним взглядами, но в этот раз мой

взгляд жесткий и властный, а его неконтролируемый, с широко открытыми глазами. Я мило улыбаюсь, вбирая его член как можно глубже, восхитительно посасывая, затем высовываю его изо рта и подставляю свое лицо. Одной рукой ласкаю его яйца, а другой подвожу его к краю. Я вижу, как его рот открывается, он издает бессильный стон, кончая мне на щеку, и я чувствую, как его сперма стекает по моей шее.

Я наслаждаюсь его вкусом на своих губах. Это должно ощущаться грязно, отвратительно, унижительно, но почему-то я чувствую себя потрясаяще.

Как только я возвращаюсь обратно на свое место и привожу себя в порядок при помощи салфетки, Джакс неторопливо регулирует свое водительское сиденье, постепенно восстанавливая дыхание.

Он, наконец, поворачивается ко мне с выражением недоверчивой гордости на лице.

— Ты уверена, что была только с одним парнем?

Я поворачиваю зеркало заднего вида так, чтобы у меня появилась возможность поправить помаду на губах.

— Я способная ученица, — отвечаю я, — и мне понравилось делать это.

И это правда. Вся эта власть, весь этот контроль и просто осознание того, что я могу сделать такое мужчине — к этому можно привыкнуть. И самое приятное, что это только начало.

Глава 9

Джакс

Это станет шедевром.

Каждое из моих зданий является таковым, но супербогатый продюсер, уже владеющий несколькими особняками, заказал этот особенный и дал мне полную свободу действий, чтобы я делал все, что захочу. И то, что я хочу сотворить, станет самым лучшим чертовым зданием, которое когда-либо видело Западное побережье. Особняк настолько красивый, что ты будешь чувствовать себя более счастливым, просто находясь внутри. Насколько захватывающий дух, что ты захочешь стать лучше, если собираешься жить в нем. Насколько изящный и элегантный, что его можно использовать для сеансов психотерапии, просто устраивая по нему экскурсии. Особняк, который появился у меня в планах недавно и имел тайное кодовое название «Лиззи».

Как нельзя лучше все прекрасно стало на свои места. Я делаю обход, обмениваясь пошлыми шуточками со строительными бригадами и сглаживая детали с декораторами.

На заднем дворе у бассейна я замечаю Люси, она вбивает заметки в свой планшет.

— Привет, — говорю я, приближаясь к ней.

— Привет и тебе, — говорит она, дописывает еще несколько слов, а затем смотрит на меня.

— «Привет и тебе»? Что это было только что?

Люси пожимает плечами.

— Ты знала, что жена Сантоса на шестом месяце беременности? Нам понадобится...

Она перебивает меня.

— Другой бригадир, чтобы ознакомиться с работой и досконально все изучить, прежде чем предыдущий исчезнет? Да. Уже в курсе, Джакс, — Люси дарит мне самодовольную улыбку. Я возвращаю ей в ответ свою искреннюю улыбку. Я не был так взволнован проектом уже долгое время.

— Это моя девочка.

— Ха! Иногда мне кажется, что я единственная, кто *не* является твоей девочкой.

— Еще не все потеряно, — бросаю в ответ. Я демонстрирую ей это сексуальное, как черт, подергивание бровями, которое следует официально зарегистрировать в качестве своего фирменного знака. Но она только смеется при виде этого.

— Ты выглядишь уставшим, Джакс. Все еще переживаешь по поводу того отказа?

— Какого отказа? — спрашиваю я с преувеличенным удивлением.

— Ты точно знаешь, кого я имею в виду!

— Ох, девушка, которая была в моем бассейне пару ночей назад? И в моей машине вчера вечером? Можно сказать, что я спокоен.

Люси стонет, затем указывает на переднюю часть особняка, куда хочет, чтобы мы пошли.

— Жду подробностей.

— Хочешь подробностей, ладно. Она... — я понижаю свой голос, поскольку мы проходим по коридору, заполненному строителями, — она хочет, чтобы я научил ее, как пользоваться своим телом.

Мы выходим в просторный холл, где у Люси появляется достаточно места, чтобы встать передо мной так, что я замечаю ее приводящее в ступор пораженное выражение лица.

— Ты *шутить*?

Я пожимаю плечами.

— Я не лгу. Мне ни к чему это.

— Это плохая сделка, Джакс.

— Для нее? Вероятно.

— Это укусит тебя за задницу. По полной.

Я улыбаюсь.

— Мы еще не добрались до урока, в котором кусают задницу. Но спасибо за предложение.

— Ты придурок. Сколько раз вы были вместе?

— Три, возможно, четыре раза.

— За последние *три дня*?

Я пожимаю плечами. Технически сегодня лишь второй официальный день нашей однедельной сделки, но я не упоминаю об этом Люси. Хочу сохранить свои яйца, если такое возможно.

Люси качает головой, а затем оборачивается, как будто проверяя, нет ли свидетелей, после чего поворачивается снова ко мне.

— Во-первых, по твоим стандартам это уже длительные отношения. Во-вторых, она *влюбится* в тебя, ты мудака, — так много для сохранения моих яиц.

— Да брось...

— Сколько раз у нас уже был такой разговор? Такой, когда ты встречаешь девушку, делаешь... — она указывает на мое тело, — неважно, что ты там делаешь, а потом не можешь отвязаться от нее?

— Но...

— Помнишь девушку, которая продолжала печь маффины и приносить их на стройплощадку?

— Это были вкусные маффины.

Люси закатывает глаза.

— А помнишь ту, которая наняла частного детектива?

— Да, но это...

— А что насчет девушки, которая нацарапала свое имя на моей машине, потому что подумала, что я твоя жена?

Я смеюсь.

— Это было забавно. Продолжай.

— И они были лишь романами на одну ночь. А с этой девушкой ты *встречаешься*.

— Я не «встречаюсь» с ней. Лиззи не нужно это. Она клевая.

Но Люси просто складывает руки на груди и снова качает головой.

— Это научно доказано, Джакс. Женщины влюбляются в мужчин, которые заставляют их кончать. Это просто факт.

Я стою, наслаждаясь тем, какое суровое выражение появляется на лице Люси, когда она в настроении почитать нотации. Ей бы стоило стать учительницей.

— То, что происходит между мной и Лиззи предельно ясно, заранее обговорено и все честно. Это просто секс.

Люси делает несколько шагов назад и смотрит на меня так, словно у меня на лбу нацарапана самая сложная в мире головоломка.

— Вау, — говорит она, качая головой, — как может мужчина *так хорошо* доставлять женщинам удовольствие в постели, но *так плохо* их понимать.

Крики с подъездной дорожки прерывают нас, поскольку привезли материалы.

— Я пойду, — говорит Люси, — ты просто... постой в сторонке или что-то вроде того. И подумай о том, что ты сделал.

Я киваю, «благодаря» за нотации, и наблюдаю, как она идет к грузовику с доставкой. Сто семьдесят сантиметров, девушка-ураган. Мне, в самом деле, нужно свести Люси с кем-нибудь.

Я выхожу из холла, направляясь на улицу, и достаю свой телефон. Лишь разговор о Лиззи уже возбуждает меня. Обычно, когда вы слышите чье-либо имя, то вспоминаете лицо, но когда я слышу имя Лиззи, то думаю обо всем ее теле. Я помню, как она справлялась с моим членом в машине, и задаюсь вопросом, должен ли я нарушить свое правило по поводу выполнения одного и того же действия дважды — это было так хорошо.

Твоя помада все еще на моем члене, печатаю я, а затем отправляю это сообщение ей. Я ухмыляюсь, когда отправляю его, представляя ее лицо. Надеюсь, она сочтет это комплиментом, сокровенным желанием, тем, что говорит «мне действительно не должно нравиться это так сильно, как есть на самом деле».

Я все еще улыбаюсь, когда поднимаю взгляд и вижу две фигуры перед собой. Владельцы. Мистер и миссис Дентон. Он приятный парень с хорошим вкусом — а чего вы ожидали бы от кого-то, кто нанял меня. Он любит прекрасные вещи, возможно, немного слишком сильно, если учесть его небольшой живот под шелковой рубашкой. Что касается ее... ну, я понятия не имею, откуда она родом, но если бы вы сказали мне, что она является эротической фантазией из разряда женщин постарше для тринадцатилетнего мальчишки, то это было бы вполне логично. Она состоит приблизительно из тридцати процентов сисек, тридцати процентов светлых волос и тридцати процентов Ботокса. К счастью, ее муж зарабатывает достаточно денег, чтобы она смогла поддерживать свою внешность прекрасной, так что ее лицо, словно вырезанное из воска, и больше похоже на кошачье, с застывшим на нем выражением презрительного превосходства.

— Джакс? — говорит мистер Дентон, протягивая руку, которую я почти не замечаю, так как увлечен необыкновенным декольте его жены. Такое ощущение, словно это декольте заслуживает собственного представления.

— Мистер Дентон, приятно видеть вас.

— Пожалуйста, зови меня Майклом. Ты не знаком с моей женой, не так ли? Это Жаклин.

— Приятно познакомиться, — говорю я. Она протягивает руку для поцелуя, и я целую ее, хотя точно уверен, что мы в ЛА, а не в семнадцатом веке во Франции.

— И мне приятно познакомиться, — говорит она таким похотливым мурлыканьем, каким обычно разговаривают женщины в возрасте. Женщины в возрасте, которые употребили огромное количество коктейлей и мужчин. Женщины, которые достигли сексуального пика в свои тридцать, но никогда по-настоящему не достигали его.

— Это выглядит замечательно! — восклицает Майкл, указывая рукой вокруг себя.

— Это будет замечательно. Все идет согласно графику.

— Мне следует еще раз поблагодарить тебя. Я слышал, что ты хорош, но это намного лучше, чем я ожидал. Правда, он прелесть? — спрашивает Майкл, глядя на жену.

Ее взгляд направлен на меня, и она улыбается, словно воображает что-то восхитительное.

— Намного лучше, чем ожидалось. Совершенно точно.

Майкл собирается еще что-то сказать, но звонит его телефон.

— Извини, я должен ответить.

— Конечно, — говорю я, позволяя Майклу уйти в уединенное место, оставив меня в присутствии женщины с этими привлекающими внимание сиськами.

Улыбка Жаклин становится примерно в несколько раз более похотливой, и она медленно оглядывает меня с головы до ног. Что касается меня? Я просто пытаюсь держать свой взгляд на чем угодно, только не на ее груди, хотя на самом деле это очень тяжело, потому что она занимает большую часть моего обзора.

— Мой муж всегда такой занятой, — медленно говорит она мягким тоном.

— Мужчины столь же успешные как он, обычно такими и являются, — отвечаю я. Она кладет руку на мое плечо и придвигается ко мне ближе на этих огромных каблуках, ее лицо в паре сантиметров от моего.

— Ты успешен. Ты всегда так занят?

— Да, — говорю я, — но я и рядом не стою с тем, насколько успешен твой муж.

— Ох, — вздыхает Жаклин почти мне на ухо, — я уверена, существует много всего, что ты сможешь сделать лучше, чем мой муж.

Мой телефон издает звук сообщения, так вовремя, что мне любопытно, послал ли его Майлс Дэвис (*Примеч. Майлс Дэвис — американский джазовый трубач и бэнд-лидер, оказавший значительнейшее влияние на развитие музыки XX века*).

— Я на самом деле тоже должен ответить. Было очень приятно познакомиться с тобой. Я пришлю свою помощницу, Люси, чтобы она все здесь тебе показала, — говорю я, нетерпеливо отодвигаясь от гигантской груди, которую она прижимает ко мне.

Жестом прощаюсь со всеми, оставляю короткое сообщение, чтобы его передали Люси, а затем направляюсь к своему автомобилю, где проверяю сообщение.

Я все еще чувствую твой вкус у себя во рту. И ее фото, демонстрирующее тело от носа до пупка в прозрачном кружевном лифчике, с одной рукой, сжимающей грудь, и языком, облизывающим верхнюю губу.

Чееерт. Женская сексуальность обычно исчезает после первого раза, но Лиззи все еще заставляет меня чувствовать себя так, словно я нахожусь только на поверхности.

В течение нескольких секунд предупреждение Люси всплывает в моем мозгу, отдаваясь эхом, как баскетбольный мяч на закрытой площадке. Предвижу ли я какие-либо плохие вести? Я, как предполагается, учу Лиззи, как быть сексуальной, как трахаться столь же хорошо, как и я, но прямо сейчас она посылает развратные фото мне на телефон, словно это самое естественное для нее действие в мире.

Второе сообщение прерывает мои мысли.

Есть еще что-нибудь, чему мне нужно научиться? И чуть ниже еще одно фото. В этот раз она лежит на животе, скрестив лодыжки в воздухе, а ракурс камеры простирается вдоль ее обнаженной спины, демонстрируя сладкие изгибы покрытой кружевом трусиков задницы. Лица все еще нет на фото, но я вижу несколько локонов ее волнистых волос и крошечные мышцы на шее, которые заставляют меня захотеть превратиться в вампира.

Безусловно, пришло на ум еще кое-что, набираю ответное сообщение, прежде чем голос Люси вновь возвратится и испортит весь мой настрой.

Чтобы ответить, Лиззи требуется немного больше времени, чем обычно, и когда я получаю сообщение, то вижу почему. В этот раз на фото она сидит боком, подтянув колени к груди. *Готова ко всему, что ты приготовил для меня* — это все, что говорится в сообщении.

Сегодня вечером. У меня, отправляю ей ответ.

Ее ответ приходит быстро. Просто фото ее губ, намазанных блеском и вытянутых, как будто она посылает воздушный поцелуй. Это пока что самое сексуальное фото. Я поворачиваю ключ в зажигании, разгоняю автомобиль и вклиниваюсь в движение на дороге так же резко и безжалостно, как хотел бы вдалбливать себя в Лиззи.

Глава 10

Лиззи

Этим утром Броуди снова находился в лифте. С этим парнем я провела — нет, потратила впустую — восемь лет своей жизни. С парнем, чью каждую дурную привычку, каждый лицевой тик и каждый бзик я видела и слышала тысячу раз. С парнем, который сделал свои мечты моими мечтами, свою жизнь моей жизнью. С парнем, который всего несколько дней назад был для меня всем.

В этот раз, однако, я не забилась в угол лифта. Не съежилась и не сгорбилась, когда он разговаривал со своими друзьями. Не проталкивалась неловко через толпу, спеша убежать от него. В этот раз я чувствовала себя всецело выше всего этого.

Если у меня когда-нибудь будет подруга, которой нужно будет срочно забыть о парне, у меня есть номер телефона Джакса.

Возможно, это звучит плохо, но в некотором смысле я ненавижу Броуди. Не за то, что он так эгоистично потянул меня за собой через полстраны, не за те многие обеды и ужины, проведенные в одиночестве, не за все то внимание, которое он никогда не уделял мне. Не за поздние ночи, которые я проводила одна в новом городе, где мне некому было позвонить.

Нет. Я ненавижу Броуди, потому что он никогда по-настоящему *не трахал* меня. Несомненно, он заставлял меня испытывать чувство заботы, безопасности и, возможно, даже иногда чувство уважения, но он никогда не заставлял меня почувствовать себя *женщиной*.

Поэтому, когда звонит моя мама — сразу после того, как я надела приподнимающий грудь корсет и подвязки — я не знаю, что сказать ей.

— Многие девушки убили бы, чтобы у них был такой мужчина, как Броуди, — говорит она тем же самым тоном, которым раньше говорила о «детях, голодающих в Африке», когда я не съедала свою зелень.

— Ну, тогда тебе не стоит волноваться о нем, мама. Он отлично проживет и без меня, — говорю я, пытаюсь надеть узкую юбку-карандаш одной рукой.

— У него хорошая работа, он движется вверх по карьерной лестнице. У него такие прекрасные зубы, и можно быть уверенной, что у него будут хорошие волосы в сорок лет.

— Я знаю, мама. Ты говоришь так каждый раз, когда видишь его.

— И он никогда не изменял тебе, — говорит она. Я включаю в телефоне громкую связь, чтобы выбрать кофточку, глядя на себя в зеркало. — Или изменял? Поскольку иногда мужчины в его возрасте...

— Нет, он не изменял мне, — говорю я, выбрав свободную желтую кофточку с широким вырезом, который открывает плечи.

— Тогда ты изменила ему? Я знала, что так произойдет, Лиззи. Ты всегда поглядывала на мужчин.

— Я не изменяла ему, мама. Все совсем не так, — говорю я, при этом обдумывая, какую вещь Джаксу будет проще сорвать с моего тела.

— Тогда *в чем причина?*

— Мы расстались по обоюдному согласию.

— Ничего подобного не может происходить по обоюдному согласию!

— Ну, так и было, — говорю я, пытаюсь вложить хоть какую-нибудь решительность в свой тон, но звучу больше как плаксивый подросток. — Послушай, мама, я знаю, ты

беспокоишься за меня, и знаю, что тебе нравился Броуди, но обещаю, все будет хорошо. Поговорим завтра.

— Куда ты собралась? Встретиться с кем-то другим? Уже?!

— Да, у меня свидание.

— О, Боже. Я знала, что ЛА пробудит худшие качества в тебе. Мужчины не станут покупать корову, если молоко будет бесплатным, ты же знаешь.

Если бы ты только знала.

— Мне пора, мама, не хочу заставлять ждать. Позвоню тебе завтра. Не волнуйся. Пока!

Требуется много громкой музыки в машине, чтобы изгнать голос мамы из моей головы, но на полпути к дому Джакса я уже начинаю ощущать знакомое покалывание, которое появляется перед встречей с ним.

Возможно, я слишком трезвая, но мои нервы звенят, как рождественские сани. Всего за несколько коротких дней он заставил меня чувствовать себя подобно богине, шлюхе, школьнице и королеве — часто все одновременно. Встретиться в баре было легко — я привыкла к барам, и это нейтральная территория — но теперь я направляюсь в его дом, и существует лишь один путь, которым все может закончиться. Дрожь пробегает по моей спине, когда я просто думаю об этом.

Я поворачиваю автомобиль к его дому и паркуюсь, затем мне требуется несколько секунд, чтобы сделать глубокий вдох.

— Давай же, Лиззи, — шепчу себе, — не отступай теперь. Ты слишком глубоко забралась в кроличью нору.

Я смотрю в сторону большой двери восхитительного дома Джакса и вижу, как он беспечно облокотился на дверной проем. Его руки в карманах, на лице красуется понимающая ухмылка. Когда я просто вижу его, меня наполняет уверенность. Волна тепла проходит через меня, порождая бабочек в животе и покалывания на коже.

Я открываю дверцу, выхожу из машины, захлопываю ее и направляюсь к нему провокационной походкой, которую развила у себя за последние сорок восемь часов.

— Ладно, Джакс, — бубню себе под нос, — посмотрим, что ты приготовил для меня на сегодня.

— Ты опоздала, — говорит Джакс, как только я подхожу к нему.

— Так накажи меня, — подмигиваю я и прохожу мимо него в прихожую.

Хотя у меня уже и была экскурсия по дому Джакса, я все еще чувствую, что зашла в фантастический дом, который может существовать только у кого-то с фантазией и вкусом как... ну, как у Джакса. Он берет мою куртку и следует за мной. Я знаю, что он пялится на мою задницу, но мне плевать. Мое внимание привлекает расположенная со всех сторон красивая мебель и предметы искусства, на которые я могу смотреть на протяжении многих часов.

Когда я нахожусь в присутствии такого огромного количества удивительных вещей, это заставляет меня чувствовать себя подобно маленькой девочке, и я понимаю, что меняю образы от сексуальной стервы до невинной школьницы так часто, что, вероятно, разовью себе расстройство личности к тому времени, когда Джакс закончит проводить со мной время.

Хотя, пока я продолжаю обучаться тому, как трахаться, меня все устраивает.

— Устраивайся поудобнее, я принесу тебе что-нибудь выпить, — говорит он, когда мы подходим к роскошному угловому дивану, расположенному возле огромных окон от пола до потолка, которые открывают вид на бассейн и океан.

Я поправляю юбку и сажусь, все еще любуюсь потрясающей обстановкой дома. Я верчу головой так сильно, что, вероятно, похожа на одного из тех злодеев из эпизода «Звездный путь» шестидесятых годов, когда они посетили новую планету.

Пока я жду возвращения Джакса, продолжаю подбадривать себя. Джакс может быть непредсказуемым, когда дело доходит до секса, но единственное в чем я уверена, это что

могу рассчитывать на то, что он всегда будет спокоен, вежлив и почтителен. Я горжусь тем, что до сих пор не сделала ничего слишком смущающего или не сказала что-то слишком глупое рядом с ним, но я постоянно борюсь сама с собой. Покусываю губы, когда хочу что-то сказать — не уверена, как это прозвучит — и теперь мне необходима хорошая гигиеническая помада.

Звучание старой музыки неожиданно пронизывает до глубины души, и когда Джакс возвращается, я решаю спросить:

— Это пластинка?

— Да, — отвечает он, замерев на середине шага, и всего на долю секунды я замечаю, что его безжалостная уверенность дрогнула. Но затем все возвращается обратно, и он одаривает меня еле заметной улыбкой.

— Если ты ожидала, что будет играть группа музыкантов, то предполагаю, ты выбрала не тот дом.

Я хихикаю, и это неловкий звук. Тьфу, ненавижу звук своего голоса.

— Нет. Я имею в виду, виниловая пластинка... как в настоящем проигрывателе.

Джакс слегка кивает, пока передает напиток мне, после чего садится рядом со мной. Он близко. Достаточно близко, чтобы почувствовать его запах. Он был и ближе, конечно же, но не тогда, когда мы просто разговаривали.

— Вот это по-настоящему круто, — говорю я, смутившись.

Я делаю глоток своего напитка, а затем еще один, надеясь, что алкоголь превратит меня в сексуальную стерву, которой я была в баре. Я чувствую себя, как Халк, который пытается стать злобным монстром, но в окружении пушистых котят и воздушных шаров ничего не получается.

Я смело бросаю взгляд на Джакса, но быстро отворачиваюсь. Черт побери, Лиззи. Не отступай. Ты сосала его член, посылала ему сексуальные фотографии, трахалась с ним на вечеринке — почему ты не можешь сидеть в пяти сантиметрах от него и не чувствовать себя так, словно находишься на выпускном вечере со школьным квотербеком?

Джакс наклоняется, чтобы посмотреть мне прямо в глаза, и я вновь смотрю на него, хотя прячусь за по-настоящему долгим глотком своего напитка.

— Ты нервничаешь, Лиззи?

Я фыркаю и надеюсь, что это похоже на возражение, но вместо этого звучит, словно я сплюнула.

— Почему я должна нервничать? После...

— После того как я поедал твою киску?

Я все же давлюсь своим напитком, прикрываю рот и откашливаюсь, пока не восстанавливаю дыхание. Джакс тихо смеется, забирает стакан из моей руки и ставит его на стол.

— Правило номер, без разницы какое, никогда не уклоняйся от непристойного разговора. Я думал, ты усвоила это. Возможно, нам следует поработать над этим еще немного? Ты явно очень нервничаешь.

— Я не нервничаю. Просто...

— Так и есть.

— Почему я должна нервничать? Мы выпивали и раньше. Мы занимались... таким раньше, — даже для моих ушей данное отрицание звучит слабенько.

— Каждая ситуация уникальна, — говорит он, пожимая плечами, — полагаю, что ты сегодня немного на взводе.

Я фыркаю снова, в этот раз мягче, но все равно звучит ужасно.

— Нет. Я знаю, для чего нахожусь здесь.

Он приподнимает бровь, и распутно-сексуальное выражение на его лице поражает меня, как укол адреналина в вену.

— Серьезно? — спрашивает он, дразня. — Ты знаешь, что произойдет?

— Ну, да.

— Ты уверена в этом?

— Да, — говорю я, бросая на него растерянный взгляд. Он заставляет меня думать, что не следует быть такой уверенной.

— Знаешь, у меня есть для тебя подарок, — говорит Джакс, протянув руку за диван и вытащив коробку, обернутую в черную упаковочную бумагу и тщательно завязанную розовой лентой.

Он протягивает ее мне, и я смотрю на нее с глупой широкой улыбкой на лице. Знаю, это глупо, но кто не любит подарки?

— Ладно, — говорю я, кивая, — возможно, я не ожидала подарка.

— Открой его.

Медленно, я кладу коробку на журнальный столик перед собой, затем развязываю бант и снимаю верхнюю крышку. Я не знаю, чего ожидаю. Действительно, не знаю.

Но чего уж точно я не ожидала, так это длинный, изящный, дорого выглядящий...

— Вибратор? — восклицаю я, больше для себя, чем для Джакса.

— Заряжен и готов к применению, — говорит он, и я слышу властность в его голосе.

Я пытаюсь сказать хоть что-то, но когда смотрю на Джакса, все, что могу сделать, это скорчить лицо в полнейшем замешательстве. Его член уже идеален, и именно его я хотела сегодня вечером. Так, для чего мне это?

Как будто читая мои мысли, Джакс отодвигается на другую сторону дивана так, чтобы наблюдать за мной с противоположной стороны журнального столика. Он кладет руки на спинку дивана и скрещивает ноги.

— Легко быть сексуальной в баре, — говорит он медленно, понизив голос так, что приходится вслушиваться в его слова, — легко быть сексуальной, когда ты рядом с кем-то, кто нравится тебе. Но ты должна быть сексуальной и для себя. Тебе необходимо завести себя. Если хочешь трахнуть кого-то по-настоящему хорошо, ты должна знать, как трахнуть себя.

Я беру вибратор и щелкаю переключателем, на котором находится мой большой палец. Это приводит его в движение, и на низкой скорости он вибрирует в моей руке. Я быстро выключаю его.

— Ну, спасибо, — говорю я, наклоняясь, чтобы положить его обратно в коробку.

— Не убирай его, — говорит Джакс таким тоном, который заставляет меня оставить вибратор в руке.

— Что ты хочешь, чтобы я сделала? — спрашиваю я, но это скорее похоже на просьбу, чем на реальный вопрос.

Джакс наклоняет голову набок и говорит.

— Я хочу, чтобы ты сняла свою одежду и использовала его. Прямо здесь. Передо мной.

Я хихикаю, но мой смех прерывается от осознания того, что он сказал. Я ласкала себя раньше — иногда во времена длинных командировок Броуди — и, конечно, использовала вибратор пару раз. Но *это* находится совсем на другом уровне.

— И ты собираешься просто сидеть там и смотреть? — спрашиваю я, надеясь на отрицательный ответ.

— Раздевайся, — говорит Джакс, не обращая внимания на мой вопрос.

Я смотрю на вибратор в руке и тяжело дышу.

— Мне нужен еще напиток, или два, или семь.

Джакс качает головой. Он не позволит мне так просто сдать.

Я с трудом сглатываю, кладу вибратор на диван рядом с собой и встаю. Глаза Джакса сосредоточены на мне, когда я снимаю свою одежду перед ним. Он изучает каждый мой жест, как детали на своих картинах.

С каждым снятым предметом одежды открывается все больше моей обнаженной кожи, и я чувствую все сильнее и сильнее, что нахожусь под контролем его пронизывающего взгляда. Он смотрит на мое тело так, словно я последняя женщина на

земле, и я чувствую, что его воображение разыгралось от каждого движения, каждого жеста.

Я не снимаю новый корсет до последнего. Медленно ослабляю шнуровку, пока он не становится достаточно свободным, чтобы оттопыриться и продемонстрировать соски, которые уже напряжены. Грудь вздымается в такт моему учащенному дыханию.

Когда корсет падает на пол, я стою, чувствуя себя как невероятно неловко, так и невероятно потерянно. Если бы взгляд Джакса был чуть менее решительным, чуть менее интенсивным, я пожалала бы плечами и надела бы обратно всю свою одежду. Но он лишь слегка кивает, и я подхожу к дивану, сажусь и прислоняюсь к подушкам. Одну ногу поднимаю и ставлю на диван, другая нога остается на полу. Теперь моя киска прямо перед Джаком.

— Ты знаешь, что делать, — говорит он, — давай посмотрим, как тебе нравится мой небольшой подарок.

Я беру вибратор в руку, пытаюсь утихомирить свое дыхание, и включаю его. Это приятно, но все в моем теле кричит бежать к двери. Такое чувство, словно я сдаю экзамен — если и существует единственное, что не возбуждает, так это экзамены.

— Я не могу, — бормочу я, умоляя внушительную фигуру на другом конце дивана.

— Можешь, будешь, и тебе понравится это, — говорит Джакс, и по иронии судьбы твердая уверенность в его голосе заставляет меня почувствовать искру там, куда вибратор не способен добраться. — Закрой глаза. Настройся на свое тело. Почувствуй каждое прикосновение.

Я делаю, как он говорит, позволяя звуку его голоса пронестись через меня. Подношу вибратор к клитору и располагаю два пальца другой руки между влажными половыми губами своей киски.

— Ты слишком много думаешь, Лиззи, — продолжает он, — позволь своему телу предаться ощущениям.

Возможно, дело в Джаксе, или, возможно, в пульсации вибратора, но я чувствую, как расслабляюсь и возбуждаюсь. Образы и воспоминания о последних нескольких днях всплывают и проносятся в моей голове, каждые следующие более страстные, чем предыдущие. Ощущение волос Джакса, когда он прижимал свой рот к моему клитору. Его тело, крепко прижатое ко мне, когда он приподнял меня у стены. Нежное легкое прикосновение его кожи под водой, пока он ловил меня в свои объятия. Я перемещаю вибратор ниже и откидываюсь на спинку дивана, слегка поглаживая себя, а затем настойчивее, и жар проносится сквозь меня.

Я начинаю стонать, даже не осознавая этого, и мои глаза открываются, но я не останавливаю поглаживание, вращая бедрами напротив игрушки.

— Мне нужен... — мой голос затихает. Мне нужно, чтобы он трахнул меня, но знаю, что Джакс не станет этого делать. Он находится здесь лишь для того, чтобы наблюдать. Он так близко, но я не могу прикоснуться к нему, и это сводит меня с ума.

— Ты знаешь, что тебе нужно сделать, — рычит он.

И я делаю. Я закрываю глаза снова и ввожу вибратор в свою киску, задыхаясь от вибраций напротив гладких стенок моей киски, посылающих жаркие вспышки к каждому нервному окончанию внутри.

Я держу себя на грани оргазма так долго, как только могу. Тяжело дыша, издавая стоны, шепча его имя. Балансируя в шаге от пика, как канатоходец. Затем я открываю глаза, и Джакс уже возвышается надо мной. Мне приходится напрячь каждую мышцу в теле, чтобы не позволить себе кончить. Я вытаскиваю вибратор, и он опускается на колени между моих ног. Глядя мне прямо в глаза, он прикасается губами к моей нежной коже, и с этим ощущением не может сравниться ни один вибратор в мире. Его опытный язык проводит по моему клитору, словно пытается завязаться с ним в узел, затем он выхватывает вибратор из моей руки и вводит его глубоко в меня. Он двигает им назад и вперед, пока я прижимаюсь к его рту.

— Больше, — говорю я между вздохами, — больше, больше, больше.

Моя голова откидывается назад, руками пытаюсь схватиться за что угодно, лишь бы держаться. Хватаюсь за голову Джакса одной рукой, а другой сжимаю подушку дивана так сильно, что едва не разрываю ее. Именно тогда это происходит.

Оргазм проносится через меня, как будто он пришел извне, проник в меня и вырвался из моей души. Я стону так громко, что даже соседи могут услышать, но это не останавливает Джакса, который выжимает каждую последнюю каплю удовольствия из моего тела. Я чувствую себя полностью истощенной, но абсолютно умиротворенной.

Не знаю, заснула ли я, или просто потеряла чувство времени, но когда открываю сонные глаза, Джакс стоит надо мной, поправляя свои манжеты и мило улыбаясь.

— Понятия не имел, что ты можешь кончать так громко. Еще напиток? — говорит он, довольный собой от хорошо проделанной работы.

Глава 11

Джакс

Когда я добрался до пляжа, Брандо уже пытался поймать волну со всей решимостью мужчины, пытающегося выиграть соревнование. Когда подхожу ближе к берегу с доской для серфинга в руке, то понимаю почему. Он пытается выиграть не приз, а привлечь парочку грудастых блондинок в стрингах, которые можно разглядеть между их роскошными задницами.

Я стою рядом с ними и наблюдаю, как Марко падает после чересчур впечатляющего пируэта.

— Он пытается произвести на вас впечатление, вы же знаете, — говорю я блондинкам, когда они обращают свое внимание на меня.

— У него хорошо получалось, — говорит та, что стоит ближе ко мне, у нее сиськи меньше, но ноги длиннее, — пока ты не пришел.

Я одариваю их улыбкой, намекающей на грядущие перспективы, и направляюсь к воде. Брандо видит меня и машет своими руками бодибилдера.

Существует три причины, из-за которых я люблю серфинг. Первая: благодаря ему я поддерживаю свое тело накаченным и загорелым. Вторая: это прекрасное оправдание для того, чтобы публично показать вышеупомянутое тело. И третья: когда ходишь по острiu, как я, всегда нуждаешься в адреналине, а серфинг — лучший способ испытать подлинный экстаз, который никогда не надоест и который нельзя получить никаким другим способом.

Также это прекрасный шанс для меня и Брандо поговорить немного по-братски. Во всех остальных случаях, когда мы видим друг друга, обычно имеется несколько женщин рядом с нами. И хотя я всегда рад компании женщин, у каждого парня должна хотя бы изредка быть возможность не стесняться в выражениях.

Я прыгаю в воду и начинаю грести, оказавшись где-то в пределах тридцати метров от Брандо, как раз вовремя, чтобы поймать прелестную волну. Ныряю обратно в воду, после чего оборачиваюсь и вижу, как Брандо делает то же самое, хотя его волна, определенно немного меньше моей.

Я плыву брасом и поворачиваю голову в стороны, чтобы вода не попадала на лицо, а затем кричу:

— Моя! Та волна определенно была моя!

Брандо выныривает из воды, капли стекают по его телу, напоминающему тело болотного чудища, а на его лице такое выражение, что целая тюремная камера могла бы насмерть перепугаться.

— Нихрена, чувак! Это все я! Твоя волна была отстойной!

— Твои глаза вообще были открыты, когда я поймал ее, братан? — он качает головой, закатывая глаза.

Еще одна деталь обо мне и Брандо, если это не совершенно очевидно — мы самые конкурирующие парни, которых вы можете встретить за пределами боксерского ринга.

Я никогда официально *не знакомился* с Брандо, но начал замечать его рядом около восемнадцати месяцев назад, сразу после того, как он переехал из Нью-Йорка в пригород ЛА. Внезапно, этот гигантский чертов итальянец начал появляться во всех моих привычных любимых местах. Это затронуло меня, ведь я привык действовать в одиночку. Мне не нужна помощь, и не то чтобы я был в опасности от того, что занимаюсь этим в одиночку. Брандо был таким же.

Он был новым дамским угодником, посягающим на мою территорию. Парень, который выходил на поиски чего-либо и никогда не уходил домой без этого. Не то чтобы не существует сотни парней, ищущих то же самое, но есть место лишь для одного на вершине. Для меня, пока Брандо не решил, что хочет это место себе.

Обо мне и Брандо, дерущихся на дуэли за самых горячих женщин ЛА, могли бы снять ковбойский фильм. Я цеплял и отвозил домой девушку, с которой Брандо разговаривал всю ночь, как только он уходил в туалет. Он обращал внимание на двух самых горячих девушек в баре в тот же момент, когда я лишь посмотрел на них.

Все стало реально подло очень быстро. Однажды ночью я подошел к рыжей с телом балерины и узнал, что парень с оливковым цветом кожи в углу сказал ей, что у меня есть жена. Я отплатил той же монетой, рассказывая каждой девушке, с которой спал, о серийном убийце из Нью-Йорка, который преследовал меня. Странно, но думаю, что помог ему в некоторых случаях.

Спустя несколько месяцев такая манера поведения, честно говоря, стала мешать мне, да еще и мою репутацию втоптывали в грязь, поэтому я начал сосредотачиваться больше на избииении Брандо, чем на соблазнении красивой девушки для того, чтобы мило потрахаться в общественном месте — хотя оба этих желания не являлись взаимоисключающими.

Все закончилось единственно возможным способом. Дракой.

Только что нас окружала толпа танцоров, которые выступали сегодня вечером, одетых в облегающие вызывающие концертные костюмы, и вот мы уже затеяли словесную перепалку на чертовом танцполе.

Брандо, будучи вспыльчивым, нанес удар первым. Он ударил хуком справа, его кулак размером с молот Тора и приблизительно вдвое более сильный. По крайней мере, предполагаю, что он ощущался бы так, если бы я не увернулся.

Брандо крупный по телосложению и сильный. Он заказывает семейные порции, когда ест в одиночестве, всякий раз «случайно» разрывает свою рубашку, когда напрягает мышцы и когда шлепает ладонью задницу девушки, отчего ее сиськи покачиваются.

Хочу сказать, что Брандо дерется жестко, но я дерусь с умом.

Даже сильные удары не могут причинить боль, если они не попадают в цель. Уклоняясь и увиливая от ударов, как самый ловкий в Лос-Анджелесе пародист Мохаммеда Али, мне удалось нанести несколько удачных ударов, которые, скорее всего, принесли больше вреда моим кулакам, нежели челюсти Брандо. Он решил начать драться серьезно, и, схватив меня, как будто я мешок картошки, швырнул туда, где стояли столы. *(Примеч. Мохаммед Али — американский боксер-профессионал, выступавший в тяжелой весовой категории; один из самых известных и узнаваемых боксёров в истории мирового бокса).*

Как только вышибалы выкинули нас обоих из бара, Брандо подошел ко мне, пока я вытаскивал стекло из окровавленных рук, и сел на бордюр рядом со мной, приложив пакет со льдом к челюсти.

— Ты дерешься, как трус, — сказал он сквозь сжатые зубы.

— Ты дерешься, как девчонка, — ответил я.

После минуты молчания он посмотрел на меня и протянул руку.

— Брандо.

— Знаю, — сказал я, протягивая свою не окровавленную руку, — Джакс.

— Ага, — сказал он, принимая ее и с силой сжимая, — знаю.

С того дня мы действуем сообща, но только когда это касается женщин. Будь то доска для серфинга, теннисная ракетка или шахматная доска, Брандо и я все еще конкурируем, словно от этого зависят наши жизни.

Спустя примерно час серфинга мы возвращаемся обратно на пляж. Пристальный взгляд Брандо обращен на этих двух блондинок, как будто они исчезнут, если он отведет взгляд. Как только мы ступаем на пляж, не глядя на меня, он говорит:

— Где ты пропадал, Уайлдер? Я не видел тебя в баре несколько дней.

— Я встречался с девушкой, — говорю небрежно, хотя знаю, какой будет реакция Брандо.

Он отворачивается от блондинок и смотрит на меня — его глаза стали вдвое больше, рот открылся настолько широко, что я могу увидеть его слюнные железы, и клянусь, даже его ноздри раздуваются.

— Что?! Подожди, подожди, подожди, подожди, — он поднимает руку, как будто останавливает меня, — что?!

— Я встречаюсь с девушкой, — повторяю я, вытирая полотенцем волосы.

— Черт побери, ты шутишь, братан? — акцент Брандо явно выдает в нем уроженца Бруклина, и я почти ощущаю запах кофе и рогаликов (*Примеч. Бруклин — район Нью-Йорка*).

— Помнишь брюнетку несколько ночей назад? Платье с открытой спиной?

Брандо смотрит вверх. Это его коронный жест. Номера, имена, ночи — Брандо помнит все, словно в его голове помещен жесткий диск.

— В ту ночь, когда я заказал сливочное мороженое с шоколадным сиропом, а у тебя был напиток в высоком бокале с позолотой?

Вот так он вспоминает все. Нет. Я все равно не понимаю, как ему это удастся.

— Ну да, но я наткнулся на брюнетку чуть позже.

— Проклятье, — говорит Брандо, сжимая свое полотенце, словно забыл, как использовать его. — И теперь ты в отношениях?

— Нет. Мы не вместе. Это просто... необычный случай.

Брандо смотрит на свое полотенце, как будто на нем может быть написано объяснение, а затем обратно на меня.

— Только не говори, что ты влюбился.

— Блядь, нет!

— Она беременна? Ты женишься на ней? Ты должен использовать презервативы, братан.

— Беременна? За три дня? — я ухмыляюсь Брандо, но он качает головой.

Сегодня официально третий день, а значит, что после сегодняшнего вечера у меня все еще имеется четыре дня впереди. Еще четыре дня самого интенсивного обучения, поддразнивания и траханья, которое я могу себе только представить. Теперь я должен отбросить около миллиарда образов обнаженной и постанывающей Лиззи, ее длинных ног, широко раздвинутых для меня, потому что последнее, чего я хочу, это, в конце концов, оказаться в затруднительном положении прямо здесь на пляже с эрекцией в своих пляжных шортах.

— Все не серьезно, — настаиваю я.

Брандо складывает руки вместе так, словно просит Господа об ответах.

— Тогда, черт возьми, что это, чувак?

— Если ты заткнешься и подашь мне пиво, возможно, я расскажу тебе.

Брандо запускает руку в холодильник и подает мне бутылку. Мы садимся на полотенца. Я оцениваю блондинок — они, вероятно, часто приходят на пляж, потому что знают все возможные способы, как правильно сидеть.

— Она была лишь с одним парнем. Господи, как такое возможно с таким телом, как у нее. У нее был парень со старшей школы. Несколько дней назад она рассталась с ним и трахнулась со мной.

— Дерьмо! — говорит Брандо, делая глоток, которым опустошает половину своей бутылки.

— Это еще даже не самое интересное. После того как она трахнулась со мной, она удивляет тем, что просит меня обучить ее трахаться. Она хочет знать все. Желает суметь понравиться любому мужчине, который ей попадется, чтобы, когда она встретит очередного понравившегося ей парня, быть в состоянии его удержать.

Брандо хлопает большой рукой себе по лбу и смеется так громко, что блондинки почти смеются с ним вместе.

— Чувак! Клянусь, видел однажды порно с таким сюжетом! Почему, черт возьми, такое дерьмо никогда не происходит со мной?

— Вот так, — я пожимаю плечами.

— Хотя у меня есть один вопрос, — говорит Брандо, и вдруг перестает смеяться и становится серьезным, — сколько раз ты трахнул ее?

Мне требуется время, чтобы подумать.

— Четыре, пять... возможно, шесть раз.

— И она тебе еще не надоела? — спрашивает Брандо, как адвокат, который ждал, чтобы задать сражающий наповал вопрос.

— Это не продлится вечно. Когда дело сделано, то дело сделано. И в любом случае, она довольно умна. Хитра. Очень забавна. А самое главное адски сексуальна. Мне ничего не стоит зажечь искру в ней.

Брандо качает головой.

— Что? — резко спрашиваю я.

Он смеется, словно я безнадежен.

— В последний раз, когда я слышал, чтобы парень так описывал девушку, он женился на ней в течение недели. Все серьезно, чувак.

— Не серьезно.

— Серьезное положение дел.

Я качаю головой на его реплику, не соглашаясь с ним.

— Разве ты не захотел бы такую девушку? Девушку, готовую сделать все, что ты пожелаешь? Что угодно, что придет в твою голову.

— Чувак, — говорит Брандо, наклоняясь вперед, будто я сейчас услышу тайную житейскую премудрость, — мы уже так живем.

Я смеюсь.

— Ответь мне на один вопрос, — говорит Брандо, — ты с нетерпением ждешь встречи с ней снова?

— Да.

Брандо стонет, встает и направляется к океану.

— Куда ты? — кричу я.

Брандо поворачивается и идет спиной вперед, посмотрев через плечо в сторону воды.

— Думаю, что мой братан, Джакс, все еще находится там, в океане. Не знаю кто ты, но не бери больше мое пиво, ладно, чувак?

Он разворачивается и продолжает идти, но не идет к воде, а направляется к блондинкам.

Я делаю большой глоток пива и качаю головой, наблюдая за пляжными действиями ловеласа Брандо. Все идет именно так, как я и ожидал.

Мой телефон звонит, и я протягиваю руку, чтобы достать его. Когда вижу, что это Лиззи, я притворяюсь самому себе, что в действительности не настолько чертовски рад этому. Дерьмо. Я сам себя смущаю, а ведь рядом никого нет.

— Привет, — говорю я.

— Привет, Джакс.

Я замолкаю, и затем говорю:

— Ты кажешься взволнованной. Что случилось?

— Да? Гхм, ничего.

Это не то, что я хочу слышать. Это похоже на то, что женщины говорят, когда они в отношениях. Своего рода невысказанное чувство, не включающее похоть. После поддразниваний Брандо все это ощущается подобно удару по голове.

Но проклятье. Существует ли другая девушка, которая может звучать так чертовски сексуально, даже когда почти ничего не говорит?

— Слушай, — говорю я, взяв все под контроль, — собери кое-какую одежду. Я отвезу тебя куда-нибудь на выходные. Приобщимся к природе во всех смыслах этого слова. Совершим несколько грехов в нашем собственном саду Эдема (*Примеч. Сад Эдем — райский сад в Библии, место первоначального обитания людей*).

Я слышу ее вздох на другом конце линии.

— Звучит потрясающе. Но... у меня есть планы.

Я уже не раз сталкивался с трудностями, наподобие этой.

— Я думал, ты боишься планов. Твои планы превосходят горящий камин, коврик из медвежьей шкуры и двух невероятно сексуальных людей, выясняющих, кто сможет продержаться дольше?

Она сексуально смеется, но я все еще слышу нотки напряженности.

— Я должна пойти на свадьбу. Это общий друг.

— Общий? Я знаю его?

— Общий друг между мной и Броуди. Это подразумевает, что мне придется находиться с неприятными личностями на близком расстоянии, и в то же время наблюдать, как мой парень наслаждается флиртом. Если я выживу — и это действительно большое «если» — тогда, возможно, мы можем встретиться на следующий день?

Мне требуется мгновение, чтобы подумать, но на самом деле мне не нужно обдумывать это. Я воспользуюсь любой возможностью, чтобы быть с Лиззи. Вместо этого я проверяю, что Брандо все еще увлечен блондинками, а затем говорю:

— Как насчет того, что я пойду на эту свадьбу с тобой? А взамен на услугу тебе, ты окажешь мне. Услугу.

— Что?

— Я пойду с тобой. Это просто свадьба. Это как пойти в бар, но платья более длинные, а женщины в два раза пьянее и в три раза отчаяннее.

— Серьезно? Ты не должен.

— Уверен, это будет весело, — я открываю еще одну бутылку пива и наблюдаю, как Брандо прикасается к плечу одной из блондинок, пока она вбивает свой номер в его телефон.

Лиззи издает огромный вздох облегчения.

— Боже мой. Спасибо.

— Не стоит благодарностей. Есть одно условие.

Она замолкает на мгновение, прежде чем робко спросить:

— Какое?

— Не надевай трусики.

В этот раз нет никакого колебания.

— Договорились.

— И еще... ты встретишься со мной в клубе сегодня вечером. Прямо сейчас ты кажешься слишком напряженной, а мы не можем так это оставить.

— Да ты что. Значит, ты планируешь показать мне, как отделаться от этого? — дразнит она.

— Нет, — говорю я, — ты покажешь мне.

Мы встречаемся сразу после ужина, и я улыбаюсь со своего места у ультрасовременного бара из матового стекла, когда вижу, как Лиззи входит, одетая в подходящее для танцев платье — с не слишком глубоким декольте, чтобы не выставять все напоказ на танцполе, но достаточно облегающее, чтобы показать ее умопомрачительные изгибы. И оно черное. Я делаю еще один глоток своего напитка и направляюсь к ней.

— Ты выглядишь уже менее напряженной, — говорю я, когда встречаю ее около двери, — посмотри, как я постарался для тебя?

— Как раз то, что надо, — признает она, встревоженно оглядываясь на изящные высокочлассные декорации. — Итак, в чем заключается урок? Что, как предполагается, я покажу тебе?

Я притягиваю ее тело ближе к своему, после чего слегка провожу пальцами по изгибам ее задницы и шепчу ей на ухо:

— Как ты двигаешься.

Она отстраняется, приподнимая бровь.

— А ты просто будешь наблюдать за тем, как я танцую? Как преподношу себя?

Позади нее танцпол забит. Здесь не как в баре — люди здесь не просто расслабляются с друзьями или ищут себе интрижку на ночь. Их движения четко выверенные, точные и идеально целенаправленные.

Вибрирующие басы от музыки пульсируют в их груди и между ног. Это едва заметные различия, но могу сказать по лицу Лиззи, что она чувствует это.

— Танец не единственный способ обольстить мужчину на расстоянии, Лиззи, — объясняю я, — но я не собираюсь подробно разъяснять тебе это. Теперь иди туда и заставь меня захотеть тебя.

Она прищуривается, а затем улыбается.

— Я поработаю над этим, тренер.

После чего хватает мой напиток и выпивает внушительную его часть, прежде чем пихнуть почти пустой бокал в мою руку и направиться в сторону танцпола. Это моя девочка.

Лиззи робко танцует в одиночестве, затерявшись в толпе. Я знаю, что у нее имеются все подходящие движения — черт, я видел их в действии — но прямо сейчас, похоже, что она забыла их все.

— Эй, жеребец, — мурлычет голос позади меня, — давно не видела тебя здесь.

Я смотрю через плечо и вижу, как высокая рыжая цыпочка оглядывает меня поверх своего бокала с коктейлем. Она смутно мне знакома, а затем всплывает воспоминание: кабинка мужского туалета, звук театральных стонов этой женщины и не особо вежливые просьбы службы охраны покинуть данное место. Ох, и адское похмелье на следующий день. Но цеплять какую-либо случайную цыпочку сегодня вечером уж точно последнее, что мне приходит на ум.

— Я был занят, — говорю я. — Ты же знаешь, как это бывает. Нет и свободной минутки.

Я смотрю на Лиззи и замечаю, как молодой парень спортивного телосложения в серебристой рубашке и с неприличным количеством геля на волосах становится слишком близко к ней и трется о мою девушку, словно находится в каком-то дрянном клубе — и она позволяет ему.

— Звучит грубо, — говорит рыжая, — хотя я на самом деле знаю несколько способов, благодаря которым ты сможешь выпустить пар, — она снова смотрит на меня и, конечно же, не отступает, потягивая через соломинку свой напиток.

— Извини, но я здесь не один, — говорю ей, соскальзывая со своего стула, — наслаждайся ночью.

Я направляюсь к Лиззи, проходя мимо извивающихся тел, как акула в воде. Гель для волос, вероятно, заметил, как я иду, потому что к тому времени, когда я подхожу к Лиззи, его уже нет.

— Что это было? — спрашиваю я.

— Что ты имеешь в виду? — спрашивает Лиззи. — Я показывала тебе свои движения!

Я качаю головой, обнимаю ее и веду обратно к бару. Она заказывает воду в бутылке, а я даю сигнал бармену об еще одном виски для меня.

— Что я сделала не так? — спрашивает Лиззи. Она кладет ногу на ногу, и ее платье достаточно задирается на бедрах, чтобы отвлечь меня, но я быстро перевожу взгляд на ее расстроенное лицо и убираю выбившуюся прядь ее волос.

— Ты просто застыла на месте, а должна выглядеть так, словно тебе весело, как в ту ночь.

— Тогда было по-другому, — защищает Лиззи, — я гуляла с подругами. Сегодня я одна, — она пьет свою воду, и я наблюдаю за ее шеей, когда она глотает. Этот вид посылает огненный импульс прямо к моему члену, и я наклоняюсь ближе к ней.

— Послушай. Во-первых, ты не одна, если существует мужчина, наблюдающий за тобой, — говорю я, — и, во-вторых, если ты не можешь быть чертовски сексуальной во всем для себя, то как парень узнает, что ты такая? Сделай меня твердым, Лиззи.

Лиззи быстро встает, и я вижу ее решимость заставить меня испытать нетерпение.

После этого я вижу реальное изменение на танцполе. Лиззи покачивает бедрами в такт музыке, танцуя как никто другой и смотря мне в глаза каждые несколько минут, чтобы одарить манящим взглядом. Другие женщины бросают завистливые взгляды на нее, и больше чем несколько мужчин подходят к ней, но она игнорирует их всех. Все это похоже на мое собственное приватное представление только посреди переполненного танцпола. Когда песня заканчивается, она оттягивает переднюю часть своего платья и дует в декольте, чтобы охладиться. Я поражен.

Какой-то парень пробивается к ней с другой части танцпола, но я быстрее.

— Имей в виду кое-какие дополнительные правила, — говорю ей и притягиваю ее к себе. Я вижу, как навязчивый мужчина резко разворачивается к более доступной женщине, хотя она не настолько горячая, как Лиззи.

— Слушаю, — говорит она, повернувшись, чтобы танцевать напротив меня, игриво виляя задницей около моих бедер.

— Если парень хочет танцевать с тобой, а тебе он не нравится, ты можешь сказать «нет».

— Я знаю это, — говорит она, поворачиваясь ко мне, чтобы обнять за шею. Ее глаза сияют, она тяжело дышит, а грудь вздымается напротив моей груди. Пока мы танцуем, я прижимаюсь носом к ее шее, вдыхая аромат ее кожи, духов и пота.

— И если он начинает проявлять действия и тебе не нравится, также говори «нет». Запомни: ты контролируешь ситуацию всегда. Ты принимаешь окончательное решение. Вот каков истинный расклад.

— А что, если мне на самом деле нравится он? — шепчет она мне на ухо, отчего волосы на затылке встают дыбом. — Что, если я тоже хочу его?

— Еще больше причин сказать «нет», — отвечаю я. — Ничто не заставит парня захотеть тебя больше, чем немного сопротивления. Поверь мне.

Я отстраняюсь, большим пальцем приподнимаю ее подбородок и губы Лиззи встречаются с моими. Я ожидаю, что она станет сопротивляться, как я ей только что и сказал, но вместо этого она целует меня в ответ, словно ждала этого всю ночь. Я поражен активностью ее языка, непристойной потребностью ее рта, тем, как ее руки напрягаются вокруг моей шеи, пока тепло наших тел соединяется вместе. Наконец наш поцелуй слегка ослабевает.

— Люди смотрят, — говорит Лиззи, лаская мой язык своим.

— В этом весь смысл, — отвечаю я, притягивая ее еще ближе. — Когда дело доходит до ППЧ, тебе стоит знать, что некоторых парней действительно заводит, когда другие люди наблюдают. *(Примеч. ППЧ — публичное проявление чувств).*

Она смеется и затем снова атакует мой рот с еще большим энтузиазмом. Я не возражаю. Я ощущаю, как другие танцоры двигаются вокруг нас, но на мгновение возникает такое чувство, словно мы единственные люди в помещении. Я опускаю руки с ее талии, чтобы обхватить ее задницу, и она стонет прямо в мой рот. Никаких сомнений в том, что она чувствует мою эрекцию, прижимающуюся к ее промежности, и я знаю, что

должен сдерживать себя, прежде чем что-то непристойное произойдет посреди этого танцпола.

Я отстраняюсь и почти испытываю головокружение.

— Мы уезжаем, — говорю я, — кое-что неожиданно поменялось.

Лиззи проводит костяшками пальцев по моей напряженной скуле.

— Догадываюсь.

Образы оставшейся части нашей ночи уже вспыхивают перед моими глазами, когда я вывожу ее из клуба на улицу, где прохладный ночной воздух предоставляет мне потрясающий вид на напряженные соски Лиззи, виднеющиеся сквозь тонкую ткань ее платья. Когда парковщик уходит, чтобы подогнать наши автомобили, я замечаю озорную усмешку на лице Лиззи.

— Итак, чему ты научилась сегодня? — спрашиваю я.

— Как быть чертовски сексуальной во всем для себя, что хорошо говорить «нет», а также, что я всегда контролирую ситуацию, — отвечает она, — и как использовать ППЧ.

— Используй это, — говорю ей с ноткой гордости в голосе.

Парковщик останавливается на моей «Тестаросса», а мгновение спустя другой подъезжает позади «Феррари» на седане Лиззи.

— Следуй за мной к моему дому, — говорю ей.

— Нет, — отвечает она и улыбается. Я улыбаюсь в ответ.

— Ты быстро учишься, — говорю я, — и ты главная сегодня вечером. Тогда я последую за тобой к моему дому?

Она качает головой.

— Я серьезно, Джакс. Мне рано завтра вставать из-за свадьбы. Уже итак за полночь, так что... — Лиззи пожимает плечами, и сексуальная ухмылка появляется на ее лице.

— Давай же. Я собирался устроить тебе оральный экзамен, — она хихикает, но скрещивает руки на груди и качает головой. Я продолжаю давить. — Ты можешь уехать рано утром, чтобы подготовиться...

— Неа. Я не поеду с тобой сегодня вечером, — на мгновение ее улыбка дрогнула, и я замечаю ее нерешительность. Но затем уверенность возвращается. — Я отплачу тебе завтра. Мы можем назвать это дополнительными баллами.

В течение секунды я не говорю ни слова. Это не должно иметь значения для меня, но я что-то чувствую, чего не чувствовал уже долгое время — разочарование. Но это не может быть правдой. Джакс Уайлдер не становится мягче ни для какой женщины. Кроме того, я не могу спорить со своей собственной логикой. Даже если мои яйца становятся более синими, чем голубая сойка. (*Примеч. Голубая сойка — певчая птица из семейства врановых. Обитает в Северной Америке.*)

Тридцать минут спустя я получаю сообщение: *Я дома. Как я справилась сегодня?*

5+ во всем. Спокойной ночи, я отправляю сообщение в ответ, прежде чем залезть на кровать. Мои неуклюжие попытки мастурбации не увенчались успехом. Я сдаюсь через несколько минут, расстроенный тем, что не толкаюсь в горячее тело Лиззи, слушая звуки ее стонов.

Требуется много времени, чтобы заснуть с воспоминаниями о ее потрясающем теле, крутящимися в моей голове. Несмотря на то, что она все же отшила меня в конце ночи.

И будь я проклят, но теперь я хочу ее еще сильнее.

Глава 12

Лиззи

Это похоже на свадьбу; мужчины в смокингах и женщины в аккуратных платьях, которые сочетают в себе классику и сексуальность, не являясь большей частью того или другого. Похоже на свадьбу; дети, бегающие вокруг и не понимающие данного события и семейного воссоединения. Это даже пахнет как свадьба; цветочные букеты и слегка слишком много одеколona.

Так почему у меня такое чувство, словно я охотно посещаю свою собственную смертную казнь?

Возможно, потому, что с того момента, как я вошла в зал, каждый бросил на меня все виды возможных взглядов, но никто на самом деле не разговаривал со мной. Они как будто соревнуются между собой за то, кто одарит меня самым коротким незаинтересованным приветствием. Возможно, потому, что половина людей ведут себя так, будто они едва знакомы со мной, но еще около пяти дней назад я назвала бы их своими самыми близкими друзьями. Люди, с которыми я смеялась, дружила, разделяла свою жизнь и чувства. Теперь они ведут себя так, словно я носитель инфекционного заболевания, которое они боятся подхватить.

Если бы мое расставание с Броуди было бы разводом, нет никаких сомнений, чью сторону приняли бы все друзья.

В некотором смысле это заставляет меня почувствовать себя хорошо. Мелочи дают понять, что жизнь, которая у меня была до этого момента, являлась жизнью Броуди, а не моей. Однако трудно ощущать, что поступил правильно, когда на протяжении десяти минут притворяешься, будто очарован буфетом, при этом осознавая, что когда ты поднимешь взгляд, то не увидишь ничего, кроме осуждающих взглядов и плохо скрываемого шепота.

Как только я кладу еще одну сырную палочку на свою бумажную тарелку, то слышу кого-то позади себя.

— Она рассталась с ним? Ты уверена?

И пока я прохожу вдоль стола, это продолжается. Демонстрация ненависти к Лиззи.

— Ей повезло удержать его так долго.

— *Повезло, что я ушла, когда смогла,* — пробормотала я себе под нос.

— Недостаточно хороша для него в любом случае.

Ох, если бы вы знали, чем я занималась с тех пор, то осознали бы, что я не была «хорошей» девочкой.

— Она принимает все близко к сердцу. Посмотри, сколько она ест.

Этот последний комментарий заставляет меня отстраниться от шведского стола. Я с осторожностью перевожу взгляд и наблюдаю за входом, чтобы не встретиться взглядом с кем-то еще.

Где тебя черти носят, Джакс?

Он разозлился из-за прошлой ночи? Предполагалось, что я должна взять все под свой контроль, и так я и поступила. Даже если очень не хотела возвращаться домой к своему вибратору вместо невероятного члена Джакса. Но этого не может быть — он не подвел бы меня сегодня, верно? Я прогоняю эту мысль, стараясь игнорировать свое беспокойство.

Затем как по волшебству он входит в комнату. Впервые с тех пор как я пришла, все внимание с меня переключается на невероятный экземпляр, входящий в зал так, словно он вышел на утреннюю прогулку. Его волевой подбородок покрыт аккуратной щетиной, волосы свободно уложены в идеальную прическу, благодаря чему половина женщин со здоровым либидо падают в обморок, а вторая половина упивается его великолепием, словно он свадебный торт. Даже мужчины оценивают его, удивляясь, как он может заставить простой черный смокинг выглядеть в миллион раз лучше, чем у них.

Говорят, что на свадьбе ты не должен затмевать невесту или жениха — для Джакса это затруднительно выполнить.

Даже я стою, разинув рот, пока он идет через толпу, сканируя людей, поскольку ищет меня. Когда он находит меня, на его лице появляется очаровательно-безмятежная ухмылка, и он подходит ко мне. Джакс обнимает меня за талию своей сильной рукой, целует нежно в губы, а затем берет пицца-ролл с моей бумажной тарелки и откусывает кусочек.

— Довольно тихо для свадьбы, — говорит он, счастливо жуя.

— Они много болтали, прежде чем ты пришел, — отвечаю я.

Он оглядывается, замечая, как люди откровенно уставились на нас, на их лицах появились такие выражения, о существование которых я никогда и не догадывалась.

— Они смотрят на меня или тебя? — спрашивает он.

— Вероятно, на обоих, — киваю я.

— Ну, ты выглядишь великолепно.

— Спасибо, но думаю, что ты соберешь все овалции.

Джакс широко ухмыляется, затем заталкивает остальную часть ролла в рот.

Церемония проходит без происшествий. Джакс, как и ожидалось, играет идеальную роль. Так естественно, как будто его собственный друг женится. Наконец мне удается отвести свое внимание от невероятного очарования Джакса и больше, чем слегка влажных трусиков, причиной чего стал его вид в смокинге. Я замечаю изменения в своих бывших друзьях. Они больше не смотрят на меня с жалостью или отвращением — теперь это больше походит на настоящую зависть. Я стараюсь не позволять себе стать немного самодовольной от этого, но каждый раз, когда Джакс наклоняется чуть ближе, чем должен, я смотрю самым озлобленным взглядом на бывших друзей, находящихся поблизости. Полагаю, что имею право на это, после того как они относились ко мне раньше.

Когда церемония заканчивается, все выходят на улицу, где столы с едой окружают танцпол под изящным льняным шатром. До приезда Джакса мне было интересно, к кому я могу подойти, не наткнувшись на преграду в виде отказа. Но теперь, когда он со мной, люди слишком стремятся незаметно подойти и понять, что Мистер Совершенство делает со шлюхой, которая разбила сердце Броуди.

— Лиззи! — кричит одна из моих самых близких подруг — и теперь одна из самых близких подруг Броуди. — Мне показалось, я видела тебя здесь ранее, но не была уверена, что это ты.

— Привет, Сэнди. Ага, я вполне уверена, что тоже видела тебя ранее.

Три подруги. Сэнди, Джессика и Лорен. Распространители глупых шуток, плохих советов и эксперты в развитии неуверенности в себе.

Честно говоря, от некоторых друзей я очень счастлива отделаться.

— А кто твой друг? — спрашивает Джессика таким пискливым голосом, который обычно появляется у тех, кто надел слишком тесные трусики.

— Джакс. Приятно познакомиться, — говорит он, и эти три женщины забывают обо мне совсем.

— Вы... друзья? — интересуется Лорен.

Джакс и я обмениваемся взглядами. Я хочу закончить этот разговор прежде, чем он станет слишком неловким, и оказаться как можно быстрее за одним из этих обеденных столов.

— Хм... — начинаю я.

— Нет, — отвечает Джакс, положив руку мне на талию и притянув ближе к себе, — мы... больше, чем то, что ты сказала. Я, можно сказать, запал на нее.

Я одариваю его взглядом, который говорит «Да благословит Господь тебя и твоих будущих детей».

— Ничего себе! Серьезно? — пищит Джессика голосом в несколько мегагерц, почти достигая диапазона собаки.

— Как тебе удалось подцепить такого красавчика?! — спрашивает Лорен. Она осматривает великолепное тело Джакса и не отводит взгляда от него, с тех пор как подошла. Если бы ее пристальный взгляд был чуть более интенсивен, она была бы на грани судебного процесса по сексуальному домогательству.

Джакс снова бросает на меня беглый взгляд, как будто спрашивая разрешения взять все под свой контроль, и я приподнимаю брови. *Давай же, действуй.*

— Фактически, я подцепил ее. Или, все еще пытаюсь, — говорит он. — Поначалу она не хотела иметь ничего общего со мной. Вы знаете, после... — он склоняет голову в направлении Броуди, который сидит за столиком, откинувшись на спинку стула и сгорбившись над своим телефоном, как обычно. — Я применил все свое очарование и усилия, пытаюсь убедить ее пойти со мной. И теперь, я здесь.

Три женщины пялятся так, словно только что стали свидетелями чуда.

— Даа, — говорит Сэнди, с таким взглядом на лице, как будто переосмысливает все, что когда-либо думала, что знает о мужчинах, отношениях и обо мне.

— Честно говоря, — добавляет Джакс, наслаждаясь моментом так же, как и я, — я понимаю. Она слишком хороша для меня. За пределами моей лиги. Но я прилагаю все усилия, чтобы понравиться ей.

Бах! Полный нокаут.

Джакс кивает «приятно было познакомиться, до свидания» и тянет меня к столу, оставляя этих трех женщин стоять там, безучастно уставившихся в пространство, как восковые фигуры.

Я кладу руку на его грудь, чтобы остановить его, смотрю ему прямо в глаза и говорю серьезным тоном:

— Если тебе когда-нибудь понадобится почка, я сама ее вырежу.

Джакс смеется.

— Не обижайся, Лиззи. Но твои подруги вроде как идиотки.

— Они не мои подруги. Они подруги Броуди.

— В таком случае все ясно, — Джакс кивает в знак понимания.

Как только мы наполняем наши тарелки, Гэри — давнишний приятель Броуди по сквошу — и его жена Мишель внезапно появляются рядом с нами (*Примеч. сквош — игровой ракеточный вид спорта в закрытом помещении*).

— Привет, Лиззи, — говорит Гэри, лицемерно улыбаясь. Внезапно я вижу насквозь этих людей, с которыми раньше проводила так много времени. Я, может быть, и бывшая девушка их лучшего друга, но достойна большего, чем самодовольной, высокомерной ухмылки лысого парня.

— Привет, Гэри. Мишель. Приятно видеть вас, ребята.

— Я тоже рада тебя видеть, — говорит Мишель. — Вижу, ты привела ухажера.

— Джакс Уайлдер, — говорит Джакс, протягивая руку. Мишель замирает на некоторое время, и неохотно отпускает его руку.

Затем Гэри пожимает ее и оглядывает Джакса.

— Так чем ты занимаешься, Джакс?

Гэри любит задавать этот вопрос, не потому, что ему на самом деле интересно, а потому, что любит говорить людям, чем он занимается в ответ. Он программист в одной из крупнейших компаний в Кремниевой Долине (*Примеч. Кремниевая Долина — центр микроэлектронной промышленности США*). В компании, которую знает каждый дом в Америке. Он не босс и не акционер — он программист. Один из ведущих, конечно же, но и рядом не столь же высокого уровня, как его высокомерие по этому поводу, уж поверьте.

— Угадайте, — говорит Джакс, хитро улыбаясь.

— Я хорош в этом, — говорит Гэри, постукивая пальцем по губам и прищурившись, словно восхищается живописью. — Ты... бармен?

Джакс смеется, и это хорошо, потому что иначе я могу ударить Гэри.

— Обычно нахожусь по другую сторону бара, — говорит он с намного лучшим настроением, чем должен.

— Официант?

Джакс медленно качает головой.

— Даже не близко.

— Разве не тебя я видела в том торговом центре напротив «Фред Сигал» в Голливуде? — прощупывает почву Мишель.

— Трехъярусное здание? Фонтан в центре, стеклянные башни?

— Да! — говорит Мишель, и Гэри кивает в знак согласия.

— Нет, — отвечает Джакс, останавливая их смех, — но ближе.

Насмешливые выражения лиц Гэри и Мишель становятся почти жуткими.

— Я спроектировал башни. И фонтан, если уж на то пошло.

Брови Гэри опускаются так низко, что я боюсь, они могут вообще отвалиться.

— Ты архитектор? Тот, о котором...

— О котором все говорят? Которого нанял Майкл Дентон? Да. Это я.

Я прикусываю губу и смотрю на Джакса, но он наслаждается их неловкостью почти так же сильно, как и я.

— Ну, это...

— Эй, — Джакс пожимает плечами, — мы же не можем все быть барменами. Чем ты занимаешься, Гэри?

— Я программист, — говорит он со смирением, которое я никогда не слышала прежде, и жаль, что не могла слышать его каждый раз, когда он говорил. — В... эээ... социальной медиакомпании.

— Это не та компания, которая строит новый главный офис на побережье?

Гэри вздыхает, вновь опустив голову в знак поражения. 2:2, Джакс.

— Эй! Это здание также одно из моих! — Джакс берет меня за руку, а другой рукой шутливо хлопает Гэри по спине. — Возможно, я поставлю статую официанта в лобби, чтобы ты смог получить лучшее представление о том, как они выглядят. Приятно было познакомиться.

И затем он уводит меня прочь в сторону танцпола.

Еще раз я останавливаю его.

— Мне очень жаль, Джакс. Не следовало приводить тебя сюда. Это... довольно хреново.

— Еще чего! — говорит Джакс, сжимая мои плечи так, будто утешает меня. — Я прекрасно провожу время.

— Серьезно?

— Ага. Встречи с такими людьми убеждают меня, что я сделал правильный выбор в жизни, и позволяют увидеть, что произошло бы, если бы сделал неправильный.

Я смеюсь приблизительно ноль целых семь десятых секунды, потому что именно в этот момент замечаю Броуди. Он смотрит непосредственно на меня, и я чувствую слабую дрожь. Джакс замечает это и оборачивается.

— Кто это? — спрашивает он. — Еще один придурок?

— Придурок.

— Ох, — протяжно произносит Джакс, — с той милой цыпочкой в синем платье?

— Ты считаешь ее милой? — ворчу я.

Джакс смотрит на меня.

— Нет, если это заставляет тебя смотреть на меня так.

— Это девушка из его офиса.

— Новенькая.

— Нет. Оттуда, где мы раньше жили.

— Они, кажется, действительно близки, — говорит Джакс, в это время Броуди кружит ее на танцполе, затем притягивает ближе и целует в губы. Его руки сжимают ее задницу, — очень близки.

— Черт! — говорю я достаточно громко, что люди рядом с нами оборачиваются. — Я такая глупая!

Я начинаю идти так быстро, как только могу. Подальше от шатра. Подальше от Броуди. Подальше от всего, что заставляет меня чувствовать себя так, словно моя голова сейчас взорвется. Я ухожу приблизительно на двадцать метров, а затем чувствую хватку Джакса на своей руке. Он тянет меня за дерево, подальше от всех глаз.

— Лиззи. Эй. Посмотри на меня, — он обхватывает руками мое лицо и заставляет посмотреть ему в глаза. — Что происходит?

— Он *изменял* мне! — говорю я, горячие слезы уже прожигают дорожки по моему лицу. От боли, которая выворачивает меня изнутри, из горла вырываются рыдания. — И я была чертовски *глупа*, чтобы заметить это!

Джакс поднимает руки как автоинспектор, который хочет остановить четырехполосное движение.

— Подожди. Откуда ты знаешь? Он мог только вчера связаться с этой цыпочкой.

Я с силой пихаю Джакса в грудь.

— Посмотри на них! Посмотри! Ты разбираешься в девушках, верно? Ну, посмотри и скажи мне, что ты думаешь, Мистер Эксперт.

Джакс наблюдает за ними некоторое время. Выражение его лица из задумчивого превращается в жалостливое.

— Ну, его руки находятся на ее заднице. Очень хорошо. Значит, они встречаются недавно, раз он все еще считает ее сексуальной. Но... Они однозначно не впервые танцуют. То, как он касается ее лица. Это определенно не в новинку для них. Она убирает его руки подальше от своих волос — это определенно не характерно для недельного романа. Я сказал бы пару месяцев, возможно, больше, если они встречались тайно.

Когда Джакс снова смотрит на меня, я расхаживаю взад-вперед, надавливая пятками так сильно, что каблуки зарываются в грязь.

— Он говорил, что у него поздние встречи. Сразу шел в душ, как только возвращался домой, прежде чем я даже скажу «привет». По счетам его кредитки было видно, что он ужинает в хороших местах. Кто проводит деловые встречи в пятнадцати километрах от города? И еще, его трусы пропадали. И носки — едва ли осталась хоть одна пара одинаковых носков.

— На самом деле, на удивление это обычное дело, — говорит Джакс, пытаюсь поднять мое настроение, но прямо сейчас это походит на зажигание спички в метель.

— Я видела, как она смотрела на него. Когда я спрашивала о ней, Броуди сразу менял тему разговора. Я просто никогда не думала, что он на самом деле поступит так. Как я могла быть такой...

Внезапно мой каблук погружается глубоко в грязь, и я спотыкаюсь. Джакс бросается вперед, поймав меня в свои объятия, и когда я смотрю на него, то начинаю рыдать еще громче и сильнее, чем плакала с тех пор, как мне в последний раз было необходимо сменить подгузник.

И что делает Джакс? В момент потребности, слабости, глубочайшего страдания?

Джакс смеется.

— Почему... ты смеешься? — кричу, едва сдерживая слезы.

— Потому что, — говорит Джакс, прислоняет меня к стволу дерева и смотрит прямо в глаза, — твои старые друзья — придурки, которые обращаются с тобой, как с дерьмом. Бывший парень — придурок, который считал тебя само собой разумеющимся. А ты самая красивая, шикарная, умная женщина, которую я когда-либо встречал — хотя я встречался с большинством женщин в ЛА.

Я слегка улыбаюсь.

— И по какой-то колоссально-гребаной причине случился этот странный чертовый дисбаланс, и я нахожусь в причудливом мире, где придурки танцуют, в то время как ты здесь плачешь, зарабатывая себе обезвоживание и спотыкаясь в траве.

Джакс протягивает руку и вытирает слезы с моих щек, но я уже ощущаю, как возвращается моя сдержанность и контроль. Потому что он только что сказал все это? Верно.

— Как мне правильно поступить? — тихо спрашиваю я.

— У меня есть одна идея, — ухмыляется Джакс, — в конце концов, ты мне кое-что восполнишь после внезапного исчезновения, которое устроила прошлой ночью.

— Ты имеешь в виду... здесь? — я осматриваюсь вокруг. — Сейчас?

— Прямо сейчас, — командует он, берет меня за руку и уводит прочь.

Глава 13

Джакс

На самом ли деле я рад, что пришел на эту свадьбу сегодня? Какая разница. Все, что знаю прямо сейчас, это то, что не могу стоять и смотреть, как Лиззи плачет из-за таких людей, и я намереваюсь исправить это. Лиззи слишком милая для слез. Слишком сексуальная для грусти. Я многому ее научил с тех пор, как мы встретились, и прямо сейчас собираюсь научить, как послать нахрен ее проблемы.

Пока она приходит в себя, я веду ее через толпу. Они вновь прячутся — все эти люди, кажется, только и делают, что смотрят — но в этот раз они видят в наших лицах, что нам плевать. Что мы два самых сексуальных человека на вечеринке, и наше внимание сосредоточено на нас самих.

— Сюда, — говорю я, указывая Лиззи на кладовку рядом с залом, но все-таки подалеже от толпы.

Тут узко и тесно. Но достаточно места, чтобы стоять двум людям в паре сантиметров друг от друга — и это нормально, потому что мы собираемся находиться еще ближе. Голубая сойка в моих штанах собирается вырваться на свободу.

Я толкаю ее внутрь лицом вперед, захожу за ней и запираю дверь. Затем приседаю и зарываюсь лицом между ее великолепных ягодичек. Мои руки хватают и сжимают их так, словно я творю глиняное изделие.

Лиззи опирается на полку, снося все вещи на ней, и ахает, когда я покусываю и зарываюсь лицом в ее мягкость. Торопясь, она задирает свою юбку, и я не могу сдерживать улыбку, когда вижу, что она выполнила мое условие — никаких трусиков.

Я развожу ее ягодички и провожу языком вокруг ануса. Кладу руку спереди между ее ног и перемещаю на кисть. Средний палец проталкиваю внутрь, указательный помещаю на клиторе, а другой рукой притягиваю ее на свой теребящий язык. Вот что я называю заглаживанием вины передо мной. Этого достаточно, чтобы отказ Лиззи прошлой ночью стал лишь отдаленным воспоминанием.

На вкус она как лучший десерт, который я когда-либо пробовал — как и десерт, я не могу перестать поедать ее. Я хотел испробовать ее задницу каждый раз, когда она носила те обтягивающие юбки, каждый раз, когда шла на высоких каблуках, и я видел покачивание этой задницы. Теперь, когда заполучил ее, я не успокоюсь, пока не наслажусь сполна.

Я приподнимаю Лиззи и тянусь языком к ее киске, слизывая влагу, которая сочится, словно из разрезанного персика, и все благодаря моим пальцам. Я напрягаю язык и провожу им вдоль киски к ее анусу и обратно. Она издает еле слышимый стон — хотя могу сказать, что она пытается подавить его. Если она не в состоянии сдерживаться сейчас, то не сможет сдержать его потом, когда узнает, что я приготовил для нее дальше.

Я встаю, разворачиваю ее лицом к себе, быстрым движением руки расстегиваю ширинку и приподнимаю Лиззи за бедра. Она хватается за мою шею и крепко обхватывает меня ногами, после чего засовывает свой язык мне в рот. Мы действуем синхронно, наши тела нашли общий язык еще до того, как мы сами это осознали.

Я надеваю презерватив, и ее киска скользит на мой член, как отлично сшитый костюм. Если ее слезы угрожали уничтожить мое либидо, то вкус ее задницы вернул его к жизни с удвоенной силой. Я тверд, как скала, во мне горят семь видов похоти по отношению к этой удивительной девушке.

Она отклоняется назад, держась за мои плечи и прижимаясь кистью ко мне. Желая принять меня еще глубже, она ритмично и агрессивно двигает бедрами, как танцовщица сальсы. Моя спина ударяется об дверь, и сквозь звуки моего тяжелого дыхания и ее мурлыкающих стонов мы слышим удивленные голоса, доносящиеся с той стороны двери.

В прошлый раз, когда нас могли поймать, Лиззи была так шокирована, что сразу же резко прервала наш секс. В этот раз, услышав голоса наших слушателей, она только стискивает зубы и начинает насаживаться на мой член еще сильнее.

— Не останавливайся, — умоляет она, и я увеличиваю темп и слегка вращаю членом, исследуя каждую стенку в ней, нажимая на все точки сразу. — Не... останавливайся...

Когда она начинает кончать, я толкаюсь в нее еще раз и прижимаюсь к ней всем телом. Она впивается в мою спину, почти разрывая пиджак на части, и кусает мое плечо, чтобы заглушить крик. Когда она издает последний приглушенный визг в тонкий хлопок моего воротника, я отпускаю ее ноги.

Как только они касаются пола, она прижимает меня к двери и опускается на колени. Я уже настолько заведен, что отвожу взгляд, чтобы не взорваться, но Лиззи решительно настроена сделать это хорошо.

Она хватается член с такой гордостью и страстью, словно «Оскар», стягивает презерватив, а затем проводит языком от яичек до головки — именно так, как я учил ее. С жадной изголодавшейся женщины, которой дали облизать ложку, она скользит своим разгоряченным языком вверх и вниз по нему еще несколько раз, а затем дразнит головку. Потом обхватывает ее губами, удерживая меня на грани, как на «американских горках» перед снижением.

И затем вот оно. Она берет его в рот. Глубоко, медленно, заставляя почувствовать мягкость ее рта. Но не это самое прекрасное. Дело в ее глазах. Взмахнув ресницами, она открывает эти карие глаза, и они вновь смотрят на меня со страстью и желанием дикого животного. И затем я так сильно кончаю, что изливаюсь в ее рот, словно вода, льющаяся из шланга. Ее глаза сосредоточены на мне, пока она принимает все, что я могу дать. Как будто высасывает душу из моего члена.

Она встает и нам требуется минута, чтобы привести в порядок собственную, и друг друга, одежду. Я здоровый парень, но чувствую, как кровь все еще пульсирует в моих венах, а по спине скатывается пот. Лиззи нежно поправляет мои волосы, подмигивает мне, а затем открывает дверь.

Люди смотрят на нас, пока мы идем обратно в сад, но нам плевать. На наших лицах большие ухмылки, а румянец, появившийся на щеках, превращает хмурые взгляды в разочарованные.

— Не знаю как ты, но я очень голодна, — бодро говорит Лиззи.

Мы добираемся до фуршетных столов и начинаем накладывать еду на наши тарелки, словно не ели всю неделю. Мы идем вдоль столов, наши взгляды устремлены на еду, и Лиззи в кого-то врежется.

— Ой, прос...

Тяжело различать мужчин на вечеринке, когда каждый из них одет практически одинаково. И что же вы думаете? Это Броуди и его одетая в синее платье любовница.

Я кладу еще пару крекеров с рыбным паштетом на свою тарелку и наблюдаю, как эти двое смотрят друг на друга, словно готовы устроить перестрелку.

— Лиззи, — его голос, как лед.

— Броуди, — ее, как огонь. И я ставлю на огонь.

— Джакс? — хотя мы встречались лишь раз в той закуской, он, конечно, не забыл мое имя. Я киваю, но держу руки на тарелке.

Его подруга подходит ко мне, демонстративно выпивает свой напиток и улыбается так, словно ничего не может с собой поделаться, и вероятно, это действительно так.

— Джулия.

Имена слетают с их уст, и это больше похоже на перекличку, чем на приветствие. Я беру миниатюрную версию вишневого пирога и откусываю. Это будет весело.

Мы с Броуди обмениваемся взглядами, как будто играем в игру, где кто первый заговорит, тот и проиграет. Пока мы оценивающе улыбаемся друг другу, девочки в это время безуспешно пытаются скрыть разъяренные выражения своих лиц.

— Вы только что вышли оттуда? — спрашивает Броуди, указывая на кладовку.

— Из кладовки, да, — говорю я, — мы... искали бумажные тарелки.

Я широко улыбаюсь.

— Вы нашли их? — спросил он с сарказмом, но вышло не очень.

— Я сказал бы, что мы нашли правильное место, — я сдержался, чтобы не подмигнуть. Он уже итак выглядит слишком побежденным.

Броуди мрачно смотрит на бокал со своими напитком, и когда поднимает голову, на его лице такое выражение, которое, кажется, присуще только строгим папочкам и старым докторам.

— Это весьма... ты с ума сошла, Лиззи.

— Ну, — говорит она, ее выражение лица столь же непоколебимо, как и тон, — я предпочитаю действовать в открытую. В отличие от некоторых людей, с которыми знакома.

— Это несправедливо, Лиззи.

Лиззи сжимает кулаки, после чего говорит:

— Чертовски верно, это несправедливо.

Броуди смотрит на девушку в синем платье, но она молчит.

— Ты никогда не могла контролировать свои эмоции, — продолжает Броуди.

Глаза Лиззи становятся такими же огромными и круглыми, как у персонажей из японского мультфильма. Она смотрит на меня. Я смеюсь.

— Ничего себе, — говорю я.

— Прости, что? — Броуди обращается ко мне, как будто бросает вызов.

— Я сказал «ничего себе». В том смысле «ничего себе», что неужели существуют такие тупые придурки, как ты?

Броуди поджимает губы.

— Я тупой?

— Да, тупой, — спокойно отвечаю я, но лишь с едва заметной злобной улыбкой, чтобы дать ему почувствовать, что я говорю. — Я знаю Лиззи всего неделю. Но она заставила меня смеяться. Она заставила меня задуматься. Удивила меня, научила нескольким вещам. И она, безусловно, знает, как трахаться. Она здесь самая сексуальная девушка, включая и маленькую Мисс Синее Платье — без обид — и становится еще более сексуальной каждый раз, когда я вижу ее.

Броуди переминается с ноги на ногу, поднимает подбородок и смотрит на меня с презрением.

— И вот ты здесь, — продолжаю я, — со своей скучной стрижкой и обманчивым превосходством. Ведешь себя так, словно Лиззи не самое лучшее, что когда-либо происходило с тобой в твоей, кажется, довольно скучной, предсказуемой и во всех смыслах жалкой жизни.

— Тебе лучше уйти, — говорит Броуди, скрипя зубами, — или я сделаю что-нибудь, о чем пожалею.

Я тихо смеюсь.

— Ты не ударишь меня. Ты достаточно умен, чтобы понимать, что не выиграешь в этой драке. Едва ли.

— Не будь так уверен, — говорит он, но в его голосе теперь меньше решительности — мы оба знаем, кто здесь главный.

— Ты облажался. Вот и все. Ты позволил ей уйти. Ты не сделал ничего, чтобы удержать ее. И это нормально. Все совершают ошибки. Мне следует пожалеть тебя. Но я

слушаю тебя прямо сейчас и понимаю, что ты даже не осознаешь, как облажался. И не думаю, что когда-либо осознаешь это. И знаешь, что? Мне не жаль тебя.

Затем я перевожу взгляд на его спутницу. Она делает шаг назад и смотрит теперь на Броуди так, словно только что откусила яблоко и нашла в нем червяка. А я продолжаю:

— Мне жаль эту девушку в синем платье. Жаль всех женщин, которых ты собираешься утомлять подробностями о своей работе на бесчисленном множестве первых и последних свиданий, ожидающих тебя в будущем. Мне жаль женщин, которых ты снова и снова будешь разочаровывать в постели. Жаль женщин, которые свяжутся с тобой, ожидая мужчину, а в итоге получая мальчишку. Потому что, если ты не смог добиться успеха в сексе с Лиззи, которая была готова мириться со всеми твоими заскоками, то не будешь в состоянии сделать это вообще с кем-либо.

— Кем, черт возьми, ты себя возомнил? — кричит Броуди, выйдя из себя.

Я обнимаю Лиззи за талию и притягиваю ближе. Перевожу взгляд с перекошенного от ярости лица Броуди к ангельской улыбке Лиззи.

— Я тот парень, который даст ей все, что она заслуживает.

Она кладет руку мне на талию, и мы вместе уходим, оставляя их позади.

Мы идем приблизительно в течение пяти минут, прежде чем Лиззи начинает смеяться. Я с улыбкой наблюдаю за ней. Она смотрит на меня своими карими глазами, и они искрятся, словно пузырьки в бокале шампанского.

— Как так легко все получается у тебя? — спрашивает она, как будто этот вопрос кипел в ней в течение нескольких дней. — И когда ты стал таким галантным?

Я качаю головой.

— Когда ты стала такой сексуальной?

Она отмахивается от моего ответа.

— Нет. Серьезно. Как ты сделал это?

Я смотрю на верхушки деревьев, затем вновь на нее и пожимаю плечами.

— Жизнь легка, когда ты действительно знаешь, чего хочешь.

Она размышляет какое-то время, а затем поворачивается ко мне.

— Ну, я собираюсь сделать свою жизнь легкой. Прямо сейчас я хочу принять долгий душ и лечь спать.

Она достает телефон из сумочки.

— Что ты делаешь? — спрашиваю я, кивая на телефон в ее руках.

— Вызываю такси. Эта свадьба закончилась для меня.

Мысль о ее отъезде чувствуется, как удар в живот. Я кладу руку на ее телефон и отодвигаю его.

— Поехали ко мне.

Лиззи смотрит на меня грустным извиняющимся взглядом.

— Я не могу. Прости. Я очень устала.

— Ничего такого. Просто приедешь и поспишь. Больше ничего. Моя машина недалеко, а мой душ *потрясающий*.

Лиззи колеблется немного, затем говорит:

— Ладно. Но... почему?

Я засовываю руки в карманы и вновь отвожу взгляд.

— Ты поверишь мне, если я скажу, что сам не совсем уверен почему?

Глава 14

Лиззи

Помните, когда я говорила о пробуждении и ощущении себя фантастически? Ну, забудьте это, планка только что поднялась. Помните, когда я сказала, что не жаворонок? Что нанесла больше нокаутов по своему будильнику, чем чемпион в тяжелом весе? Что для того, чтобы полностью открыть глаза, мне требуется настолько крепкий кофе, что он почти отвратителен? Ну, забудьте это тоже, потому что, оказывается, все, что мне необходимо, это проснуться рядом с Джаксом.

Прежде всего, это одно из самых приятных сновидений, которое у меня было за долгое время. Я голая и закутана в самую мягкую, самую роскошную шелковую ткань, которую когда-либо чувствовала своей кожей. Это ощущается столь же неприлично, роскошно и идеально, как и реклама шоколада. Сильные руки обнимают меня, заставляя почувствовать себя в безопасности, и я ощущаю легкие щекотания от чего-то грубого, но ласкового на шее. Затем я открываю глаза и вижу восходящее солнце над просторами ЛА, как на открытках.

Я цепляюсь за мгновение во сне, каждую секунду которого хочется пропустить через себя, и странно, но и за все остальное цепляюсь в этот раз. Прекрасный горизонт не растворяется от визжащего будильника. Шикарные шелковые простыни не превращаются в мои функциональные хлопковые. И когда я провожу рукой по тому, что обхватывает мою грудь, то натываюсь не на забытый носок. Вместо этого там твердые костяшки пальцев и мощные очертания мужской руки. Руки Джакса.

Я слегка вздрагиваю от подавляющего осознания того, что это действительно происходит, и от тщательных поцелуев, которые он прокладывает на всех чувствительных местах моего уха.

Когда я ощущаю жесткость его члена между моих ягодиц и точеную грудь, прижимающуюся к моей спине, любое предположение, что это сон, становится таким же далеким, как и горизонт за окном.

Все происходит медленно, сонно. Бесшумно, за исключением шуршания простыней (они даже звучат дорого), едва слышимых легких поцелуев Джакса на моей шее, моих тихих стонов в ответ и нежного прикосновения кожи к коже, когда его руки подразнивают мою грудь.

Я завожу свободную руку за спину и притягиваю его ближе, проводя по загорелым мышцам его задницы и бедер. Затем беру его руку и медленно подношу его палец к своему рту, провожу языком по нему и начинаю сосать — как раз так ему нравится, когда сосут его член.

Мы упиваемся моментом, оба цепляясь за туманное утреннее восхищение, как будто все еще можем проснуться в любой момент. Его член начинает скользить вверх и вниз по моей заднице, руки начинают хватать так, словно он хочет оторвать часть меня, но я не позволю ему сделать всю работу самому.

Джакс был очень хорошим парнем, и пришло время взять инициативу на себя.

Я поворачиваюсь, толкаю его на спину и резким движением сбрасываю одеяло, оставляя лишь два наших обнаженных тела на кровати. Беру его член, который, клянусь, вырос на пару сантиметров с прошлой ночи — для парня, трахающегося так часто, как Джакс, удивительно, что он все еще в рабочем состоянии — и провожу головкой по моей киске. Затем хватаю презерватив с прикроватной тумбочки и мастерски быстро

раскатываю его на нем. Когда после этого перевожу взгляд на Джакса, голод в его глазах заставляет ускориться мой пульс.

— Иди сюда, — говорит он, его голос похож на низкое рычание.

Руки Джакса обхватывают мою грудь и шею, лаская и притягивая меня на него. Я помещаю кончик его члена в себя и могу сказать, что он собирается начать давать мне дальнейшие инструкции, но то, что я делаю дальше, сразу же дает ему понять, что у меня все под контролем.

Склоняюсь над ним, позволяя его рукам тянуть мои волосы и сжимать соски, пока скольжу киской над головкой его члена со всей осторожностью человека, собирающегося зайти в горячую воду.

Каждый изгиб его губ и каждый прищур его глаз я воспринимаю как знаки, говорящие мне, сколько дать и насколько сдерживаться до тех пор, когда уже практически могу слышать, как его яйца пульсируют от сильного желания.

Затем ввожу в себя его член с внезапностью поезда, лишившегося управления, и начинаю со страстью объезжать его.

Его руки опускаются и впиваются в простыню, словно он упадет на землю, если не сделает этого. Явное возбуждение в его глазах, то, как он наблюдает за тем, как я объезжаю его, является достаточным для того, чтобы я почувствовала себя сексуальной. Колышущиеся волосы, подпрыгивающая грудь, сжимающиеся бедра — сексуальная богиня. Я хочу, чтобы Джакс почувствовал достоинства своей выдающейся ученицы.

Хотя он вцепился в простыню и откинул голову назад на подушку, словно едет на нескольких «американских горках» одновременно, полные страсти глаза Джакса ни разу не покидают моего тела. Я насаживаюсь киской на его член, едва сдерживая страсть, как монашка, которую недавно изгнали из монастыря, до тех пор, пока Джакс не обхватывает меня за талию и не умоляет остановиться.

Для финала я соскальзываю вниз и стягиваю презерватив, после чего сжимаю сиськи вокруг его пульсирующего члена. Лишь этот вид подталкивает его к краю, и он извергается на мою грудь, грубо рыча, как тигр, пометивший свою территорию.

Затем он падает обратно на подушку и подносит руку ко лбу, как будто только что стал свидетелем чуда.

— Ну, — говорит он, надевая трусы, — это один из способов проснуться.

Позже я оказываюсь в горячем душе, но все еще ощущаю, как кровь пульсирует в моих венах. Душ Джакса действительно потрясающий, но я слишком волнуюсь по поводу обратного пути в спальню, в сбивающую с толку страну чудес дома Джакса, чтобы полностью насладиться этим.

К счастью, когда я выхожу из душа, Джакс стоит в коридоре с кофейной чашкой в руке и в дизайнерских боксерах со значительной выпуклостью.

— Ты... ждешь меня около душа?

— Я воспользуюсь любым шансом, чтобы посмотреть на тебя голую, — усмехается Джакс, поднимая кофейную чашку в знак приветствия и делая глоток.

— Ну, учитывая, что у меня имеется только платье, которое я надевала вчера, то могу остаться голой немного дольше.

Улыбка Джакса изменяется на несколько градусов. Он делает шаг в сторону, протягивает мне свою футболку и джинсы и подмигивает.

— Какой осмотрительный, — говорю я, с благодарностью принимая одежду.

— Нет ничего сексуальнее, чем девушка в моей одежде. Ну, возможно, еще несколько вещей.

— Но из обуви у меня только туфли на каблуке.

Джакс кивает на пол, где стоят женские сандалии.

— У тебя есть женская обувь в доме?

Джакс пожимает плечами, и впервые он выглядит слегка смущенным, но затмевает это своей ребяческой красотой.

— Я... счел полезным держать пару или две под рукой.

— Ладно, — говорю я, решив не вдаваться в подробности.

Когда я одеваюсь, Джакс уже готов и снова ожидает меня. Он брякает своими ключами от машины и говорит:

— Поехали на поздний завтрак. Я позволю тебе сесть за руль «Феррари».

— Я не могу. Я не очень хорошо умею управлять рычагом.

Джакс смеется.

— Ох, думаю, что ты уже очень хорошо управляешь с рычагом.

Я веду автомобиль Джакса, возможно, самым медленным и самым неуклюжим способом, которым когда-либо водили «Феррари». После того как в третий раз глохнет мотор, что, кажется, причиняет Джаксу боль, как удар по яйцам, я стискиваю зубы и концентрируюсь.

Как только я привыкаю к ревущему двигателю и тугому рулю, то начинаю замечать девушек, которые, кажется, машут почти на каждом углу района Джакса. Он прилагает все усилия, чтобы это было не так очевидно, но я вижу, как он слегка кивает и в знак вежливости поднимает руку, высунув ее из окна.

— Ты, видимо, довольно популярен здесь, — говорю я, после того, как две девушки с собаками посылают ему воздушный поцелуй.

— Что могу сказать? Я дружелюбный сосед, — говорит Джакс. — Ты везешь нас в какое-то особенное место?

— Ах, да. Лучший ресторан в ЛА. Приготовься к взрыву мозга, Мистер Архитектор, — я улыбаюсь, легко переключая скорость. — Во второй раз за утро.

К тому времени, когда мы подъезжаем к ресторану, я готова съесть все, во что вложены деньги этого предприятия. Как только мы выходим из автомобиля и начинаем идти по переполненной улице, меня озаряет.

— Знаешь, это первый раз, когда мы вместе в дневное время на публике, — говорю я, чувствуя себя беззаботно и комфортно в свободной одежде Джакса.

Джакс с важным видом идет рядом со мной какое-то время, затем поворачивает голову ко мне.

— Означает ли, что это свидание, мисс Типтон? Мне бы не хотелось переступить границы наших профессиональных отношений, — он улыбается, и очевидно, что Джакс флиртует со мной. И мне нравится это.

Я улыбаюсь в ответ и слегка отстраняюсь, убирая несколько прядей волос за ухо.

— Ну, предполагаю если...

— Эй, Джакс!

Голос исходит от женщины азиатской внешности в кожаной куртке и со стрижкой «боб», из-за которой она выглядит почти устрашающе.

— Не знала, что ты вернулся в город. Не видела тебя в баре больше недели, — продолжает она, с намеком прижимая утонченную руку к его груди и пробегаясь пальцами по вырезу его рубашки. Такую мелочь только женщина заметит — и исполнит.

— Я был занят, — говорит Джакс, повернув свое тело в сторону, чтобы уклониться.

Женщина оглядывает меня с головы до ног, словно рассуждает, кого хочет трахнуть, меня или Джакса, затем поворачивается к нему снова.

— Не верю, что ты завел себе подружку, Джакс. Так что, вероятно, она твоя сестра или еще кто-то.

Джакс вежливо смеется, отступает на еще один шаг и качает головой.

— Прямо сейчас я желаю лишь отношения с фрикадельками. Увидимся.

Она проводит рукой по его плечу, и он отстраняется.

— Ну, позвони мне. У тебя есть мой номер, и я, безусловно, сохранила твой.

Положив руку мне на спину, он подталкивает меня вперед, и я понимаю, что Джакс не желает разговаривать об этом, поэтому решаю забить на это. Для меня не является

неожиданностью тот факт, что у Джакса особая репутация, но сейчас я понимаю насколько она особая, и в голове начинают звенеть тревожные звоночки.

Мы входим в ресторан и усаживаемся. Когда Джакс снимает солнцезащитные очки, его глаза уже направлены на меня в этой его сосредоточенной и гипнотизирующей манере.

— Это не совсем справедливо, — говорит он.

— Что? — спрашиваю я.

— Я трачу столько времени на одежду. Подгонка, форма, цвет. Я очень придирчивый парень. Но ты, нося эту одежду, выжимаешь из нее все и заставляешь ее выглядеть еще лучше, чем я.

Я хихикаю и отвожу взгляд от смущения. Затем замечаю девушку, уставившуюся на нас — точнее, на Джакса, словно узнала его.

— Что такое? — спрашивает Джакс, заметив мое удрученное выражение лица. — Что-то не так?

— Нет. Нет. Ничего, — говорю я машинально.

Я снова смотрю на девушку, которая теперь покусывает губу и слегка улыбается. Когда оглядываюсь обратно на Джакса, он все еще вопросительно смотрит на меня, и я сдаюсь.

— Ну, я просто подумала о...

Слова «О. Боже. Мой» прерывают меня, вместе с длинной тенью, которая появляется на столе между нами. Это официантка, тощая блондинка с фальшивой грудью и в настолько короткой юбке, что, должно быть, противоречит правилам ресторана, которые она полностью игнорирует.

Джакс и официантка устали друг на друга, я смотрю то на него, то на нее, как будто это матч настольного тенниса. Выражение лица Джакса, как и у меня, удивленное и ожидающее объяснений. Выражение лица официантки — с такой же наполовину знающей косой улыбкой, которая была у женщины с азиатской внешностью, у девушек с собаками и у девушки в ресторане, сидящей у окна.

— Да? — говорю тоном, немного более расстроенным и резким, чем хотелось бы.

— Ох, простите, — говорит официантка, внезапно замечая меня, как будто это я только что подошла. Она смотрит на меня, потом на Джакса, затем кивает ему, словно внезапно «уяснила» что-то, после чего вручает нам меню.

— Вот ваши меню, я вскоре вернусь, чтобы принять ваш заказ, — говорит она, прежде чем умчаться подальше, как таракан, когда включили свет.

Джакс рассеянно одаривает меня улыбкой, и я отвечаю ему тем же, а затем прячу свое лицо за, к счастью, габаритным меню.

Если ранее были тревожные звоночки, звучащие в моей голове, то теперь весь флот сбежался на палубе и кричит «прекрати это все!». Внезапно я чувствую себя подобно лунатику, которого разбудили на краю моста Золотые Ворота посреди шага в пропасть. *(Примеч. Мост Золотые Ворота — висячий мост через пролив Золотые Ворота. Он соединяет город Сан-Франциско на севере полуострова Сан-Франциско и южную часть округа Марин, рядом с пригородом Саусалито).*

Не поймите меня неправильно, я не «удивлена», что Джакс переспал с множеством женщин. В первую очередь именно по этой причине я убедила его обучать меня. И я даже не удивлена, что все те женщины помнят его — и с любовью, судя по тому, что они, кажется, желают сдернуть с него одежду в ту же секунду, как только видят.

Меня выводит из себя тот факт, что прямо сейчас я испытываю немного слишком сильно зависть и чувство собственности. Немного слишком комфортно чувствую себя рядом с ним. Несомненно, у нас поздний завтрак вместе, и да, я ношу его одежду — и уверена, слова, сказанные им обо мне на свадьбе, были одними из самых приятных, которые кто-либо говорил обо мне.

Но Джакс — это Джакс, он мастер заставлять девчонок терять голову и клеиться к нему. Сам он тоже не может остаться равнодушным. Я знала это с первой секунды, как встретила его, что если потеряю бдительность и начну верить во всю эту ерунду, то окажусь в беде.

Я провела восемь лет своей жизни, позволяя обманывать себя, потому что чувствовала себя удобно — и не собираюсь повторять все это снова.

Джакс не относится к тому типу парней, которые подходят для отношений. Он не такой, и никогда не будет таким. Прекрати. Это. Все.

— Ты готова сделать заказ? — спрашивает Джакс.

— Ммм... да.

Я сохраняю спокойствие во время еды, подыгрывая манере Джакса говорить смешные вещи невозмутимо спокойным тоном. Он проницателен, и большую часть времени, которое мы провели вместе, читал меня, как книгу. В этот раз я не хочу, чтобы он узнал, какая война разразилась в моей голове.

Мы заканчиваем наш поздний завтрак, блондинка приносит нам чек, и Джакс предлагает прогуляться еще, но я уже приняла решение. Мне нужно немного времени для себя, немного возможности, чтобы подумать. Кроме этого, за последние несколько дней я лишь много трахаюсь, восстанавливаюсь после траханья и размышляю о траханье, поэтому у меня накопилось много дел.

Именно тогда до меня доходит, что осталось два дня нашей сделки. Джакс даже не упомянул об этом. Это потому что ему плевать? Или он забыл? Но нет, конечно, он не забыл. Он согласился на эту договоренность, потому что она подразумевала всего лишь семь дней и никаких обязательств. Таким образом, почему он должен об этом думать? После этого он сможет вернуться к своему обычному образу жизни. Почему он должен хотеть, чтобы все было по-другому?

Я сохраняю спокойствие, мы говорим друг другу «пока», а потом я ухожу.

Вот так просто я принимаю решение, что больше не могу быть с Джаксом. К черту сделку. Мне больше не требуется ни дня с ним. Я многому научилась и не могу позволить себе влюбиться в этого парня. Лучше познакомлюсь с кем-то другим.

Я приезжаю домой и трачу несколько часов, притворяясь, что разбираюсь с кучей «срочных» писем, ожидающих ответов, привожу в порядок свою квартиру, которая ощущается вдвойне более грязной и маленькой, после проведенной ночи в доме Джакса, затем проверяю холодильник и понимаю, что нет... ну, всего. Мне давно пора устроить себе пару ночей заедания проблем в пижаме, и я не хочу оказаться без ведерка «Ben & Jerry», поэтому решаю съездить в продуктовый магазин.

Бросаю одежду Джакса в машину, надеваю штаны для йоги и майку, а затем отправляюсь в магазин, мысленно перечисляя все, что мне необходимо, чтобы снова не начать размышлять о Джаксе.

Когда кладу в свою тележку несколько продуктов, которые мне нет необходимости покупать, но я знаю, что съем их, и продукты, которые мне необходимы, но знаю, что не съем их, приходит сообщение от Джакса.

Просто фотография его мускулистого потного торса на фоне его личного тренажерного зала, без какой-либо подписи.

Я не хочу, но все же уставилась на совершенство торса Джакса, словно это самое потрясающее, что я видела в продуктовом магазине до сих пор. Я так увлечена этим, что заворачиваю свою тележку в другой проход и врезаюсь ее углом прямо в пах высокого мужчины.

— Уф! — восклицает он, скорчившись и сгорбившись над своей интимной частью тела.

— Дерьмо! Боже мой! Мне так жаль, — говорю я, оставив свою тележку и положив руку на его спину.

Он тихо стонет, а затем выпрямляется и направляет насыщенно-голубые глаза на меня. Как только его глаза встречаются с моими, его точеная линия подбородка превращается в теплую, слегка глупую, но чертовски милую улыбку.

— Это лучший удар, который я видел за весь день, — смеется он, и когда видит растерянное выражение на моем лице, указывает на значок на своей тренировочной одежде, — я тренирую команду младшей лиги.

— Ах, — говорю я, когда он поправляет свою бейсболку и слегка вздрагивает. — Ну, ты в порядке?

— Да. Все будет хорошо. Я всегда держу удар.

Я смеюсь и возвращаюсь к своей тележке.

— Эй, — зовет он, когда я собираюсь продолжить свой путь к сырному отделу, — кажется, я видел тебя раньше.

Я смотрю на него и пытаюсь вспомнить, встречались ли мы.

— Ты модель, верно? — продолжает он. — Если нет, тогда тебе определенно следует заняться этим.

По какой-то причине его невинная улыбка и нежный тон заставляют меня смеяться. Когда я поднимаю голову, откидывая волосы назад, то смотрю прямо в это милое лицо и говорю:

— Вау, это реально отстой. Это, возможно, худший подкат, который я когда-либо слышала.

Он добродушно пожимает плечами.

— Как бы ты это сделала? — спрашивает он, наполовину искренне, наполовину просто пытаюсь поддержать разговор.

Я оглядываю его с головы до ног и замечаю хорошую осанку, красивое лицо и непринужденную манеру.

— Эта бейсбольная куртка, по крайней мере, на два размера больше. У тебя, кажется, хорошие мышцы, и тебе следует демонстрировать их. И никаких подкатов или, во всяком случае, ничего, что звучит так, словно ты сам не веришь в это. И сними бейсболку — ты же не на поле прямо сейчас. В ней ты выглядишь так, словно скрываешь плешь или что-то вроде того.

Он снимает кепку и склоняет голову, словно выполняет королевский реверанс.

— Мне нечего скрывать, ваша честь.

Я смеюсь и жестами показываю ему выпрямиться, когда замечаю, что люди смотрят на нас.

— Ты эксперт в этом? — спрашивает он.

— Я... научилась некоторым приемам, — снисходительно говорю я.

— Ну, скольким приемам ты можешь меня научить в обмен на кофе и круассан? Я знаю отличное место в паре кварталов отсюда.

Я убираю прядь волос за ухо, размышляя над его предложением.

— Это... прямолинейно. Властно, но не тупо. Возможно, у тебя есть потенциал, — я поражена тем, как легко все слетает с моего языка, пока не осознаю, что говорю, как Джакс. И затем еще одно осознание поражает меня — у меня получается.

Он широко улыбается, и я замечаю, как сильно сияют его глаза на фоне щетины и ямочек на щеках.

— Это значит «да»?

— Я даже не знаю твоего имени, — но я улыбаюсь, когда говорю это.

Он протягивает руку.

— Джеймс.

— Лиззи.

— Приятно познакомиться, Лиззи.

— Взаимно.

— Итак?..

— Это «почему бы и нет». Действительно ли круассаны так хороши?

Улыбка Джеймса становится еще больше, демонстрируя очень хорошие зубы.

— Они потрясающие. Пойдем?

Как только мы направляемся к кассе, я получаю еще одно сообщение. Снова от Джакса.

Сегодня вечером.

Кидаю быстрый взгляд на Джеймса, он оборачивается ко мне и корчит рожицу. Я смеюсь, затем опускаю взгляд на свой телефон и отправляю ответное сообщение.

В том же баре. В то же время.

Думаю, мне следует сказать Джаксу, что сделка закончена. И поблагодарить его за хорошо сделанную работу.

Глава 15

Джакс

В случае если вы не заметили, я мужчина, который знает, чего хочет. И я хотел Лиззи с того момента, как только увидел ее. Проблема заключается в том, что я не понимал, как сильно ее желал.

Впервые в своей жизни я иду по улице, не оценивая каждую девушку. В этот раз я не удаляю номер девушки из своего телефона. В этот раз на самом деле я с нетерпением жду *разговора* с ней.

Единственное, что меня интересовало в женщинах до сегодняшнего дня, это какие позы они могут принимать и как глубоко брать член в рот. От каждой красотки, с которой был, я хотел лишь одного. И как только получал это, уже думал о следующей.

Вот *так*. А сейчас, я не могу дождаться встречи с Лиззи снова, хотя видел ее утром и провел большую часть времени на прошлой неделе, трахаясь с ней во всех позах первых нескольких страниц «Камасутры». Все *это* ново для меня.

Не поймите меня неправильно, я не собираюсь становиться мягким и податливым. Не собираюсь начинать носить плохую одежду и менять «Феррари» на внедорожник. Я все еще тот же самый парень, который знает, чего хочет, и как именно заполучить это. Просто прямо сейчас то, что я хочу, может дать мне только Лиззи.

Можно сказать, что мы встречаемся, но это слишком напоминает то, чем обычно занимаются неопытные старшеклассники. Можно назвать наши отношения исключительными, ведь с Лиззи я ничего не лишен, у нее есть все, что присуще настоящей женщине — в спальне и за ее пределами. Можно было бы назвать серьезными, если бы Лиззи не смешила меня, а я не смеялся, словно какой-то нарик, принимающий участие в комедийной постановке. Вместо этого я называю такие отношения собственническими, потому что интуиция подсказывает мне сделать ее своей, а я всегда прислушиваюсь к своей интуиции.

До того как встретиться с ней в баре, я заезжаю на строительную площадку проекта Дентона. Он почти закончен, и я еду по подъездной дорожке, приветствуя рабочих, когда они проходят мимо, направляясь домой на ночь.

Выхожу из машины и направляюсь ко входу, чтобы найти Люси — она всегда приезжает к концу рабочего дня — но останавливаюсь на полпути, когда Жаклин исполняет фокус в стиле Дэвида Копперфильда, выскакивая откуда ни возьмись. Она одета в красное платье из спандекса, настолько обтягивающее, словно она сняла его с Барби, а грудь выглядит настолько огромной, как будто выросла примерно на треть с нашей прошлой встречи.

— Джакс! Как чудесно встретиться с тобой! — говорит она, обвивает меня обеими руками и притягивает к своему телу так близко, что я чувствую ее пупок.

— Миссис Дентон, надеюсь, вы довольны тем, как все получается.

— Все еще лучше, когда ты здесь, — мурлычет она. — И, пожалуйста, называй меня Джеки.

— Хорошо, Джеки, — улыбаюсь я.

— Замечательный костюм, Джакс, — говорит она, пробегаясь пальцами по лацкану моего пиджака. — Для такого занятого мужчины, ты одеваешься так хорошо.

— Спасибо. Ты тоже выглядишь очень впечатляюще, — говорю я, сразу же сожалея об этом. Иногда мне жаль, что я не могу отключить это, но старые привычки

искореняются с трудом.

— Ты, в самом деле, так думаешь? — мурлычет она, выпячивая грудь и проводя руками по бокам, как будто проверяя, находятся ли изгибы ее тела на прежнем месте. Она поворачивается кругом, прижимаясь задницей ко мне, и подмигивает. — Хочешь узнать секрет?

Я оглядываюсь. Где, черт возьми, Люси, когда она так нужна? Затем поворачиваюсь обратно к Жаклин и добродушно пожимаю плечами.

Она наклоняется очень близко и запускает руку под мой пиджак.

— Без одежды я еще более впечатляющая.

Просто на случай, если я не понял ее, она подтверждает свое заявление легким похлопыванием по задней части моей шеи.

— Миссис Дентон... Джеки... — говорю я, своим самым деликатным и мягким тоном.

— Не будь застенчивым, Джакс. Я знаю о тебе. Знаю, ты думаешь, что тебе нравятся те тощие сучки в клубах, с которыми всю работу приходится делать самому. Я просто хочу, чтобы ты знал, если хочешь настоящую женщину, я прямо здесь. И я готова дать лучшее, что у тебя когда-либо было.

Пока говорит, она снова проводит руками вверх и вниз по лацканам моего пиджака, сжимая их и притягивая меня к себе, как полицейский, желающий выбить признание. Я выдавливаю свою самую очаровательную несексуальную улыбку и убираю ее руки.

— Джеки, от такого предложения мужчине было бы очень глупо отказываться. Обычно, ты даже не успела бы закончить предложение. Но это не произойдет по двум причинам. Первая, я никогда не сплю с замужними женщинами — даже такими... привлекательными, как ты. И вторая, я вроде как не совсем свободен.

Выражение лица Жаклин меняется от сексуального к завистливому.

— Ну, если когда-нибудь передумаешь, ты знаешь, где найти меня.

Я иду обратно к своей машине. Плевать на Люси, она сможет справиться сама.

— Пока, Джеки.

Я не хочу портить шины на своем «Феррари», пробуксовывая колесами, ведь от этого стирается резина, но в этом случае я разгоняю автомобиль, чтобы убраться оттуда как можно быстрее.

Я добираюсь до бара в два раза быстрее, чем обычно, как будто отвращение к Жаклин и желание к Лиззи ускорили меня. Не спеша вхожу внутрь, полностью игнорируя взгляды и улыбки, и мой взгляд останавливается на единственном, ради чего я пришел сюда — на той единственной, с которой намерен уйти отсюда. На Лиззи.

Она одета в обтягивающие черные джинсы, в них ее ноги выглядят еще длиннее и более накаченными, чем я запомнил, и в обычный белый топ под кожаной курткой, которая выглядела бы нелепо на любой девушке, не имеющей таких изгибов, как у Лиззи. В этот раз от этого вида я вынужден закусить губу, чтобы сдержать вздох. Лиззи становится все сексуальнее и ярче каждый раз, когда я вижу ее, и вполне возможно, что в какой-то момент она станет сверхновой звездой.

Я медленно иду к ней, с удовольствием оглядывая ее тело от макушки до кончиков пальцев на ногах — тело, из-за которого, возможно, жена каждого женатого мужчины в баре устроит ему дома хороший скандал.

— Эй, красотка, — говорю я, кладу руку на ее спину и наклоняюсь для поцелуя.

— Эй, красавец, — говорит она с сияющей улыбкой, но с немного меньшим блеском в глазах, чем обычно.

Я наклоняюсь к ее губам, но Лиззи подставляет щеку. Что-то произошло.

— Кабинка?

— Конечно, — соглашается она, и идет впереди меня, предоставляя самый лучший обзор на эротическое шоу с ее покачивающимися ягодицами в главной роли.

Как только мы садимся, Лиззи наклоняется вперед с огромной улыбкой на губах, накрашенных красной помадой.

— У меня есть новости! — говорит она, хлопая в ладоши, хихикая и волнуясь, как школьница, которая собирается рассказать какую-то чрезвычайно конфиденциальную сплетню.

— Здорово, — говорю я, подзвав официанта и заказав напитки.

Лиззи наблюдает, как он уходит, и поворачивается обратно ко мне с лучезарной улыбкой на лице. Глядя на эти губы, я чувствую себя так, словно уже выпил три напитка — трудно сфокусироваться, когда женщина так красива, и от этого начинаешь задаваться вопросом, не галлюцинации ли у тебя.

— Порази меня, — говорю я, — какие новости?

Лиззи пожимает плечами, смотрит на колени, словно там имеются какие-то заметки, затем встречается со мной взглядом и говорит:

— Я встретила кое-кого.

Битва Наполеона при Ватерлоо. Атака на Перл-Харбор. Поражение «Юта Джаз» в девяносто восьмом. Форман, нокаутированный Али в Конго. Это ощущается подобно всем этим событиям, произошедшим одновременно. *(Примеч. Битва при Ватерлоо — последнее крупное сражение французского императора Наполеона I. Атака на Перл-Харбор — внезапное комбинированное нападение японской палубной авиации авианосного соединения вице-адмирала Тюити Нагумо и японских сверхмалых подводных лодок, доставленных к месту атаки подводными лодками Японского императорского флота, на американские военно-морскую и воздушные базы, расположенные в окрестностях Перл-Харбора на острове Оах. «Юта Джаз» — профессиональный баскетбольный клуб, выступающий в Северо-западном дивизионе Западной конференции Национальной баскетбольной ассоциации. В 1998 году команда проиграла в финале чемпионата НБА. Джордж Форман — американский боксёр-профессионал, выступавший в тяжёлой весовой категории).*

Знаете ли вы, каково это — услышать такие слова от женщины, ради которой вы готовы изменить всю вашу жизнь?

— Встретила кое-кого? В смысле... парня? — спрашиваю я, надеясь на другой ответ, но осознавая, что тем самым причиняю себе еще больше боли.

Лиззи кивает, ее глаза сияют. Как два человека могут испытывать такие абсолютно противоположные эмоции от одной и той же новости?

— Его зовут Джеймс. Ему 32 года, он педиатр в медицинском центре Cedars Sinai. Я встретила его сегодня в продуктовом магазине, — говорит Лиззи, загоняя мое сердце в устройство для уничтожения бумаги, — это произошло... совершенно случайно! Мы просто начали разговаривать, затем пошли попить кофе. И закончилось все тем, что я провела весь день с ним! Ты можешь поверить в это?

— Я... не могу поверить в это, — говорю я, пытаюсь придумать, что еще сказать, но из-за огромной дыры внутри, мне не удастся. Это все, что я могу сказать, чтобы удержать улыбку на лице.

— Он великолепный. Я имею в виду, не как ты — он отчасти глуповатый, но достаточно уверенный, чтобы понять шутку. Он такой милый. Тебе бы он понравился.

Тебе бы он понравился? На какой планете живут женщины, если думают, что это можно говорить парню? Даже если бы я не испытывал к Лиззи никаких чувств, это все равно звучало бы жутко, а при сложившихся обстоятельствах это равносильно вворачиванию тридцатисантиметрового сверла в мое ухо.

— Отличные новости, — говорю я. — Я очень рад за тебя. Тебе следует не упускать эту возможность.

Даже актеры не умеют так хорошо лгать. Они лишь говорят то, во что не верят. Я же говорю слова, которые являются полной противоположностью тому, что чувствую.

— Спасибо, — говорит она, поверив этому, поскольку Лиззи слишком погружена в свое волнение, чтобы распознать лживость моих слов.

Приносят напитки, и мне удается обхватить пальцами свой бокал и поднять его в воздух — не спрашивайте, как мне это удалось.

— За новые приключения, — говорю я, надеясь, что ее планы разрушатся.

— За новые приключения, — говорит Лиззи, ее удивительные красные губы изгибаются в улыбку, и мне жаль, но я не могу сказать, что она улыбается благодаря мне.

Мы неторопливо пьем напитки — в моем бокале гораздо больше, чем в ее — и виски обжигает сильнее, чем обычно.

— Он тренирует команду младшей лиги, — говорит Лиззи, как будто разговаривает сама с собой. — Я имею в виду, разве это не мило?

Я планировал добавить в обучение Лиззи бондаж, но теперь рад, что мне не выдался такой шанс. Она не знает, когда прекратить мучения.

— У него есть дети? — спрашиваю я, хватаясь за соломинку, как утопающий.

— Нет. Кажется, у него есть племянник в команде. Кроме этого, я думаю, что ему просто нравится спорт.

Я киваю в знак согласия, обнаруживаю, что мой стакан пуст, и снова зову официанта.

Лиззи отбрасывает волосы в сторону, и я подавляю все воспоминания, которые этот жест вызывает, однако приятно, что они существуют.

— Ты, вероятно, уже понял, но... я не могу продолжать... наше «соглашение».

— Да, конечно, — говорю я, вновь пожимая плечами. Уверен, я часто делаю это движение сегодня.

— Я имею в виду, это было удивительно. Самый потрясающий опыт в моей жизни. Я чувствую, что должна сказать «спасибо», — смеется она, — но предполагаю, что это нравилось нам обоим.

— Определенно так и есть.

— Хотя мы же оба знаем, что это никуда бы не привело. Я имею в виду, ты это ты, а я — все еще... маленькая глупышка Лиззи! — смеется она снова.

— Конечно. Как я и говорил. Никаких чувств. Никаких обязательств, — да, я действительно говорил это. Такое ощущение, что после этих слов прошла уже целая жизнь. Да, это предназначалось для Лиззи, и я понятия не имел, что именно мне придется с этим столкнуться.

— Но я надеюсь, что мы останемся друзьями.

Твою ж мать. Что за хрень? Я видел такое в фильмах и телепередачах. Слышал эту фразу раньше. И каждый раз, когда слышал ее, думал лишь одно: Ничтожество. С большой буквы «Н». Эту фразу даже я не могу заставить звучать хорошо.

Надеюсь, что мы останемся друзьями.

И вот, это сказано мне. Джаксу. Мужчине, который может заставить женщину последовать за собой одним взглядом. Мужчине, который считает, что соблазнить женщину легче, чем завязать шнурки. Мужчине, который отказал трем женщинам сегодня сам.

Худшее в этом?

Я фактически рад, что она сказала это.

Я на самом деле рад. Я настолько отчаянно желаю видеть эту женщину, что готов быть ее другом и больше ничего. Это моя самая низшая точка. Мой самый страшный час.

— Посмотрим, — говорю я, хватая напиток из рук официанта, прежде чем он успевает поставить его на стол, и выпиваю его залпом. — Еще один.

Лиззи смотрит на меня. Ее глаза все еще сияют, улыбка все еще искренняя и неизбежно сексуальная, как и раньше. Она делает небольшой глоток своего напитка и хватается сумочку.

— Ну, мне пора идти. Я встречаюсь с Джеймсом вечером, — она встает и смотрит на меня, словно я часть забытого багажа, — ты же не возражаешь, верно? Имею в виду, ты, вероятно, рад, что у тебя появится возможность подцепить кого-то нового.

Я слегка смеюсь, и клянусь, что это причиняет боль моему лицу.

— Иди. Проведи хорошо время. Ты заслуживаешь этого.

Она наклоняется и целует меня в щеку.

— Пока, Джакс.

— И тебе пока.

В течение секунды она колеблется, и это почти похоже на то, словно она хочет сказать что-то еще. Но затем она улыбается, качает головой и уходит.

— Увидимся.

Я наблюдаю за ее уходом.

Это первый раз, когда женщина уходит от меня.

И я не знаю что, черт возьми, делать.

Продолжение следует...